

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!

Записки провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф

Рыболов стеклянного батальона
– Посмотрел я на эту рыбу...

Человеку, который это говорил, было тридцать лет. А мы валялись по углам вагона и старались не слушать.

– После рыбы хорошо пить чай, – продолжал голос.

Мы – это первый взвод батальона. Никому не было известно, какого полка мы батальон. Числом мы тоже подходили: всего шестьдесят человек. Но нас называли батальоном.

– Стеклянный батальон! – сказал комендант Гранитной станции, когда нас увидел.

– Рвань! – добавил комендант. – Я думал, хороших ребят пришлют, а они все в очках!

Мы остались на охране Гранитной. Потом комендант переменял свое мнение, но кличка пошла в ход, и мы так и остались стеклянным батальоном.

– Посмотрел я на эту рыбу...

Никто даже не шевельнулся. От пылающего асфальтового перрона, шатаясь, брел ветер. Горячий воздух сыпался, как песок.

Это был девятнадцатый год.

Я поднялся и вышел. Лебедь пошел за мной. Это он рассказывал про рыбу. Он всегда говорил о ней. Далась ему эта рыба.

Я пошел на станцию. Лебедь двинулся в противоположную сторону, и я знал, куда он идет.

Было очень скучно и очень жарко. Охрана станции – дело простое, а газеты не приходили уже вторую неделю.

Разгоряченный асфальт обжигал подошвы, с неба, треща и всё разрушая, сыпалась жара.

У стенки, в тени, где стоял накрытый гимнастеркой пулемет, я обернулся. Лебедь был уже далеко. Виднелась только его плывущая в пшенице голова.

– Куда пошел? – закричал я.

Голова обернулась, что-то прокричала и унеслась дальше. Впрочем, я знал, куда пошел Лебедь.

Ему было идти версты полторы. До пруда. Там он удил рыбу, о которой говорил.

– Всё к ней ходит? – спросил пулеметчик, зевая.

– Ходит, – сказал я. – А что слышно?

– Да ничего. Мохна, говорят, у Татарки стоит. Врут. Чего ему сюда идти? Не его район! А насчет рыбы Лебедь, конечно, запарился. Мне стрелочник говорил. Никогда ее там не водилось.

Я ушел.

История рыбы такая. Видел ее в этом пруду один только Лебедь.

– Длинная и толстая. Вроде щуки.

Смеялись над ним сильно. Ну, откуда же в пересохшей луже рыба? Дела нет, скучно – и пошел смех, один раз вечером даже спектакль об этом устроили.

Первый акт. Сидит Лебедь и свою любовь к рыбе доказывает. Второй акт. Рыба свою любовь к Лебедю доказывает. Третий акт. Показывают ребенка грудного, который от этих доказательств произошел.

Совсем не остроумно. Ребенка у сторожихи одалживали. Очень скучно уж было и жарко.

Однако Лебеда этим довели до каления. Сидит и только об одном:

– Посмотрел я на эту рыбу...

Просто бред. Поклялся Лебедь, что эту рыбу поймает и все докажет.

Если человек захочет, то все сможет. Из всякой дряни Лебедь скотил себе удочку и днем сидел над своей помойницейлужей.

Комендант и рыболовом его называл, и вообще крыл – не помогало. Дежурство кончит, о рыбке поговорит и сейчас же к ней на свидание. Удочку несет и винтовку. Без винтовки нам отходить от станции не позволяли.

Солнце в беспамятстве катилось к закату. Телеграфные провода выли и свистели. Швыря белый дым, вылез из-за поворота паровоз и снова ушел за поворот. В пшенице кричала и плакала мелкая птичья сволочь. Солнце сжималось, становилось меньше и безостановочно падало. Луна пожелтела, и поднялся ветер.

Батальон вылез из темных углов, где прятался от жары. Семафор проснулся и открыл зеленый глаз.

Пришел долгожданный вечер. Лебеда все не было. Черные тени уцепились за станционные постройки и попадали на рельсы.

– Не рыбу он видел, а русалку! Сам же он говорил, что только хвост видел! Разве человек из-за рыбы станет, как головешка? Рыба, рыба... У ней только хвост рыбий.

Комендант вышел из телеграфа, засовывая в карманы узенькие ленточки телеграмм, и сейчас же пошел переполох. То, что казалось выдумкой днем, вечером сделалось правдой. В Татарке сидели банды.

Фонари шипя погасли. Гранитную захлопнуло темнотой. Первый взвод нахмурился и забросил за спину винтовки.

Первый взвод, мой взвод и взвод Лебеда, выступал в сторожевое охранение на версту в сторону Татарки.

– Где Лебедь? – кричал комендант. – Ну, я этому рыболову покажу! Никогда его на месте...

Комендант не кончил. Со стороны пруда грохнул и покотился выстрел. Потом еще два. Остальное сделалось вмиг.

Первый взвод никуда не пошел. Идти было уже некуда: шли к нам.

Пулемет затарахтел по перрону и пошел вбок. Я посмотрел в лицо залегшего со мной рядом. Оно было желтое от света желтой луны. И сейчас же ударил пулемет. Внезапная атака махновцам не удалась. Гранитная уже была предупреждена выстрелами с пруда.

Тишина пропала. Все наполнилось звоном, грохотом и гулом. В черное лакированное небо полетели белые, розовые и зеленые ракеты. Из цепи брызгали залпами. Луна носилась по небу, как собака на цепи. Тишина пропала. Атака пропала. Они не дошли даже на триста шагов. Вслед резал пулемет. Вслед в спину догоняли пули. Атака была отбита.

Атака была отбита, но на другой день мы хоронили Лебеда. – Я, товарищи, плохо

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov такие речи говорю, – сказал комендант. – Что говорить? Не сиди он там у пруда вчера – еще неизвестно, что было бы! Может, их сила была бы! Могли взять врасплох!

А стеклянный батальон кидал землю на могилу рыбакова. Но в тех рассказах, которые шли потом, его больше рыбаковым не называли. А сторожиха плакала даже.

1923

Стеклянная рота

Весна и война наступили сразу. Снежные валы разваливались. Светлая вода затопила тротуары. Собачки стали покушаться друг на друга. Газетчики что есть силы орали:

– Капитан Садуль французов надуль!

Были новости еще трескучей.

На Украину шли большевики. Была объявлена мобилизация и отменена тридцать седьмая статья расписания болезней, освобождающих от военной службы. Словом, был девятнадцатый год.

Колесников пошел прямо на сборный пункт. Там уже началось великое собрание белобилетчиков, и близорукие стояли толпами.

В толпах этих ломался и скрещивался солнечный блеск. Близорукие так сверкали двояковогнутыми стеклами своих очков и пенсне, что воинский начальник только жмурился, приговаривая каждый раз:

– Ну и ну! Таких еще не видел!

Над беднягами смеялись писаря:

– Стеклянная рота!

Близорукие испуганно ворошились и поблескивали. Множество косоглазых озирало небо и землю одновременно. В лицах астигматиков была сплошная кислота. Надеяться было не на что.

Бельмо не спасало. Болезнь роговой оболочки не спасала. Даже катаракта не спасла бы на этот раз. К городу лезли большевики. Поэтому четырехглазых гнали в строй. Косые блямбы шли в строй.

Человек, у которого один вид винтовки вызывал рвоту, легендарный трус Сема Глазет, тоже попался. Его взяли в облаве.

Вечером стеклянной роте выдали твердые, дубовые сапоги и повели в казармы. В первой шеренге разнокалиберного воинства шел Колесников.

Во всей роте он один не носил очков, не дергал глазами, не стрелял ими вбок, не щурился и не моргал, как курица. Это было удивительно.

Ночью в небе шатались прожектора и быстро разворачивались розовые ракеты. Далеким и задушевым звуком дубасили пушки. Где-то трещали револьверами, словно работали на ундервуде, – ловили вора.

Рота спала тревожным сном. Семе Глазету снился генерал Куропаткин и мукденский бой.

Иногда в окно казармы влетал свет прожектора и пробегал по лицу Колесникова. Он спал, закрыв свои прекрасные глаза.

Утром начались скандалы.

Рядовому второго взвода раздавили очки. Усатый прапорщик из унтеров задышал гневом и табачищем, как Петр Великий.

– фамилие твое как?

– Шопен! – ответил агонизирующий рядовой второго взвода.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Дешевка ты, а не Шопен! Что теперь с тобой делать? Видишь что-нибудь?

– Ничего не вижу.

– А это видишь?

И рассерженный прапорщик поднес к самому носу рядового Шопена такую страшную дулю, что тот сейчас же замолчал, будто навеки.

Медали на груди прапорщика зловеще стучали. Вся рота, кроме Колесникова, была обругана. Больше всех потерпели косые.

– Куда смотришь? В начальство смотри! Чего у тебя глаз на чердак лезет? Разве господин Колесников так смотрит?

Все головы повернулись в сторону Колесникова.

Украшение роты стояло, отчаянно выпучив свои очи. Ярко– голубой правый глаз Колесникова блистал. Но левый глаз был еще лучше.

У человека не могло быть такого глаза. Он прыскал светом, как звезда. Он горел и переливался. В этом глазу сидело небо, солнце и тысячи электрических люстр. Сема пришел в восторг и чуть не зарыдал от зависти. Но начальство уже кричало и командовало. Очарование кончилось.

Ученье продолжалось еще неделю.

Звенели и разлетались брызгами разбиваемые очки. Косые палили исключительно друг в друга. Рядовой Шопен тыкался носом в шершавые стены и беспрерывно вызывал негодование прапорщика. Утром стеклянную роту должны были грузить в вагоны, на фронт.

Но уже вечером, когда косые, слепые и сам полубог Колесников спали, в море стали выходить пароходы, груженные штатской силой.

В черное, лакированное небо смятенно полезли прожектора. Земля задрожала под колесами проезжающей артиллерии. Полил горячий дождь.

Утром во дворе казармы раздались свистки. Весь город гремел от пальбы. Против казармы загудела и лопнула какая-то металлическая дрянь.

В свалке близоруких и ослепленных бельмами прапорщик искал единственную свою надежду, украшение роты, полубога Колесникова.

Полубог лежал на полу. Сердце прапорщика моталось, как маятник.

– Колесников, большевики!

Колесников привстал на колени. Правый глаз его потух. Левый был угрожающе закрыт.

– Что случилось? – закричал прапорщик.

Полубог разъяренно привстал с колен.

– Ничего не случилось! Случилось, что глаз потерял. Дураки ваши косоухие из рук вышибли, когда вставлял его, вот что случилось.

И он застонал:

– Лучший в мире искусственный глаз! Где я теперь такой достану? фабрики Буассон в Париже!

Прапорщик кинулся прочь. Единственная подмога исчезла. Спасаться было не с кем и некуда. Оставалось возможно скорее схоронить погони и медали.

Через пять минут прапорщик стоял перед Глазетом и, глядя на проходивших по улице

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov черноморцев, говорил:

– Я же сам скрытый большевик!

Сема Глазет, сын буржуазных родителей, заревел от страха и упал на пол.

1923

Каска и сковорода

Он был из Франш-Конте. Я узнал это, когда мы стали больше знакомы. Ту каску, которая сидела на его голове, я увидел вчера снова в павильоне Сельсоюза¹. Она лежит там недалеко от цветной капусты, напротив табачных пачек и рядом с железными сковородками.

С нее сняли воинственный гребень и выпуклое ядро с завитком пламени, которое помещалось впереди, как герб. На голове Форшамбо, французского солдата родом из Франш-Конте, она имела более гордый вид. Теперь осталось только железо, только то, что нужно. Сельсоюз делает свои маленькие сковородки из солдатских касок, брошенных на юге отступающими французскими отрядами.

Форшамбо подавился бы от негодования, если бы узнал, что на его каске будут жарить картошку. Впрочем, так он думал только в первые дни своего пребывания в оккупированной Одессе. Потом взгляды его на материал для изготовления кухонной посуды изменились.

Форшамбо всегда веселился и ничуть не желал умереть. Но он также не захотел переменить свои новые убеждения, а они стали такими, что военный суд не нашел ему наказания легче, чем смерть.

В морозное зимнее утро он яростно шагал взад и вперед, стараясь согреться. Холодный туман заслонял все. Я подошел ближе.

Солдат сплюнул и посмотрел в мою сторону:

– Чертовски холодно, а?

– Да, холодно! Когда вы прибыли?

– Вчера вечером. Разве вы не слышали стрельбы? Мы прогнали большевиков.

– Я слышал. Только это не большевики.

– Кто же?

– Это гайдамаки.

Он ничего не понял и захохотал:

– Все равно! Это большевики! Мы их уничтожим! Но у вас очень холодно.

Он затопал ногами и выругался. Его каска покрылась каплями влаги от оседавшего тумана. Стуча башмаками, пришел капрал в голубой шинели. Он сердито осмотрелся и, увидев меня, протяжно запел:

– Отойдите. Господа, отойдите! С часовым нельзя разговаривать.

Солдат сделал мне рукой. Я кивнул ему и отошел. На мостовую выехали пушки.

Торопливая беготня, марширующие команды, звон и трескотня создали в городе ту же свежесть, какая на выставке создается видом раскиданных досок, визгом пилы и запахом стружек. Это запах дела, запах работы, свежесть поля, где происходят генеральные маневры.

Оттого, увидев ржавую каску, я сразу вспомнил то время, когда Форшамбо и его товарищи выбросили из Одессы два расшатаанных броневика доктора Луценко и его же гайдамаков.

Форшамбо все-таки узнал разницу между гайдамаками и большевиками. Он узнал даже разницу между большевиками и всякими другими.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Он погнался за дешевой любовью, а нашел социальную политику, и то что он услышал в кабаке «Открытые Дарданеллы», стало ему дороже любви.

Над входом, прямо на стене были нарисованы эти открытые Дарданеллы. Коричневые скалы и зеленые деревца, которые росли на небе и на море, потому что на скалах им расти не подобает, а для изображения земли художнику не хватило места.

Крикливые намазанные девки и дешевое вино были ужасны. Но здесь больше говорили о социальном бунте, чем любили женщин, и бросались не к вину, а к прокламациям.

Что бы то ни было, сказанные слова были услышаны, а прочитанное – понято.

Стоя на карауле у военного склада, форшамбо больше не улыбался женщинам. Увидев меня, он не взял на караул, как шутливо делал всегда, не закричал обычное: «Как здоровье, мсье?», а сделал мне знак подойти.

– До каких пор я буду носить на голове этот железный котел и охранять поганую спаржу?

Снежные кристаллы рассыпались по его каске, пламя взвивалось из ядра. Форшамбо, как видно, не прочь уже был сделать из своей каски сковородку. Он громко бранился, ставя рядом с именами своих командиров самые унижительные эпитеты.

– Идите, идите! – внезапно закричал он.

И протяжно запел:

– Отойдите, господа, отойдите! С часовым нельзя разговаривать! Часовой должен охранять спаржу!

– До свидания, – крикнул он мне вслед.

Я обернулся. Форшамбо сделал мне рукой приветливый знак. Я кивнул ему и ушел.

Его арестовали через два дня. То, что он говорил мне, он сказал и другим. На суде он высказал свои новые взгляды на армию и многое другое. Суд ужаснулся. Большевистскую заразу надо было вырвать с корнем, и легче наказания, чем смерть, ему не нашли. Форшамбо умер.

Но другие остались в живых и сковородки все-таки сделали.

Она лежит недалеко от цветной капусты, напротив табачных пачек, слева от игрушечной сыроварни, в павильоне из дерева и стекла, среди поля, которое было пустым до того дня, когда тысячи плотников бросились с топорами через Крымский мост для генерального маневра против старой жизни.

1923

Страна, в которой не было Октября
Воспоминания об Украине
Действительно, на Украине его не было.

Медлили с самого начала.

Царь отрекся 2 марта, а Киев и Одесса, города энергичных мещан, медлили отпраздновать это событие. Они не торопились. Они выжидали.

Впрочем, вскоре обнаружилось, что ждать нечего. Царь отрекся и не существует. Тогда только по мокрым весенним улицам замаршировали поздно осведомленные войска и командующий генерал, волосатый служака, поднял свою саблю в честь революции и революционеров.

Так было в Одессе. Но история этого города – история почти всей Украины.

Радостные городовые с огромными, совершенно непостижимой величины красными бантами на груди тоже орали в честь революции и революционеров.

Обыватели, стоявшие шпалерами на кучах снега, восторженно попискивали, и

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov «Марсельеза» вырывалась у них абсолютно неожиданно из уст.

Это был достойный подбор людей.

Школы прапорщиков бурно веселились, банковские дельцы целовались с кадетами, кадеты молниеносно, на ходу, превращались в партию конституционной свободы и лихо обнимались с молодыми людьми каторжной наружности и неизвестных профессий.

Молодые люди спешно хоронили по клозетам значки черносотенного союза Михаила Архангела и тоже клялись на верность и на преданность новой власти.

Будущее отливало всеми цветами радуги. Всё было хорошо. Всё было даже чудесно. Оставалось только разбить упрямо не поддающихся немцев и дать союзникам еще несколько сот тысяч пудов русского дешевого пушечного мяса.

Тогда наступит рай и всё остальное, что в раю полагается, – мирная жизнь на курорте и большие доходы с фабрики.

Но тут взгляд скороспелого революционера падал на рабочие окраины, на Пересыпь, где грозно дымились заводские трубы и грозно кричали гудки.

Взгляд падал на черные депо, на взволнованный порт, на гремящие, звенящие и стонущие железнодорожные мастерские.

И тут взгляд тускнел и туманился странным вопросом:

– А они? Они тоже будут довольны?

Да, «они», рабочие, были рады. Они были очень рады. Они тоже вышли на манифестацию.

Как же им было не радоваться?

Пал режим околоточного надзирателя на троне.

И они, рабочие, тоже пели «Марсельезу».

Они пели ее так, что многим «Марсельеза» казалась погребальным гимном. То, что из уст обывателя вылетало веселеньким вальсом, рабочие пели так, что дрожала земля и дрожал воздух.

У синих курток «Марсельеза» не была танцклассным мотивом.

Это был наводящий страх гимн освобождения, гимн-воспоминание о трудных днях, гимн-уверенность в будущем.

Синие ряды рабочих тяжело грохотали по главной улице. Тяжел был шаг, и оттого у радостного буржуа тускнел и туманился взгляд.

– Хватит ли им одного ликования? Может быть, они захотят большего? Фабрик? Заводов? Власти?

Да, они захотели власти. Немного позже других, но они ее захотели. И если в октябре 18-го года Украина молчала, то зато у нее был декабрь 17-го года и все месяцы в трех годах, которые пришли после.

Дрались в январе и феврале! В апреле! В ноябре! Двенадцать месяцев в году! И это были месяцы и годы восстаний, бунтов, драки за свободу, бои за власть, за власть рабочих и за власть крестьян.

Знаками этой борьбы полна вся страна, ибо не было места, где бы ни вставал украинский рабочий и крестьянин.

Во время немецкой оккупации тяжелый, похожий на комод немецкий офицер говорил старухе:

– Мы вам наведем порядок! – Он ломал язык и говорил: – Всюду будет порядок!

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov и он обвел рукой всё видимое пространство с запада на восток.

Старуха долго молчала, потом подняла живой, смеющийся глаз и ехидно сказала:

– Уйдете вы – и следа от ваших порядков не останется!

Кучка стоявших и слушавших разговоры после этих опасных слов немедленно расточилась – пропала. Но старуха только усмехнулась. Она была полна великой правды и ничего не хотела скрывать.

– Уйдете вы! – повторила она.

Офицер этого не понимал. Его большая голова была хорошо вымуштрована. Он не понял. Его власть, императорская и королевская, кайзерлихе унд кениглихе, не могла уйти.

Он посмотрел вниз на порт (это было в Одессе).

На рейде стоял, задрав кверху тринадцатидюймовые пушки, знаменитый «Гебен».

Немец поглядел на улицу. По ней шли отряды в стальных шлемах, отряды великолепной немецкой пехоты.

В синем небе ползли желтые «Таубе» с черными крестами. Город был битком набит грозной военной силой, пулеметами, пушками, броневиками.

Офицер улыбнулся от сознания силы.

– Кто же? – спросил он. – Кто же нас прогонит?

Старуха, кутаясь в шаль, внятно сказала:

– Наши!

– Кто ваши?

Офицер безнадежно махнул рукой и ушел.

Старуха и сама не знала, кто это наши. Но она знала одно:

– Не может быть так, как сейчас есть, и не будет!

Когда Петлюра ссорился с Деникиным, а Деникин с французами, это была вода на революционную мельницу.

И мельница работала. Пришлось перенести многое. Один за другим налетали враги, и один за другим они уходили и бежали, теряя мужество и брызгая кровью.

За немцами пришли французы, раздалась чужая речь, на этот раз опять иная, и появилась новая военная форма.

Вместо бескозырок замелькали голубые рогатые шапки пехотинцев, красные фески зуавов и черные негритянские физиономии.

Но порядок, режим остался прежним.

Французская контрразведка имела все навыки немецкой, и французские держиморды побивали заподозренных в большевизме с той же ловкостью, как это делали немецкие тяжеловесы.

Что было разницы в том, какая пушка была повернута дулом на рабочий городок? Сделанная на заводах Крезю была ничуть не лучше сработанной в Эссене.

Из той или из другой, но снаряд, из нее вылетевший, неизбежно должен был просвистать над рабочей головой.

Силу этой пушке противопоставить тогда было нельзя. Силы тогда не было. Тогда пущено было слово. Слово подготовило почву и уменьшило сопротивление рабочему

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov удару.

На улице или в трактире солдат, которого империалистический кнут загнал усмирять большевиков, мог услышать и всегда слышал это слово. Оно заставляло его задумываться о том деле, какое ему приказывали делать.

Неожиданно найденный в кармане голубой шинели номер подпольного «Коммуниста» на французском языке довершал политическое образование.

А номер этой страшной коммунистической газеты получить было легко.

Стоило только зайти в погребок «Открытые Дарданеллы».

Снаружи всё было мирно.

За этим мирным пейзажем, внизу в погребок, шла совсем не мирная работа.

Это была агитация – смелая, отважная, среди белого дня, на виду у всех, и, может быть, поэтому ее не замечали.

Слово иногда действует сильнее пули.

И напрасно высаживались новые десанты, напрасно приехало двадцать тысяч греков со своими бесчисленными осликами, которые тащили пулеметы, напрасно вперед на фронт пошло пять крошечных танков, и напрасно сеяли слух о фиолетовых лучах, приготовленных будто бы для того, чтобы ослеплять большевиков.

В рядах иностранных солдат уже было сознание неправого дела, и оккупационная армия стремительно деморализовалась.

Сморщенные листки приказов говорили о том, что Одесса отдана под покровительство Франции и никогда не будет отдана большевикам.

Но этому уже не верили. Верили только своим глазам. А глаза видели выброшенный на броненосцах красный флаг. Это было восстание Марти и Бадинá – бунт французских матросов против войны.

Отступление! Его уже нельзя было скрыть. Оно было стремительным. Бегущая армия ужасна.

Три дня под мост, в порт, к пароходам сползали обозы, скакала негритянская артиллерия и топтались команды французов, греков, негров, индокитайцев и зуавов.

Но танки обратно уже не пришли. Танки были захвачены большевиками. И утром, апрельским розовым ветреным утром, они пришли.

Пришли наши. Не могли не прийти. Пришли во исполнение великой рабочей правды.

Никогда, ни в день победы, ни в день поражения, эта правда не теряла ни одной своей частички. Когда через пять месяцев с Дона на Украину снова влезло офицерство, эта правда стала еще крепче и суровой.

Она обошлась в еще многие тысячи рабочих жизней. От этого она стала еще дороже.

Сила опять удавила право.

Пушки гремели во весь дух. Сиял погон, и всех хотели уверить в том, что он будет сиять вечно.

По ночам коротко стучали залпы.

Это пулей убеждали рабочего поверить в святость и чистоту деникинщины.

Пробовали рабочего убеждать и веревкой.

Фонарный столб стал виселицей, и виселицей стало дерево.

Ничему это не помогло.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Уже где-то под Орлом и Воронежем поскользнулся Деникин. Уже фронт ломался, и утром на мостовой можно было найти сорванный осторожным офицером погон, тот самый погон, который должен был сиять вечно, как солнце.

Опять отступление!

По старой знакомой дороге к спасительному морю.

Отплывали еще раз, как уже не раз отплывали, отплывали теперь навсегда, зарезанные в корне, со смертельной раной в проломленной голове.

Январь, февраль и март 20-го года были последними месяцами борьбы за рабочую Украину.

Двадцатый год был первым годом украинского празднования Октября.

И этот первый Октябрь был последним месяцем для жизни белых. В этот месяц Врангель был выброшен из Крыма.

Этот месяц будет месяцем памяти о всех рабочих, погибших за революцию в стране, которая не имела Октября, потому что имела все месяцы в году и все месяцы в страшных годах:

– В тысяча девятьсот девятнадцатом, в тысяча девятьсот двадцатом и в тысяча девятьсот двадцать первом.

1923

Куча «локшей»

На вольном и богатом языке темпераментного юга это называлось:

«Локш».

«Локш» – это фальшь, обман.

«Локш» – это значило:

– Не доверяйтесь, не верьте, смотрите на свет, ищите знаков.

Но напрасно подымали кверху руки и смотрели на свет – водяных знаков не было. Тогда мрачно качали головами и говорили:

– «Локш», «котлета»! Они скоро уйдут.

И они действительно уходили, оставляя после себя тюки ничего не стоящих денег. Фальшивомонетчики снова вооружались увеличительными стеклами и грустно принимались за подделку денег новой власти.

Но уже опять гремели пушки и раскалывали воздух винтовочные выстрелы. Это лезло следующее правительство. В свалке и смятении отменялись прежние законы и прежние деньги.

Лихой караул захватывал типографии. Из-под станка, который прежде печатал голубые ученические тетради, ураганом вылетали бумажные деньги.

Их печатали все.

Северо-Западный фронт и японская оккупация. Город Елисаветград и магазин Петра Николаевича Смидова во Владивостоке. Томск, Владикавказская железная дорога, Архангельск, Учредительное собрание и Житомир имели собственные денежные системы.

Лавры Житомира не давали спать Могилеву. Могилев сделал умнее и покрылся неувядаемой славой. На розовых картонках он напечатал свой ужасающий герб, и это стали могилевские деньги.

Они были похожи на свадебные билеты, и над ними смеялись даже фальшивомонетчики. Их так презирали, что даже не подделывали. Вследствие этого денежных знаков

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov стало не хватать, наступил денежный кризис, и финансовое величие Могилева постепенно угасло.

Колчак печатал свои деньги в Америке, Скоропадский в Лейпциге. Это аристократия денег белых правительств. Они сделаны из толстой, сверкающей бумаги, и на них изображены разные красивые вещи: греческие храмы, дамы с пышным бюстом и полосатые арбузы.

Донской казак Платов, худые тоскливые орлы и бабы черносотенной наружности были нарисованы на деньгах Деникина.

Но при всей разнице в политических взглядах, достоинств бумаги и рисунка все эти деньги помечены однообразной ложью:

– Обеспечивается всем достоянием государства.

Обеспечение государства Могилев равнялось обеспечению правительства Северо-Западного фронта:

– Ни-че-го!

В сундуках белой казны не было ничего. Иногда не было даже сундуков. Иногда не было самого правительства.

Власть галицийского генерала Секиры-Яхонтова, давшего Одессе гордую прокламацию о своей силе, держалась лишь шесть часов. В 12 часов ночи прокламацию клеили на стены домов, а утром победоносный генерал уже бежал из города под восторженное шипение газетчиков.

Было много американского динамиту, пушек из Франции, английских сапог, кораблей, украденных в России, и целых веников бумажных денег, но обеспечения не было. Был огромный по величине «локш».

Правительству Житомира не удалось триумфально вступить в Москву. Владикавказская железная дорога не стала хозяином России.

Их деньги нашли свою стоимость. Это та цена, которую история придала всем вещам, относящимся к революции.

Белые правительства никогда не могли прийти к согласию между собой. Весьма возможно, что комитет Учредительного собрания возражал против самостоятельности Северо-Западного фронта. Нет сомнения в том, что блеск архангельского дензнака мучил хвастливую Одессу.

Но теперь спорить уже не о чем. Напрасно в свое время делили медвежью шкуру. Медведь остался жив, и деньги белых правительств соединились в мирный исторический букет.

И о чем тут спорить, если в витрине напротив, под стеклом, веселый, толстый и не нуждающийся ни в каком обеспечении сияет золотой советский червонец.

1923

Галифе Фени-Локш

Вся Косарка давилась от смеха. Феня-Локш притащила с Привоза колониста и торговала ему галифе на ребенка.

Фенька крутилась возле немца, а галифе держали ее женихи – три бугая, несто`ящие люди. Женья из угрозыска им хуже, чем компот из хрена. Дешевые ворюги.

Феня вцепилась немцу в груди:

– Сколько же вы даете, чтоб купить?

– Надо примерить! – отвечает немец.

Женихи заржали. Как же их примерить, когда немец высокий, как башня, а галифе на ребенка. Феня обозлилась.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov – Жлобы! – говорит она. – Что это вам, танцкласс? Гражданин из колонии хочет примерить.

И Феня берет немца за пульс.

– Чтоб я так дышала, если это вам не подойдет. Садитесь и мерьте.

Немец, голубоглазая дубина, мнется. Ему стыдно.

– Прямо на улице?

А женихи уже подышают.

– Не стесняйтесь, никто не увидит! – продолжает наша знаменитая Феня-Локш. – Молодые люди вас заслонют. Пожалуйста, молодые люди.

Колонист, псих с молочной мордой, сел на голый камень и взялся за подтяжки.

– Отвернитесь, мадам! – визжат Фене женихи. – Гражданин немец уже снимает брюки.

Феня отходит на два шага и смеется в окно Старому Семке. – Эта застенчивая дуля уже сняла штаны?

– Феня, что это за коники?

– Простой блат, Семочка, заработок! Он продал сегодня на базаре миллион продуктов за наличные деньги. Ну?

– Феничка, он не может всунуть ногу в галифе.

Феня волнуется:

– Где его штаны?

Семка начинает понимать, в чем дело, трясется от удовольствия и кладет живот на вазон с олеандром, чтобы лучше видеть. – Их держат твои хулиганы! – ликует Семка. – Твои хулиганы их держат!

И тут наша Феня моментально поправляет прическу, загоняет два пальца в рот, свистит, как мужчина, и несется по улице всеми четырьмя ногами. А за ней скачут и ржут ее женихи с немецкими штанами, в которых лежат наличные за миллион продуктов.

А еще дальше бежит неприличный немец, голый на пятьдесят процентов. Вся Косарка давилась от смеха.

– У вас всегда такие грязные ноги? – в восторге спрашивает Старый Семка, когда молочная морда бежит мимо него.

Вся Косарка давилась от смеха, но что с этого? Кто делает такие вещи в три часа дня, когда Женя из угрозыска с целой бандой прыщей на лице идет домой на обед?

Он взял всех, как новорожденных, и повел прямо на протокол. Впереди шла Феня-Локш, за ней женихи, которые крутились от досады, потом Женя с немцем, а позади всех топал Старый Семка со своей смешливой истерикой, которая в тот день была у всей Косарки.

1923

Антон «Половина-на-Половину»

Миша Безбрежный встал и выложил свою простую, как собачья нога, речь:

– Кто первый боец на скотобойне?

Мы все любили Мишу мозгами, кровью и сердцем. Он был профессор своего дела. Когда Миша вынимал из футляра свой голубой нож, бык мог пожалеть, что не написал духовного завещания раньше.

Ибо Миша не какой-нибудь лентяй, который ранит бедную тварь так долго, что она

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov за это время свободно может посчитать, сколько раз ей пихали горячее клеймо в бок и почему был пуд сена в девятнадцатом году на Старом базаре.

Нет!

С Мишей расчет был короткий.

Пар вылетал из быка прежде, чем он успевал крикнуть «до свиданья».

У Миши была старушка-мама. Он ее держал на одном молочном воспитании, и это было в то время, когда кварта молока шла дороже, чем солдатские штаны.

Итак, Миша был боец первого ранга и первоклассный сын. И когда он сказал свою скромную речь, мы все ответили хором:

– Первый боец на скотобойне – Миша Безбрежный!

Миша достойно улыбается. Он любит почет и доволен.

Все это было в обед. Миша кладет лапку на свой футляр из бычачьего уда и садится на колбасные шкурки, раскиданные по зеленой траве, как на трон.

Мы все с любовью смотрим на своего вождя, и один только Антон «Половина-на-Половину», первая завидуля на все Черное море, молчит и играет на зубах марш для тромбона.

– Что ты молчишь, музыкант? – спрашивает Миша. – Почему я не вижу уважения от дорогого товарища «Половина-на-Половину»?

У музыканта физиономия мрачнее, чем вывеска похоронной конторы. Он вынимает руку из пасти и визжит:

– Чтоб я так дышал, если я тебе дорогой товарищ!

– Ого! – говорит Миша. – Ты мне лучше скажи. Кто первый боец на бойне?

Миша подымается с колбасного трона и смотрит подлецу в морду.

– Первый боец на бойне – я! – заявляет наглец. – Первый боец – Антон «Половина-на-Половину».

Ленька-Гец-Зозуля и Мальчик-Босой подпрыгивают.

– Что он сказал? Миша, мы из него сделаем пепельницу для твоей курящей мамы!

– Не надо! – удерживает Миша. – Ты? – обращается Миша к негодяю Антону. – Ты первый боец? Ты на своих кривых ногах? Дорогой товарищ, у вас губы, как калоши, и уши похожи на отлив под умывальным краном. Посмотри лучше на свои кривые ноги, на свой живот. Это помойница. Ты первый боец? Да у тебя же руки, тонкие, как кишки. Ты лучше вспомни, что тридцатифунтовый баран порвал тебе задницу на куски. Об этом еще писали акт. Дешевая ты лягушка

Миша смотрит на нас и смеется. Мы смотрим на Мишу и давимся.

– Иди, – кончает Миша, – иди к своей жене и скажи ей, что ее муж идиот.

«Половина-на-Половину» дрейфит отвечать и уходит с позором. На прощанье он брешет:

– Я вас всех еще куплю и продам.

– Сволочь! – кричим мы ему вдогонку. – Локш на канатиках. Толочная рвань.

Хорошо. Через две полочки Ленька-Гец-Зозуля орет:

– Скидайте грязные робы! Ведите себя, как благородные девицы. Сейчас будет деликатное собрание, чтоб не ругаться по матушке.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov Оказывается, приехал из города какой-то тип, главный воротила насчет сквернословия.

Мы посидали на места, а Ленька-Гец увивался возле пустой кафедры, пока на нас не вылезла городская лоханка, кошмарный юноша.

Это насекомое болтало воду в стакане, крутило, выкручивало и докрутилось до того, что через два часа так-таки кончило.

Потом насекомое уехало, и тут начинается самое главное – на пьедестал вылезает Антон «Половина-на-Половину» и вопит, словно его укололи в спину целым булавочным заводом.

– Тут, – говорит Антуан, – только что была городская халява и рассказывала анекдоты. В чем дело? Пока насекомое говорило, я шесть раз заругался и именно по матушке! Но что же это такое, дорогие бойцы? Разве мы свиньи, которых режут ножами? Разве это городское насекомое не говорило всю правду? Разве нет?

Ленька-Гец-Зозуля подскакивает на своем месте и воет:

– Замечательно! Замечательно!

Антуан подбодрился и кончает:

– Я решительно выставляю, кто будет еще ругаться по матушке, тому набить полную морду.

Ленька-Гец-Зозуля моментально задрал в небо свою волосатую лапу.

Миша подумал, но из деликатности, что «Половина-на-Половину» ему врет, тоже поднял руку. И мы поголовно дали свое знаменитое, скотобойческое слово биться до тех пор, пока не выьем все такие слова.

– Что-то мне дорогой товарищ «Половина-на-Половину» не нравится все-таки! – бурчит Безбрежный после задирки рук.

– Он раскаялся! – заступается Гец.

– Ну хорошо! – кладет Миша. – Посмотрим, посмотрим.

Хорошо. На другое утро Антон «Половина-на-Половину» подходит к нашему Мише и, не говоря худого слова, ругается прямо ему в рот.

Чтобы Безбрежный не сдержал своего слова, этого еще никто не говорил.

Миша подымает свой ручной механизм и ляпает подлого Антуана так, что у того трескается щека. Подлый Антуан падает, к колоссальному несчастью, прямо на нос Мишке-Маленькому, который заругался, и представьте, именно по матушке.

Случайно!

Но чтобы бойцы не держали своего слова, этого еще никто не говорил. Немедленно Колечка-Наперекор гахнул по Мишке. Мишка залепил Леньке-Гец-Зозуле. Ленька плюнул, и сказал плохое слово, и влез по шею в драку. Тут Миша бешено заругался и полез казнить Геца.

Никто не скажет, чтобы бойцы не держали свое слово. С печалью на сердце и проклятиями во рту мы ринулись на нашего любимого вождя.

Это было замечательно.

Целый день стоял такой шухер, что никто не резал скотину, и все отчаянно бились за свое знаменитое слово, и все, представьте себе, в пылу драки ругались, и именно по матушке.

А под всеми лежал ужасный Антуан «Половина-на-Половину» и поддавал огня разными шарлатанскими словами.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Так он нас купил и продал, потому что хотел закопать нас перед городскими
насекомыми.

Но когда насекомые приехали на извозчиках и начали допросы с разговорами, и на разговорах все выяснилось, как оно было, и не нас выкинули со скотобойни, а мы его выкинули, и не половина-на-половину, а полностью, в окончательный расчет.

1923

Зубной гармидер

Милая Одесса! Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек, всегда рады вас видеть! Ну, как у вас? Как на Бугаевской, на Пересыпи? А помните, лежала в 22-м году палая лошадь на Степовой? Убрали уже?

– Убрали! – угрюмо сказал одессит. – Только не в том дело! Дорздрав...

– Ну, зачем про дорздрав! Вы лучше про кокос что-нибудь! –

– Дорздрав! – повторил одессит. По лицу его ясно можно увидеть, что сидел этот дорздрав у него в печенке и ни о чем другом он говорить не будет.

– Вы же знаете нашу Одессу! – продолжал он. – Что я вам скажу. Подражанский стал тачечником, и ему выбили два зуба – левый коренной и переднюю лопату. Дорздрав наш, вот действительно хороший гроб на нашу голову. Второй врачебный участок – целый фунт лиха.

Болит у вас зуб. Вы решаете:

– Надо выдрать!

Так когда вы уже сидите в кабинете, когда перед вами стоят два врача, один – мужчина, а другой – дама, когда вы уже закрыли глаз и навеки простились с семейством, вот тогда вам говорят:

– Подождите чуточку, мы вам ничего драть не можем. Больных мало.

И вы говорите:

– Что же вы меньше как сразу целой голоте не рвете? Что, вам надо всю Молдаванку собрать в кабинет? Хоробы на вас нет, дерите, потому что из меня уже пар идет.

– А кто будет кресло держать?

И тут вы оглядываетесь и видите, что вы сидите не на зубном кресле, а на каком-то деревянном катафалке: обыкновенный кусок дерева, стул, а не зубное кресло.

Тут нужен специальный больной, чтоб держал стул за спинку.

И вы сидите и ждете. Ну, тут пришел один, а пломба у него, слава богу, вывалилась, и ему сказали, чтоб он схватился за стул и держал его со всей силы. А я открыл рот и кричу:

– Дергайте!

И что же?

– Еще чуточку. Вы тут не хаюйте, это вам не Привоз! Еще один больной нужен!

– Зачем? – спрашиваете вы. – Зачем вы меня мучите? Мне даже каламитно смотреть на такое лечение! Что вы делаете с человеком, у которого вместо зуба – целый пожар!

И они говорят вам:

– Чтоб мы так жили, как мы виноваты. Нужен еще один человек, чтобы держать лампу, делать вам во рту освещение. Что мы можем сделать, если у нас нет правильного зубного кресла?

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Наконец приходит еще один зубной жлоб, и тут начинается настоящий гармидер. Вам
держуть, вам светуют, вам дерют, –

вам дерют, и вы кричите, и врач мучается, а парень с пломбой пыхтит и держится
за стул, как утопленник.

Вот вы уже знаете, что такое горздрав. Это – хороший гроб на нашу голову.

1923

Железная дорога

1

Один мой знакомый американец сказал мне так:

– Когда я заставился на ваш почтамт, то у меня волосы поставились на голове.

И американец рассказал мне, что такое очередь за марками.

Я не так наивен, как мой знакомый американец. Меня трудно запугать очередью. И
все-таки, когда я пришел на вокзал, волосы мои немедленно полезли вверх.

Это была чертовски длинная очередь. Черт знает что такое. Сначала она шла по
прямой, потом заворачивала в полкруга, изгибалась восьмеркой и в противоположной
от билетной кассы стороне запутывалась в невыносимый гордиев узел. Черт знает
что такое.

Поезд уходил в 10 часов. Часы показывали 9. Дама впереди меня спокойно сияла
молочными и перламутровыми прыщами. Она была сто тридцать шестая. Я был сто
тридцать седьмой. А времени было только час.

Я поднял глаза и ужаснулся. На стене висел плакат, а на плакате было написано:

ДОЛОЙ ВЗЯТКИ

Под этим местный художник карандашом пририсовал красивый наган. А под наганом
мрачно чернела надпись:

СМЕРТЬ ДАЮЩИМ, ГИБЕЛЬ БЕРУЩИМ

А времени было только час, и мне надо было непременно уехать. Я отделился от
очереди и начал осматриваться.

Берущие стояли тут же. На них были холщовые передники и медные номерные бляхи.
Они улыбались и подвигались ко мне.

Честное слово, я этого не хотел. Я отбивался:

– Не надо.

Но тот, у которого на сердце висел № 32, вкрадчиво назвал цифру. Это была очень
большая цифра. Много денег. Гораздо больше, чем билет стоил в кассе.

Честное слово, я не хотел. Но этот носильщик была сирена. Он ворковал, как
голубок. Был просто безобразно убедителен. А я должен был уехать. Одним словом,
я стал зайцем.

– Значит, гибель.

– Гибель.

– Смерть.

– Смерть.

Я не хотел умирать. Я схватил билет и убежал. Наган на плакате оглушительно
выпалил. Или мне это показалось. Может быть, это смеялись носильщики.

Во всяком случае, я влетел на перрон, как будто за мной гналась компания
динамитчиков. Дома шарахнулись, речка бросилась под ноги, поезд застонал и
удалился. Искры летели назад, туда, где умирали те, которые давали, и гибли те,
которые брали.

2

Меня не схватили. Я успел удрать. Я избежал карающей руки правосудия.

У меня имелось точное воображение о жизни в вагоне.

Мне дадут аршин колбасы и версту коридора. И скажут: «Вот по этому ходи, а этим питайся, пока не приедешь».

На деле все было иначе.

Я лежал на верхней полке.

Сердце мое хрипело и волновалось. Подо мной содрогались мосты и звенел рельс. Я уснул и видел тонкий, горящий сон.

Во сне плавали рыбы и задевали меня железными хвостами. Самую толстую рыбу звали Иван, и она так колотилась о мое плечо, что я проснулся.

Я увидел рыжие усы, фуражку с кантами над усами и скрещенные топоры на фуражке.

Потом я узнал, что это был ревизор движения. Но когда я проснулся, я еще ничего не знал. Я еще не знал, что я уже обречен, продан и взвешен.

Усы зашевелились. Под ними обнаружился рот, рот открылся, и изо рта выпало непонятное для меня слово:

– Три.

Я сделал большой глаз. Усы продолжали:

– Рубля.

Я молчал. Усы добавили:

– Золотом.

Он был страшен, этот человек. Член научной организации бандитизма или чего-нибудь в этом роде. Мне стало печально и очень захотелось, чтобы он ушел.

Он это сделал. Но предварительно он произвел маленький подсчет.

Золотые рубли перевел в червонные, червонные в дензнаки, а дензнаки забрал у меня.

Поля поворачивались вправо и влево. Станционные лампы опрокидывались в темноту и летели к черту. Скосясь и надсаживаясь, поезд взбирался вверх, к Москве, к тому месту, где на двух берегах реки стоят тысяча башен и сто тысяч домов.

– Три, – сказал неприятный голос в темноте.

И сейчас же блеснул желтый фонарь. Я снова увидел проклятые рыжие усы. Он покачивал надо мной фонарем и грозно ждал.

«Еще два часа такой оргии, – подумал я, – и у меня не останется ни копейки».

Фонарь безнадежно висел над моим животом. Над моим животом колебались страшные усы.

– Сжальтесь, – пискнул я. Он сжалился. Он сказал мне все. И я все понял.

Я безумец. Не на верхней полке надо было быть, а на нижней. Безумец. Не лежать, а сидеть. И если я этого не сделаю, то меня будут штрафовать, штрафовать, штрафовать, пока не кончится путь или пока я не умру.

Потом он взял положенное число золотых рублей и потащил свои усы дальше. А я свалился на свое место и внимательно принялся изучать свой билет.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Ничему это не помогло. Штрафы сыпались, как полновесные пощечины.

За раскрытую дверь я уплатил.

За окурок, брошенный на пол, я уплатил.

Кроме того:

Я уплатил за плевков, не попавший в плевательницу, и за громкий разговор, который приравняли к пению, а петь в вагоне нельзя.

– Три да три – шесть. Шесть раз шесть – тридцать шесть. Придет страшный рыжий с топором и усами.

Начинался бред.

Пепел я ссыпал в башмак, скорлупу от орехов хранил за щекой, а дышал соседке в ухо.

В Брянске я умолял меня не бальзамировать и отправить багажом.

Рыжий отказался. Тогда я положил свою просьбу к ногам одного блондина. Но блондин адски захохотал, подпрыгнул, ударился об пол и разлетелся в дым.

Это был бред. Я вернулся к своему месту и покорно повалился. Все это время с меня брали деньги.

Вокруг меня организовалась канцелярия, артельщики подсчитывали взимаемые с меня штрафы, касса хлопала форточкой, служащих набирали помимо биржи труда, биржа протестовала, секретарь изворачивался, и Надя все-таки осталась на службе.

Я приносил большой доход. Связь с американскими концессионерами налаживалась. Кто-то уже украл много денег, и над адской канцелярией витал призрак ГПУ.

Пейзаж менялся, лес превращался в дым, дым в брань, провода летели вверх, и вверх в беспамятстве и головокружении летела страшная канцелярия.

3

Брянский вокзал в Москве сделан из железа и стали. Дорога кончилась.

Я сделан из костей и невкусного мяса. Поэтому я радовался и смеялся. Дорога кончилась.

Теперь я буду осторожен. Я не знал, что есть страшное слово:

– Три.

Я не знал, что есть рыжий с тонкими усами. Он приходит ночью с фонарем и берет штраф. Днем он приходит без фонаря, но тоже берет штраф. Его можно узнать по топорам и лопатам, которые теснятся по околышу его фуражки.

Это ревизор движения.

Теперь я буду опасаться.

Я буду сидеть только на своем месте и делать только то, что разрешается железными законами железной дороги.

В вагоне я буду вести жизнь индийского йога.

Все-таки я ничего не знаю.

Может быть, меня оштрафуют.

1923

Мармеладная история

1

По Москве шел барабанный дождь и циркулировала вечная музыка. За Москвой

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov толпилась весна.

Развертывалась явная дребедень. При мне был лишь карманный портрет любимой и оранжевая копейка. Оконное стекло не опускалось – испортился механизм. Купе могло предложить мне только жару и голод.

Но я поехал. Меня притягивала карамельная юбка.

Верно то, что путешествие было омерзительно. Теперь я этого не думаю. Имена, раз написанные кровью, второй раз пишутся сахаром. Девиз, написанный на знаменах дивизий, бравших Крым, мармеладной канителью повторен в сиятельной кондитерской на башне из сладкого теста.

Нет ненависти, которая не превратилась бы в воспоминание. А плохих воспоминаний нет.

Носильщики гаркали, уезжающие нюхали цветы, провожающие от скуки обливались слезами. Все было в порядке.

Поезд задрожал и сдвинулся.

Я лег.

2
Он пришел ко мне, когда я спал, и застрелил меня.

Когда я умер, он украл письма и стал читать их, сев на мои мертвые ноги.

Я увидел знакомый, высокий и нежный почерк. Я уже прочел свое имя. Чтобы читать дальше, надо было шире раскрыть глаза.

Я открыл их. В купе было жарко. Я видел мерзкий сон.

Четыре моих спутника говорили о мебели.

Их было хорошо слушать.

Стулья из бедного ясеня расцветали, покрывались резьбой и медными гвоздиками.

Ножки столов разрастались львиными лапами. Под каждым столом сидел добрый, библейский лев, и красный лев лежал на стене Машиной комнаты, дрожа и кидаясь каждый раз, когда огонь выбрасывался из печки.

Комната была в центре всего мира, а в комнате, на стене, дрожащий лев.

Я молча глядел на него. С плеча катилось дыхание Маши, и в дыхании я разбирал слова, от которых сердце падало и разбивалось с незабываемым звоном стеклянного бокала.

Я проснулся во второй раз.

Стекла вагона еще звенели от резкого торможения. Разбивая стрелки и меняя пути, поезд подходил к забрызганному огнями Малоярославцу.

Я свесил голову и заглянул вниз.

Мебельщики рвали курицу.

Весь путь я молчал.

Мебельщики сатирически осмотрели меня и неожиданно перешли с русского языка на жаргон.

Но я уже не слушал.

Поезд валился к югу. От паровоза звездным знаменем летел дым. От жары в купе стоял легкий треск.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Во всем, конечно, виновата жара. Они одурели от нее.

– Гепеу, – сказал один из мебельщиков. – По морде видно. Не бойтесь, он не поймет. Он не знает языка.

3
Они ошиблись.

Жаргон я понимал.

Я был солдатом и видел бунтовщицкие деревни. Я узнал любовь и помню худые, вызывающие нежность руки и картофельный снег, падавший на Архангельский переулок. Я работал на строгальных станках, лепил глиняные головы в кукольной мастерской и писал письма за деньги.

Но для мебельщиков мир был полон духоты. Догадка немедленно стала уверенностью.

Поля почернели, тучи сорвались с неба и загудели. Внизу шел громкий разговор обо мне.

Через полчаса к делу припутались факты.

Я услышал, что расстрелял тысячу человек. Я был беспощаден.

Ореховые лакированные буфеты разлетались в щенки от выстрелов моего револьвера.

– Он погубил не одну девушку!

Я рвал на них платья синего шелка, который теперь нигде нельзя достать. Шелк был расшит желтыми пчелами с черными кольцами на животах.

На поезд напала гроза. Само убийство гналось за нами. Молнии разрывались от злобы и с угла горизонта пакетами выдавали гром.

Внизу мне приписывали поджог двухэтажного дома.

У меня была только одна оранжевая копейка. Час захвата власти настал. Я сел и спустил ноги:

– Евреи.

Я ликовал и говорил хриплым голосом:

– Евреи, кажется, пойдет дождь.

Небо треснуло по всем швам. Всему настал конец.

Свои слова я сказал на жаргоне.

4
Дни мебельщиков почернели, и жизнь стала им, как соль и перец.

На меня было столько наклепано, что никакое извинение не могло быть достаточно. Мебельщики были в моих голодных лапах.

Началось счастье.

Я съел курицу, а потом все остальное, вплоть до кислых яблок.

– Кушайте, – сказал один из мебельщиков, – вам станет прохладно и кисло.

Это была бессильная ирония побежденного.

Впрочем, я немедленно его наказал.

– Мне скучно, – сказал я. – Расскажите что-нибудь веселое. О сотворении мира и вообще всю Библию.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Бедный старик начал, и я узнал, в какой день на небе затряслась первая звезда и в какой была сотворена рыба-скумбрия.

В Крутах я пил вино, а Сарра сидела под зеленым деревом, и старик сообщал мне краткое содержание разговора, который она вела с тремя молодыми ангелами.

Я ел, как свинья, а старик все время рассказывал для моего развлечения.

Над ямой стояли львы и смотрели на Даниила зелеными глазами. Даниил валялся с засыпанным землей ртом и жаловался.

Львы слушали и молча уходили. На их место приходили другие и лупили зеленые буркалы.

В окне на мгновение задерживалось зеленое цветенье семафоров и молча уносилось назад.

Колеса били по стыкам, и пока поезд шел на юг, пока паровоз кидал белый дым и проводники размахивали желтыми квадратными фонарями, там, куда я ехал, еще ничего не знали.

Там еще не знали, что писем, падающих в большой чугунный ящик у почтамта, оказалось мало, что телеграммы показались мне недостаточно быстрыми.

Там еще ничего не знали, а я уже скатывался к югу, огонь в семафоре сделался огромным-огромным, и влетевшие в него вагоны запылали.

Зеленый, горящий одеколон навалился на меня сразу, и, задыхаясь, я прорвался сквозь сон.

В вагоне никого не было.

Я приехал.

5
Я увидел серые и голубые глаза и карамельную юбку.

Мы сидели на холодном, как серебро, подоконнике и молчали.

На пароходах разбивались склянки, собачьи стада задавленно и хрипло кричали «ура».

Небо облилось лимонным соком. Пришло утро.

– Папа приехал в тот самый день, когда ты! – сказала Маша. – Тебе надо с ним стать знакомым. Но не сегодня. Он не спал всю дорогу.

– Почему же он не спал? – рассеянно спросил я.

– К нему пристал какой-то негодяй и заставил всю дорогу рассказывать Библию. Пойдем завтра вместе?

– Завтра? – я пошел в угол комнаты. – Нет, завтра я занят и не смогу.

Я не пошел к нему. Но мне придется пойти. Я думаю, что все обойдется. Ведь слова, раз написанные кровью, второй раз пишутся сахаром.

1923

Повелитель евреев

1

В Брянске шел дождь, за Брянском толпилась весна. Я заметил ее только у Нежина. Причиной этому послужили четыре мебельщика, которые ехали в одном купе со мной.

Толстую даму – моего пятого спутника – я тоже не забуду. Я ненавидел ее все время, которое необходимо скорому пассажирскому поезду, чтобы пройти расстояние от Москвы до Казатина. В Казатине она собрала свои вещи и ушла. Только тогда я смог опустить оконную раму.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov – У меня тридцать восемь градусов, – сказала толстая мануфактурщица на Брянском вокзале, – я могу простудиться, если этот ветер будет продолжаться.

Раму подняли, и до Казатина воздух, разгораясь все больше, быть может, послужил поводом к тем событиям, о которых мне надо здесь сказать.

Это главная цель моего рассказа. На протяжении полутора тысяч верст я был повелителем четырех мебельщиков. Мне воздавали почести. Я имел подданных, которых держал в страхе. Четыре моих спутника лежали на моей ладони, как воробьи, выпавшие из гнезда.

Сахар стал для них солью, а дни их почернели. Мое маленькое княжество образовалось в одном из купе поезда № 7, который от Москвы валился на юг, продираясь сквозь кустарники со скоростью сорок верст в час, а иногда и меньшей. Мануфактурщицу я мог уничтожить, но не сделал этого.

– Иля, – сказал мне пятнадцать лет назад один мой приятель с расстегнутыми спереди, как и у меня тогда, штанами. – Иля, будем ухаживать за девочками. В «Детях капитана Гранта» я читал, что нет большего счастья, чем это!

Я сентиментален и простодушен. С тех пор разговор с женщиной я считал за счастье. Потом я увидел, что не всегда это так. Маленькие девочки превращались иногда в несносных дам. Но уважение к женщине у меня осталось навсегда, и поэтому я терпел своенравие мануфактурщицы.

Все-таки если мне придется на моей жизни еще раз встретиться с ней, я буду этому рад. Имена, раз написанные кровью, второй раз пишутся сахаром. Я понял это, когда увидел башню из сладкого теста в магазине Моссельпрома. Девиз, написанный на знаменах дивизий, был повторен сахарной цепью на сладком тесте.

Нет ненависти, которая не превратилась бы в воспоминание. А воспоминания приятны, и уже теперь мне кажется, что мануфактурщица была прелестной дамой.

Когда я вошел в купе, эта прелесть лежала на нижней полке. Против нее сидело двое мужчин. Моя полка находилась над ними. Еще двое, от которых я видел только спины, перевесились за окно и быстро кричали прощальные слова.

Мне не с кем было прощаться. Серые и голубые глаза и полосатую карамельную юбку я мог увидеть только там, куда ехал. Остальное не было важно для меня.

– Можно мне опустить полку?

Двое сидевших подняли головы. Двое прощавшихся обернулись. Поезд задрожал и сдвинулся.

Я лег, чтобы думать о том, для чего ехал.

2

Он пришел ко мне, когда я спал, и застрелил меня. Когда я умер, он вынул из кармана моей рубашки письма и стал их читать, сев на мои мертвые ноги. Я увидел знакомый, высокий и нежный почерк и начал осторожно поворачивать голову, чтобы в последний раз прочесть то, что мне писала Валя. Я уже прочел свое имя. Для того чтобы читать дальше, надо было шире раскрыть глаза, и, раскрыв их, я проснулся. В купе было жарко. Я видел плохой сон.

Тело мануфактурщицы было неподвижно. Зато остальные четыре моих спутника говорили о мебели.

Они говорили о ней на русском языке, и когда им казалось, что слова их недостаточно убедительны, то они немедленно переводили их на жаргон. На жаргоне они объяснялись прекрасно. Эпитеты их были энергичны, фразы коротки, и мебель, которой они торговали, описывалась ими с большей силой, чем это удалось сделать Гомеру в описании дворца Приама.

Их было приятно слушать. Стулья из бедного ясеня расцветали, покрывались резьбой и медными гвоздиками. Ножки столов разрастались львиными лапами, под каждым столом сидел добрый библейский лев, и красный лев лежал на стене Валиной комнаты, дрожа и кидаясь каждый раз, когда огонь вылезал из-под кучи спекшегося

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov в печке угля.

Тяжелый, как поезд, на повороте кричал трамвайный вагон, тяжелый вагон бежал по кругу, в центре которого была комната. А в комнате на стене – дрожащий лев. Я молча глядел на него, с плеча катилось дыхание Вали, и в дыхании я разбирал слова, от которых сердце падало и разбивалось с тонким, незабываемым звоном стеклянного бокала.

Когда я во второй раз проснулся, стекла вагона еще звенели от резкого торможения. Разбивая стрелки и меняя пути, поезд подходил к брызгающему огнями Малоярославцу.

Свесив голову, я заглянул вниз. Мануфактурщица, стена, пила чай, а мебельщики копошились над курицей.

Я был набит добрым чувством к мебельщикам. Они мне нравились. Я еще не знал, что через час смогу распоряжаться ими, как захочу. Я относился к ним как равный и если не выступал в их беседу, то только потому, что мне нравилось любить их молча.

Мое молчание принесло неожиданный плод. Оно встревожило мебельщиков. Обглаживание курицы и разговор на русском языке прекратились. В действии остался один только жаргон.

Но я уже не слушал. Поезд валился к югу, от паровоза звездным пламенем летел дым, голова поворачивалась вправо и влево, и от жары в купе стоял легкий треск.

Жара делает людей резкими на суждения и опрометчивыми в поступках. Во всем, конечно, была виновата мануфактурщица. Я уверен, что, если бы рама была опущена, не произошло бы того, что случилось, и слова, которые так меня изумили, ворвавшись в мой слух, не были бы сказаны.

3

Они ошиблись. Жаргон я понимал, а чекистом никогда не был.

Я испробовал много профессий и узнал стоимость многих вещей на земле. Я узнал страх смерти, и мне стало страшно жить.

Я был солдатом и штурмовал бунтовщицкие деревни. Разве я когда-нибудь забуду блестящий рельс, через который перепрыгнул, и огромного человека, ждавшего меня внизу под откосом? Штык его винтовки провалился, когда я выстрелил, и этого забыть нельзя.

Я узнал любовь, и разве я когда-нибудь забуду картофельный снег, падавший на Архангельский переулочек, в котором я топал по ночам, потому что там лучше всего вспоминались худые, вызывающие нежность руки?

Я работал на строгальных станках, лепил глиняные головы в кукольной мастерской и писал письма для кухарок всего дома, в котором жил, но чекистом никогда не был.

Однако мебельщики поселились в воображаемом мире, мир был полон духоты, догадка в нем немедленно становилась уверенностью, и я был для них чекистом, человеком, который может отнять дубовые стулья и комоды из сосны, сделанной под красное дерево.

Поля почернели, тучи были спущены с цепей, и ветер заматывался в спираль. Громкий разговор о моих преступлениях продолжался в горячечной духоте.

Я узнал, что расстрелял тысячу и больше человек. Все эти люди были добрыми семьянинами и имели хороших детей. Но я не щадил даже детей. Я душил их двумя пальцами правой руки. А левой рукой я стрелял из револьвера, и пули, выпущенные мною, попадали в буфеты, сделанные из дорогого лакированного ореха, и вырывали из них щепки.

Мебельщики называли даты и города, где я все это проделывал. Они были возбуждены, и единодушие их раскалывалось только иногда и только в мелочах.

Я насиловал женщин. Это установила мануфактурщица. Да, я погубил не одну

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov девушку. Предварительно я разрывал на них платья из синего шелка, которого теперь нигде нельзя достать. На синем шелку были вышиты желтые пчелы с черными кольцами на животах. Я много порвал такого шелку и многим девушкам показал жизнь той стороной, где были не пчелы, а только боль пчелиных укусов.

На поезд напала гроза, за поездом гналось убийство. Молнии разрывались от злобы и с угла горизонта пакетами выдавали гром. Внизу мне приписывали поджог двухэтажного дома.

Час захвата власти настал. Я сел и спустил ноги вниз.

– Евреи!

Я ликовал и говорил хриплым голосом:

– Евреи, кажется, сейчас пойдет дождь!

Ни одна тронная речь не была так незначительна, как моя. Однако ценность вещи зависит от того, кто ею владеет. Слова приобретают значение в зависимости от места, где их произносят, и языка, на котором говорят.

Я сказал их по-еврейски.

4

Дни мебельщиков почернели, и жизнь их стала им как соль и перец. Я думаю, что они тоже не заметили весны, толпившейся за Брянском.

От Брянска и до низкорослого вокзала в Одессе они лежали передо мной животом на полу. Я обнаружил свое знание жаргона, но не сказал больше ничего. Меня продолжали считать чекистом.

Меня боялись и готовы были дать мне удовлетворение в том виде, в каком я захотел бы его взять.

Я узнал, чем славна каждая станция. Их деньги стали моими деньгами, а мое желание было их действительностью.

Моя полка возвышалась Синайской горой, и так как гроза еще продолжалась, то мои приказы я давал через гром и при свете суетливых молний.

Но если десять скрижальных заповедей тянули первобытный народ к небу, то мои заповеди притягивали его к земле. Путешествие вызывает голод и жажду. В Одессу я приехал набитый пищей.

В Сухиничах я ел кислые яблоки.

– Кушайте, – сказал мне один из мебельщиков, – вам станет прохладно и кисло. – В его словах я услышал иронию. Этот долгоносый старик с длинными глазами был немедленно наказан.

Я приказал ему рассказывать вслух Ветхий Завет, который я плохо знаю. И пока поезд катился мимо облитых белым цветом деревьев и, как искра, проскакивал полустанки, я узнал, в какой день на небе затряслась первая звезда и в какой была сотворена щука.

В Кролевце я пил вино. Когда я пил вино, Сарра сидела под зеленым дубом, и мебельщик передавал мне разговор, который она имела с тремя молодыми ангелами.

Я узнал славу каждой станции. Мне приносили кирпичики из масла и белое молоко в шершавых глиняных банках. В Нежине моим трофеем был маленький бочонок и сто едва посланных огурцов, которые лежали в бочонке.

Я довольствовался немногим, хотя мог получить все. Но в одном я был требователен и беспощаден. Долгоносый мебельщик не имел права прерывать рассказы из Ветхого Завета.

Ко второй ночи его длинные глаза покрылись красной сеткой, и голос его колебался, когда он дошел до описания ямы, в которой лежал Даниил.

Над ямой стояли львы и смотрели на Даниила зелеными глазами. А Даниил валялся с засыпанным землей ртом и жаловался львам на негодяев-военачальников Вавилона. Львы слушали и молча уходили, а на их место приходили другие, и на пророка снова глядели зеленые глаза, и Даниил опять кричал и плакал. Во рту его были земля и песок, и земля и песок были во рту мебельщика, когда, крича и плача, он рассказывал мне про несчастья Даниила.

В окне на мгновение останавливалось зеленое цветенье светофоров и молча уносилось назад.

Колеса били по стыкам, и пока поезд падал на юг, пока паровоз кидал белый дым и проводники, размахивая желтыми квадратными фонарями, ходили по темным вагонам, там, куда я ехал, еще ничего не знали.

Там еще ничего не знали, а я уже скатывался к югу, колеса уже били по стыкам, зеленый огонь в светофоре, приближаясь, сделался огромным, и влетевшие в него вагоны запылали.

Зеленый горящий одеколон навалился на меня сразу, и, задыхаясь, я прорвался через сон.

В вагоне уже не было никого. Мои подданные удрали первыми. Я был на вокзале в Одессе. Путешествие мое окончилось.

5

Я увидел серые и голубые глаза и, когда увидел, забыл все, что случилось в поезде № 7, на который в Брянске напала гроза. Я забыл молнии, произведенные этой грозой, и власть, которую имел над четырьмя торговцами мебелью.

Мы сидели на подоконнике, и я говорил:

– Сколько раз ночью я шел под высоко подвязанными фонарями, переходил каток и выходил в Архангельский переулок. На виду золотой завитушки масонской церкви и желтых граненых фонарей было лучше всего вспоминать о тебе.

Я знал голод и страх смерти. Я ел колючий хлеб и никогда не наедался. Разве я когда-нибудь забуду сны, которые я видел в то время. Я видел только муку. Она стояла мешками, и, когда я подходил к ней, сон, треща, разваливался. И я просыпался в невыносимом свете прожектора, который обливал комнату.

В то время была война, и из-за нее я узнал страх смерти. Разве я когда-нибудь забуду битое стекло, сыпавшееся из расстрелянных окон поезда, убегавшего из-под обстрела. От пяти часов вечера и до шести я знал страх смерти. Потом я узнал его еще много раз и уже не помню, как я могу забыть поле, разорванное кавалерией, и звон сыплющегося стекла.

Я также узнал любовь, которая стала мне тяжелее, чем голод и страх смерти. Это моя любовь к тебе. Я написал ее кровью. Но больше так писать не хочу. Поэтому я бросил астраханские башни Кремля и приехал к тебе, чтобы на этом подоконнике мы сидели вместе.

На пароходах разбивали склянки, и бродившие на окраинах собачьи стада задавленно и хрипло кричали «ура».

Когда зеленый коралл, стоявший против окна, от утреннего света снова стал деревом, Валя сказала:

– В тот день, когда ты приехал, возвратился домой мой папа. Если ты хочешь, мы можем сегодня пойти к нему. Он будет очень рад видеть тебя, хотя очень утомлен дорогой. Всю дорогу он не спал.

– Почему же он не спал? – рассеянно спросил я.

– К нему пристал какой-то чекист и для своей забавы заставил его всю дорогу читать Библию.

– Сегодня? – я пошел в угол комнаты. – Сегодня? Нет, сегодня я занят и не смогу.

Я так и не пошел к нему. Но мне придется пойти, и я выжидаю своего времени. Я думаю, что меня встретят хорошо, ибо слова, раз написанные кровью, второй раз пишутся сахаром.

1923

Многие частные люди и пассажиры..

Многие частные люди и пассажиры легкомысленно жалуются, что железнодорожные кондукторы грубы.

А что эти частные люди знают про разные кошмарные эпизоды, которые играют на кондукторских нервах, как на балалайке?

Такой пассажир увидит кровоподтек левого кондукторского глаза и сразу решит:

– Пьяница и драчун!

А кровоподтек вовсе справедливый. Кровоподтек правильный.

И хоть вся бригада носит на лице вышеуказанные знаки, но знаки эти не в позор, а во славу.

Позвольте мне как поседелому кондуктору все рассказать.

Давно уже среди нашей братии замечалось колебание насчет ругательных слов. Некоторые эти просоленные разговоры очень даже надоели.

А я прямо встал на общем собрании и безбоязненно спрашиваю:

– Что мы, свиньи?

– Ничего подобного! – кричит собрание. – Таких здесь нету.

– Почему же – говорю я с восторгом на сердце – почему же мы позволяем себе эти, так сказать, матерные выражения? Долой такие слова!

Собрание охватила ужасная радость.

– Совершенно верно!

Один Петька Клин сидит смутный. Я же спешу кончить:

– Но предлагаю, чтоб честно. Дал слово, держись. А то, извините, за отступление от правила накладём. Просто побьем. Это хотя не совсем великосветский манер, зато крепко будет.

Собрание враз голосует и дает свою культурно-просветительную клятву биться без пощады, пока безобразные слова не переведутся.

– Минутку! – кричит Петька Клин. – Если вы запрещаете эти слова, то как же я с женой разговаривать буду?

– Ты, – говорю, – старый ругатель. Мы тебя отучим. Мы с тобой биться будем. А нет – из союза выкинем.

Петька озлился.

– Посмотрим, – говорит, – кто кого выкинет. Увидим.

И пошел прочь.

Абсолютно несознательная единица – этот Петька.

Хорошо. На другой день, в 12 часов, нашу конуру, где мы отдыхаем, должны были осмотреть товарищи из союзного центра, которые приехали.

И за полчаса до двенадцати подходит ко мне Петька Клин и, не говоря худого слова, ругается самой ужасной бранью.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Петька, – говорю я, – мы клятву дали биться против плохого слова.

– А мне, тра-та-та, – отвечает Петька, – на вас, трата-та, наплевать!

Тут меня взорвало.

– Ты так! Против всех идешь! Ну, держись!

Он удара не вынес. Упал.

И упал прямо на нос Василию Петровичу – кондуктору. А тот от неожиданности заругался. И именно нехорошими словами. Случайно.

Но клятву держать надо. Мы за такие выражения поклялись наказывать.

Немедленно Василий получил по щеке от ближайшего кондуктора и сам дал сдачи. Близлежащий кондуктор не стерпел боли и выразился. И именно гадким словом.

Сейчас же на них накинулись трое наших. А с полу поднялся Петька и опять же ко мне с ругней.

Пожалейте меня, старика, но я обругался. Ну, невозможно же было от этого подлеца стерпеть. Поругался и полез в драку.

Тут пошли лупцевать и меня.

Я не возражаю. Надо же клятву держать. И все мы бились за нашу культурно-просветительную клятву, и все, в пылу драки, ругались, и, представьте себе, именно по матушке.

А пока мы все катались в свалке по полу, приспели товарищи из союзного центра и увидели нас, когда мы деремся и ругаемся, как самые последние бессознательные.

Тут Петька развернулся.

– Примерные товарищи, – орет он, – вы же сами видите, что за такое поведение всех их надо выкинуть из союза.

И все-таки его рука не вышла.

Целую неделю дело разбиралось, и все-таки докопались, что виноват. Не Петька нас выкинул, а мы его.

А кровоподтек что? Кровоподтек этот справедливый и честный. Мы его как медаль носим. Зато клятву сдержали, и из кондукторов никто ни-ни, безобразных слов не говорит, ура!

1923

А все-таки он для граждан
Товарищ Неустршимый уезжал из Москвы.

– Извозчик, на вокзал!

– Пять рубликов! – бодро ответил извозчик.

Неустршимый возмутился:

– И это называется «транспорт для граждан»!

Но извозчик попался какой-то нецивилизованный в задачах дня и цены не сбивал.

В общем, поехали.

У самого вокзала, на мешках и чемоданах, заседали пассажиры явно обоего пола.

Тут же тыкались мордочками в мостовую пассажирские дети.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
«Какая необразованность! – горько подумал Неустрашимый. – Какая необразованность! К услугам граждан весь транспорт, прекрасные вокзальные помещения, а они все-таки сидят снаружи».

Но сказать мрачным личностям речь о вреде сидения голыми штанами на земле товарищ Неустрашимый не успел.

К нему подскочил носильщик:

– Прикажете снести?

Впрочем, спрашивал он только из вежливости, ибо был он не человек, а ураган с медной бляхой на груди.

Неустрашимый еле поспевал за своей корзиной.

– Сколько?

– Рупь! – стыдливо рявкнул ураган.

– А такса? По таксе – двугривенный! Где у вас вывешена такса?

Оказалось, что в другом зале.

– Идем! – решительно заявил Неустрашимый. – Я добьюсь справедливости. Транспорт для граждан, а не граждане для транспорта.

– Ишь! – удовлетворенно заметил носильщик. – Сорвали!

Надежда на справедливость была утрачена.

Носильщик-ураган вместе рубля взял два и, хихикая, удалился.

Неустрашимый обиженно огляделся по сторонам.

Зал ожидания был полон.

На прекрасном кафельном полу сидели пассажиры.

– Сядьте и вы, молодой человек! – раздалось оттуда.

– Зачем же я сяду на пол? – закипел Неустрашимый. – Зачем, если к моим услугам весь транспорт и я, если будет охота, сяду на скамью.

– Попробуйте! – ехидно сказали с полу.

– Что же это такое? – завопил, взглядевшись, Неустрашимый.

На скамьях не было ни одного свободного вершка. Его не было даже на подоконниках. Там тоже сидели зеленолицые пассажиры.

– Что же это такое? Транспорт для меня или я для...

– Бросьте! – сказали снизу. – Бросьте и садитесь вот здесь, слева, а то там кто-то заплевал.

– Нет! – жалко улыбнулся Неустрашимый. – Лучше я пойду к тем, кто на мостовой. Там хоть не накурено.

Но надо еще было взять билет, и он побежал к кассе.

Ближе чем на двадцать пять шагов он подойти к ней не смог и сказал все, что мог сказать:

– Мама!

У кассы стояла очередь.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Какая это была изумительная штука!

Она имела шесть хвостов, сто пятьдесят человек и такой грозный вид, что все становилось понятно.

– Не транспорт для граждан, а граждане для стояния у кассы.

Неустршимый быстро подсчитал:

– Поезд отходит через час. Если даже будет продаваться по билету в минуту, то останется девяносто человек. Я буду девяносто первый оставшийся.

И, придя к такому заключению, Неустршимый плюнул.

– Вы? – деловито спросил моментально выросший из-под полу чин.

– Я, – сказал Неустршимый.

– С вас рупь! Нельзя плевать. Транспорт для граждан, а не для свиней.

Больше я ничего не расскажу.

Из слов монументального чинуши каждый может на деле убедиться, что транспорт в самом деле для граждан. Раз он сказал, значит, так оно и есть.

1923

Москва, Страстной бульвар,

7 ноября

В час дня

По Тверской летят грузовики, набитые розовыми детскими мордочками.

– У-р-р-а!

Мордочки и бумажные флажки улетают к Красной площади. Дети празднуют Октябрь. Дети тоже участвуют в параде.

За ними, фыркающая и пускающая тоненький дым, грохочет зеленый паровоз МББ ж.д.

Прошли железнодорожники – идут школы.

Школы прошли – опять надвигаются рабочие.

– Долой фашистов!

Через Страстную площадь проходят тысячи и десятки тысяч.

Тысяча красных бантов.

Тысячи красных сердец.

Тысячи красных женских платочков.

Манифестации, растянувшиеся по Страстному бульвару, терпеливо ждут своей очереди.

Десять часов. Одиннадцать. Двенадцать.

Но от Ходынки, от Триумфальных ворот всё валит и валит. Вся Москва пошла по Тверской. Так зимой идет снег, не прерываясь, не переставая.

И, в ожидании, колонны рабочих на бульваре развлекаются, чем могут.

Усердно и деловито раскрывая рты, как ящики, весело подмигивая, поют молодые трактористы, старые агрономы, китайцы из Восточного университета и застрявшие прохожие. Поют все:

– Задувайте горны, дуйте смело...

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Кончив петь, молодежь играет в чехарду.

Кончив играть, становятся в кружок и весело, молодые всегда веселы, громко, на весь мир кричат:

– Да здрав-ству-ет гер-ман-ска-я ре-волю-ци-я!

Смотрят на итальянцев, стоящих поближе к Петровке, смотрят на их знамя, читают надпись:

– Аморте ла боржезиа мондиале!

– Буржуазия! – догадывается тракторист.

– А мондиале что такое?

Итальянец в мягкой шляпе улыбается, все его тридцать два зуба вылезают на улицу, и он говорит:

– Аморте! – и трясет кулаком.

– Аморте – смерть! Ла боржезиа мондиале – мировая буржуазия! Смерть мировой буржуазии! Аморте ла боржезиа мондиале!

Итальянец радостно хохочет и снова подымает кулак. Кулак большой.

– Фунтов пять в кулаке-то, а?

Трактористы хохочут.

А по Тверской всё идут.

– Мы, молодая гвардия!..

– Это есть наш...

Детский, тонкий голос:

– У-р-а!

И серьезные, большие голоса отвечают:

– Ура, дети! У-р-р-а!

Остальное теряется в ударах барабана.

Это, поворачивая с Петровки на бульвар, возвращается с парада конница.

Колеблются и наклоняются пики. На пиках трепещут и взволнованно бьются красные и синие треугольные флажки.

По три в ряд, всадники проходят мимо жадных глаз.

– Первая конная!

– Да здравствует Первая конная!

– Качать!

Десяток рук подымается и протягивается к первому кавалеристу.

– Не надо, товарищи! Товарищи, неудобно ведь! Нас там позади много. Задержка будет!

Но он уже схвачен. Его стаскивают с седла. Он уже не отбивается. Он счастливо улыбается, неловко переворачивается в воздухе и кричит:

– Лошадь придержите, лошадь!

Опять взлет, еще раз, еще раз.

Кавалерист радостно что-то орет, качающие тоже страшно довольны.

Наконец кавалериста отпускают. Еще не отдышавшись, он торопливо садится на лошадь и, уже отъезжая, кричит:

– Спасибо, товарищи!

Конница топчет и быстро скачет под дружеские крики.

– Ура. Красная конница! – кричат в толпе.

– Ура, рабочие! – несется с высоты седел.

– Качать! – решает толпа.

И, придерживая сабли, кавалеристы снова летят вверх.

Их окружают, им не дают дороги.

– Возьми, братишка!

Дают папиросы – всё, что есть.

Работа кипит.

Покачали, дали папиросы, дальше.

И, слегка ошеломленные этим неожиданным нападением, кавалеристы козыряют и исчезают.

Конная артиллерия проносится по рысям. Пушки подпрыгивают и гремят на каменной мостовой. Ее тяжелый бег ничем не удержать.

Но замыкающего отряд с флажком все-таки качают.

Напоследок качают особенно энергично. Бедняга летит, как пуля.

Между тем дорога освобождается.

– На места! На ме-ста!

Кавалерист догоняет свой отряд, колонны строятся, оркестры бьют.

– Ни бог, ни царь и ни герой.

Колонны идут на Красную площадь, чтобы в шестую годовщину Октября повторить в тысячный раз:

– Дело, начатое в октябре семнадцатого года, будет продолжено, и мы его продолжим.

1923

На Ходынке стало тесно

Под низким небом, под облаками, бегущими с одного конца аэродрома в другой, идет веселая трескотня пропеллеров, пальба приведенных в действие моторов, и слышен тяжелый звон приближающихся оркестров.

11 ноября на Ходынке стало тесно.

Аэропланы, переваливаясь, как большие звери, выползают из ангаров. Бегут сигнальщики с флажками. Стараются авиачасти, и быстро плывут знамена рабочих организаций.

Парад строится квадратом.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Большим, прямым углом расположены боевые эскадрильи, целые стаи злых, зеленых,
белых и красных птиц.

Там всё уже приведено в порядок. Моторы проверены, проверены тяги, команды стоят у своих аппаратов.

Против аэропланов стоят делегации профсоюзов, городов и республик, передающих сегодня Главвоздухфлоту девять самолетов – пролетарский ответ дворянскому ультиматуму Керзона.

Здесь тоже всё в порядке.

Стоит прочесть надписи на знаменах, стоит услышать летящие по воздуху песни.

Здесь всё в порядке относительно отпора нападениям с черного Запада.

Четвертая сторона квадрата
На четвертую сторону квадрата смотрят все глаза.

Там, соединяя сторону рабочих с шеренгами воздушного флота, стоят самолеты – подарки рабочих.

– Раз, два, три... Зелено-голубые, с желтой полосой на верхнем крыле... Вон наш стоит... Четвертый, это наш... «Железнодорожник».

Он четвертый в ряду, но подойдите поближе, и вы увидите, какой он по времени постройки.

На закругленном хвосте «Железнодорожника» большая, белая цифра: 1.

Наш был первый. В эскадрилье «Ультиматум» наш полетит в голове.

Железнодорожники всегда шли в голове революционного движения, и, когда воздушному флоту понадобилась помощь, железнодорожники не изменили себе.

Дадим самолет
С Восточных, с Западных, с Южных и Северных посыпались трудовые копейки.

Мурманская, Кавказская, Крайний Север и Крайний Юг соединились в одной усилении:

– Помочь дать самолет, сделать!

Помогали и делали.

Где не было денег, там били трудом, разгружали вагоны, удлиняли свой рабочий день, зарабатывали деньги.

– На самолет!

Курская, Уральская, Казанская, Златоустинская, Самарская!

Участвовал Дон, помогала Сибирь, спешили все дороги, все дороги гнали восток.

Подбодряли одних, давали пример другим и с честью вышли из испытания.

– В голове эскадрильи московских, нижегородских, серпуховских, бакинских и абхазских «ультиматумов» полетит «Ультиматум» железнодорожный.

«Железнодорожник» – аэроплан для наблюдения, это воздушный миноносец-разведчик, он вмещает только двух человек.

Зато он вмещает в себя волю восьмисот тысяч транспортников, глаза этих восьмисот тысяч, и всеми своими глазами транспортный пролетариат будет наблюдать за действиями белогвардейской оравы.

– Когда наступит час отпора, отпор будет дан.

Для мира, а не для войны

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Парад принят т. Рыковым.

Квадрат-каре сдвигается ближе к трибуне, стоящей посреди аэродрома.

Говорит т. Рыков, говорит т. Кушнарев от союза железнодорожников, говорят Новгород, Серпухов, Москва, Абхазия и Азербайджан.

И все говорят об одном и том же. Ничего другого не может быть.

– Мы строили эти самолеты для мира, а не для войны.

– Но мир мы будем иметь только тогда, когда будем сильны. – Если в ответ на ультиматум мы покажем свои «Ультиматумы», нас никто не посмеет тронуть.

– Мир нам даст только наша сила, а сильны мы будем, ибо наша армия – это все наши рабочие.

Тов. Керженцев от лица ОДВФ СССР передает эскадрилье знамя.

Полотнище свивается и развивается, ветер хватает слова т. Герасимова, отвечающего от отряда «Ультиматум», и пригоршнями кидает их в толпу рабочих.

– Клянемся верно защищать мирный труд рабочих и крестьян.

И тот же ветер несет в ряды летчиков ответ рабочих:

Ура, рукоплескания и «Интернационал».

Эскадрилья «ультиматум» входит в строй
Сцепившись руками по три человека, команды поворачивают пропеллеры.

– Раз, два, три...

Пропеллер делает полкруга и, откинувшись, начинает вращаться. После третьего круга пропеллер исчезает – остается только сверкающее, бешено вертящееся колесо.

Один за другим начинают работать аппараты, и воздух наполняется разнообразным гулом, звоном и треском.

Несколько десятков разноцветных птиц дрожат от нетерпения.

Треск увеличивается, становится огромным, наполняет весь мир. Из ряда «Ультиматумов» выбегает аэроплан и, резко отбросив землю, лезет в небо.

Через четверть минуты – другой.

Еще и еще.

В воздухе аппараты строятся журавлиным клином и, мягко грохоча, делают эволюции.

Дело сделано.

Усилие принесло результат.

Эскадрилья «Ультиматум» во главе с «Железнодорожником» вошла в строй советского воздушного флота.

1923

Иверские мальчики

Письмо из Москвы

Вчера днем у Иверских ворот, среди торгующих бутербродами, перламутровыми пуговицами и раздвижными моделями человеческого тела, возник некоторый переполох.

Обычно только красноголовый милиционер может спугнуть бродячее государство иверских лоточников.

Этого хватает ненадолго.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Милиционер стремится назад, к своему перекрестку, где беспризорные моторы и извозчики успели образовать полный затор. Тогда отбежавшие было на сажень бутербродные фирмы занимают старые места, и гам продолжается.

– Яблоки коричневые!

– Оригинальный подарок детям! Предупреждение беременности! Последняя новость! Двадцать копеек!

Пролетает ревучий автобус-тяжеловес, реставрированные Бетонстроем Иверские ворота спят глаза белой штукатуркой, крик от копеечной торговли поднимается к облачным, лепным небесам.

Веселое место! Милое место!

Но сейчас, хотя черная шинель милиционера и сигает в толпе, никто из лоточников не пытается спастись бегством.

Они забыли об этом. Им слишком смешно.

Вся толпа, все девчонки, торгующие булками с черной, словно нафабренной икрой, все продающиеся книги за «двадцать копеек вместо рубля» и даже сам загадочный продавец «оригинального подарка детям» – все они сбились в кучу и кричат:

– Конкуренция Моссельпрому! Конкуренция Моссельпрому!

«Конкуренция» снует тут же.

А за «конкуренцией» с совершенно потрясенным лицом бежит милиционер.

Это мальчик, почти голозадый, в зеленой рубашке. На груди у него висит закрытый продолговатый ящичек.

Из-за этого ящика – всё дело.

– Беспатентная ж торговля! – растерянно бормочет милиционер, устремляясь за голозадым.

Кончилось представление обычно. Милиционер, запыхавшись, убежал к своему посту, а торжествующая «конкуренция Моссельпрому» занял место у кирпичной стены и заорал:

– Граждане, автомат работает! Подходите, граждане!

Граждане, заливаясь смехом, стеклись в большом числе и удивленно рассматривали висящий на мальчике ящик.

Вверху ящика большими, выведенными химическим карандашом буквами-колесами красовалась надпись: «Ав-то-мат». Над узкой щелью внизу была другая надпись: «Брось 1 копейку».

– Ну и брошу! А что будет?

– Папироса выпадет!

– А если двухкопеечную монету положу?

– Две выскочат!

Две копейки тихо скользнули в щель. Толпа напряглась.

Следующее мгновение было для мальчика триумфальным.

Две папиросы «Крем» (20 штук – семь копеек), одна за другой, выкатились из ящичка.

Продавец «оригинального подарка» страшно захохотал:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

– Молодчина! Полная конкуренция Моссельпрому!

Между тем конкурент моссельпромских автоматов деловито и охотно давал объяснения своему дивному прибору.

Черная старуха проходила мимо и любопытствовала узнать, что случилось.

– А ты посмотри, бабушка! – вежливо заметил бородач с раздвижной моделью мужского тела. – Чего здесь увидишь, того на том свете за красненькую не покажут.

И прямо перед ее глазами раздвинул свою модель так, что старушка увидела брюхо, наполненное желтыми и красными кишками.

Старуха отпрянула сразу шагов на десять, толпа шарахнулась от пролетавшей машины, а юный «автомат», завидев подходящего «мильтона», быстро переключал в более безопасное место.

Как заправский изобретатель он переносил гонения покорно. Он уже знал, что все изобретатели были гонимы.

Другой, однопятый с нашим изобретателем мальчик ходит по редакциям московских газет. Это поэт.

На голове он носит котелок. Кто-то подарил.

Стихи он пишет презабавные.

По ним видно, что наибольшее впечатление на него оказало стихотворение:

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало..
Все его стихи (он плодит и пишет каждый день) подражательные цитированному.

Этот мальчик – настоящий поэт, заправский. Он читает свои стихи всем желающим слушать его. За это он просит разрешения напечатать их на машинке.

Как настоящий поэт он хочет видеть свои произведения в печати, хотя бы и машинной.

Печатает он сам.

Оба эти мальчика, несомненно, будут интереснейшими людьми. До всего они дошли сами. Их никто не учил.

1923

Вечер в милиции

В отделении милиции часы бьют шесть. Камеру предварительного заключения уже украшают собою трое преждевременно упившихся граждан, но самое главное – еще впереди.

Пока дежурный возится с двумя необычайно печальными китайцами. Вчера они приехали в Москву из Семиреченской области и сразу заблудились. Дежурный пытается узнать, где они остановились, но китайцы от печали не могут выговорить ни слова; кстати, они не знают русского языка, а дежурный не знает китайского. Положение безвыходное, и китайцы уходят.

На смену им появляется буфетчик из управления гостиницами.

– Ровно девять лет живу у вас, – гудит он, – и никогда ни одного подобного случая.

– В чем дело?

– Прошу вас, любезный товарищ начальник, снять штраф. – А вы дебоша не устраивайте в пивной...

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
А этом месте беседы за дверьми раздается великолепный рев, и дворники вносят
здоровенного детину. Он пьян настолько, что может только плакать. Горько
рыдающего, его водворяют в камеру, а отобранным на ночь вещам составляют опись.

– Денег 4 р. 6 к. Цепочка желтого металла. Старый кожаный черный бумажник.
Больше ничего.

Утром, когда пьяный проспится, ему отдадут его вещи. Оставлять при нем опасно –
товарищи по камере очистят.

– А ты чего сидишь?

Беспризорный, засевший на подоконнике, мрачно отвечает:

– Со всех парадных гонят. Мне холодно.

– Ну, и здесь тоже нельзя.

Беспризорный угрюмо помалкивает.

Привели шинкаря. Он неохотно вытаскивает из кармана полбутылки хлебного вина.

– Еще вынимай!

Ставит на стол еще бутылку.

– Этот продавал, – говорит постовой, – а вот этот покупал. Два с полтиной
бутылка.

Пишется протокол. Утренних пьяных после протрезвления выпускают. Они страшно
кряхтят.

– Вязали меня? – спрашивает один из них.

– Вязали!

– Так я и знал! – горестно отмечает пьяный. – Удавить меня надо!

1923

Судьба Аполлончика
Лирическая песнь о милиционере
Настоящая его фамилия – Танькин.

Кровь в нем перемешана с молоком.

Со щек Танькина никогда не слезали розы.

Этот чертовский милиционер был так красив, что у дешевых гетер с Цветного
бульвара перехватывало дыхание, и от радости они громко, прекрасно и нецензурно
ругались.

– Аполлончик! Настоящий Аполлончик!

Светло-зеленая парусиновая рубашка, зеленые канты на шапке и зверских галифе
делали Аполлончика похожим на только что распустившееся дерево.

Только что распустившееся дерево величественно шлепало маленьких босячков,
вежливо писало протоколы о безобразниках и элегантно сдирало штрафы с лиц и
лошадей, переступивших закон.

Кровь и молоко кипели в Аполлончике, рука его не уставала махать и писать.

И все это кончилось в один сиятельный весенний день.

– Тебе новый пост! – сказали Аполлончику в отделении. – В Текстильном переулке.

Это было явное оскорбление.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
По Текстильному не ходил трамвай!

В Текстильном не было ни одной пивной!

В Текстильном жили только застарелые, похожие на черные цветы, дамы.

Текстильный – это богадельня!

Там на посту инвалиду стоять!

Что будет делать там кровь и молоко, сам закон в зеленой куртке?

– Будешь против посольства стоять. Ты смотри, не подгадь.

Аполлончик печально цокнул сапогами и пошел на новое место.

Крохотное посольство крохотного государства вело жизнь загадочную и скучную.

То есть –

носило белые штаны,

каждый день брилось,

играло в теннис,

вылетало со двора на рыжем, дорогом автомобиле,

и боль-ше

ни-че-го!

Розы погасли на щеке Танькина.

О драках и штрафах не могло быть речи.

Когда вставало солнце и когда вставала луна, они находили на лице Аполлончика одну и ту же черту невыносимой тоски.

Проклятые иностранцы вели себя, как ангелы в тюрьме, как испорченный примус.

Не гудели, не нарушали, ничего не переступали, были скучны и по горло набиты отвратительной добропорядочностью.

Рука, бессмертная рука в зеленых кантах, рука, не устававшая писать и махать, бессильно повисла у кушака.

Погода была самая благоприятная для скандалов, для езды с недозволенной быстротой, для пылкого, наконец, слишком громкого пения, которое на худой конец тоже можно оштрафовать, но они даже не пели.

Долгие, вдохновенные ночи оглашались воплями.

Но то были вопли в соседних переулках.

Эти вопли усмирял не Танькин. Нет, их усмиряли другие.

Аполлончик засыхал.

Волнующие картины буйственной Трубы толкались и плавали у него перед глазами.

Рука поднялась, но снова упала.

Нет, это был только тихий, семейный Текстильный.

Безусловно, где-то очень близко затеялась прекрасная вертящаяся драка.

Аполлончик сделал несколько шагов.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Вперед него, задыхаясь, пробежали любопытные.

Аполлончик придвинулся к концу своего переулка (дальше уйти было нельзя) и вытянул шею.

Голоногие ребята разносили свежие новости.

– В тупике! Стекла бьют!

Летели и мели юбками бабы.

– Мамы мои, пьяный-распьяный! Два милицейских справиться не могут!

Сердце Аполлончика спирало и колобродило.

Из тупика донесся свисток о помощи.

Пьяный ужасно заорал.

Аполлончик оглянулся на посольство. Там тускло и скучно горели огни.

– А пропади вы!

И полный нечеловеческого восторга Аполлончик ринулся на крик, на шум и сладостные свистки.

Так под напором европейского капитализма пал Аполлончик Танькин, милиционер города Москвы.

За непозволительный уход с поста, с поста у европейской державы, его выгнали.

Но он не горюет:

– Черт с ним, с капитализмом! Это же такая скука!

1923

Два раза направо...

Нечесаная морда мелькает в узком коридоре, хватая замороченных сотрудников за штаны:

– Где здесь цека?

Схваченный и перебитый в пути сотрудник сердится:

– Здесь 52 цека!

– Цека Всеработземлеса!

– Дальше! Два раза направо, два раза налево и один раз вообще! Отчего вы меня не выпускаете?

– Я хотел еще узнать... – лепечет нечесаное существо.

Замороченный сотрудник проваливается в первую дверь и рычит:

– Остальное спросите в комендатуре. Это два раза направо... два раза налево... И один раз во...

Нечесанный работник земли и леса тоскливо плывет в полумрак.

Остальное делается в три подразделения.

Величавое цека перебрасывает деятеля земли и леса в губотдел. Там молодого человека оглушают невежливый звон пишущих машинок и секретарь, опасный, как неразорвавшийся снаряд.

Секретарь посылает молодого деятеля на биржу труда, а биржа, не теряя времени,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov говорит:

– Два раза направо, два раза налево и один раз вообще.

– Два раза направо! – бормочет молодой человек, сворачивая направо. – Два раза налево! – говорит он, делая это самое.

– И один раз вообще!

И тут молодой человек выходит как раз на улицу.

Глупый молодой человек думает, что попал не туда и возвращается обратно.

– Нет, – говорит справедливая биржа, – правильно. Два – сюда, два – туда и один поворот – так себе.

– Но там улица!

Потому что биржа этот нечесанный орех давно уже раскусила и биографию ореха знает наизусть.

Не работник, ни земли и ни леса!

Кроме того, молодой человек вчера только ворвался в Москву. Для биржи он значит столько же, сколько воздух с лентами, то есть ничего.

Работы он не получит.

Пресеченный справедливо биржей в самом начале своей карьеры, молодой человек совершает свой неприятный путь – два раза направо, два раза налево и, сделав поворот один раз вообще, выходит на улицу.

На улице дым и пыль. Автомобили давятся, воздух черный, телеграфные провода пищат, за толстыми стеклами лежит сто пятьдесят тысяч вкусных вещей, и земляной деятель стоит посреди всего этого, как хорошее дерево того леса, из-за которого он провалился.

Трамваи поворачивают на стрелках, и молодому человеку кажется, что они поворачивают два раза напра... два раза нале... и один раз воо...

В родном городке было лучше.

Во-первых, только одна улица и не надо никуда сворачивать.

Второе, улица такая тесная, что вообще повернуться негде.

Красный милицейский жезл описывает полукруг.

– Проходите, гражданин!

Лесной юноша загорается диким огнем. В сердце его и так наложены обиды.

– Два раза направо, два налево и один вообще? – угрожающе спрашивает он. – А если я больше не желаю два напра... два нале... и один воо...

– Проходите! – вертит своим рыжим копьём милицейский. – Сойдите с мостовой!

1923/24

«Маленький негодяй»

Все удалось скрыть, кроме цены на арбузы. Цена эта, выросшая за неделю впятеро, внесла некоторый испуг. Потом стало еще хуже. Арбузы исчезли вовсе.

Крошечная арбузная гавань, тесно заставленная барками, гавань, которая из-за плававших в ней арбузных корок походила на чудесный персидский нежно-зеленый и светло-розовый ковер, эта гавань в несколько дней опустела, стала геометрически пустой и пугающе правильной.

Парусники ушли и обратно с арбузами больше не возвращались.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Газеты выходили исправно и каждое утро накачивали читателей брехней о светлом будущем.

Те, кто понимал, почему фунт лиха, не верили и пили. Они уже поняли, что Трифоновка (место, откуда возили арбузы) занята большевиками.

Те, которые верили газетным клятвам, тоже пили. Чтобы поверить, надо было пить.

Стенька Митрофанов газет не читал и ничего не пил. Вода не в счет. Но о том, что должно было случиться, он знал хорошо.

У него был длинный, мальчишеский, мокрый язык, и поэтому он навсегда потерял для себя теплый мусорный ящик, где блаженно спал во все зимние ночи.

– Холера тебе в бок! – орал управляющий тем домом, где находилась пышная Стенькина спальня. – Я тебе покажу большевиков! Во-н! У тебя, хулиганская морда, вырастет борода до колена, прежде чем они сюда придут.

И в этот оглушительный, гудящий весенний день случились три очень важных для Стеньки события.

Я уже рассказал, что он потерял свой ночлег. Кроме того, он еще покрывался неувядаемой славой. Это главное, но об этом потом. И еще – он отомстил управляющему. Я не хочу порочить Стеньку, он мне даже друг, но он украл петуха. Конечно, это был петух управляющего.

Петух кричал, как роженица, и бешено крутил глазом. Стенька мчался по мокрому, светлому от воды асфальту и идушливо хохотал.

Так, смеющиеся, орущие и растрепанные, оба они очутились перед желтым дворцом главнокомандующего.

Для караула, стоявшего у гигантских арочных ворот, появление возмутительного оборванца и воющей птицы было почти смертельным оскорблением и невыносимым нарушением порядка.

Раздался короткий свисток.

Стенька опасливо осмотрелся. Приготовился к отлету и крепче прижал к себе петуха. Петух не выдержал адского объятия и душераздирающе запел отходную.

Расстроенная куча австрийских жандармов устремилась на Стеньку, желая немедленно и дотла искоренить очаг воплей и суматохи. Стенька оцепенел, считая здоровеннейшие кулачища, которые неслись на него, и предчувствуя бесславные побои.

В ту же минуту голубое небо жутко загудело и лопнуло. Воздушный вал навалился на Стеньку, земля дернулась, выскочила из-под ног, и Стенька обрушился. Кругом все рвалось и тряслось от страшного бомбового разрыва.

Ослепленная и задушенная кучка развалилась. Стенька, погребенный под пятипудовыми животами, трепетал.

Сверкнуло еще раз, стало непереносимо тихо, и все, что могло еще ходить, ринулось в дворцовый подъезд, увлекая с собой ошеломленного Стеньку и агонизирующего петуха. С крыши по налетевшему аэроплану задребезжали пулеметы.

В подъезде Стеньку прижали к огромной красивой двери. Стенька никогда еще не видел такой. Но, нахлыстываемый страхом, он не стал разбирать и поскакал по лестнице вверх, захватывая ногами по три ступеньки сразу.

На втором пролете он опомнился и остановился. Сверху катились бледные лица и стучали сабли. Все это сбегало вниз, не замечая Стеньки и не обращая на него внимания.

Петух недовольно забормотал, и это вывело Стеньку из оцепенения. Решив, что жандармы внизу опаснее бомб сверху, он сделал чудовищный прыжок, влетел в

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov огромную залу и, завопив от неожиданности, с размаху остановился.

Зала не имела конца. Стен залы не было видно. Огромные паркетные площади уходили вдаль, вперед, вправо, влево и терялись в стальном дыму. И все это колоссальное пространство было битком набито голодранцами и петухами. Сто тысяч голодранцев и сто тысяч петухов.

Стенька ахнул и опустился на пол. Петух вырвался, побежал по паркету, поскользнулся и смешно упал на бок. Сто тысяч голодранцев тоже присели, и сто тысяч петухов сразу упали. Стенька радостно захохотал, поднял руки и сказал:

– Дураки!

Голодранцы разом раскрыли рты и подняли руки.

– Как на митинге! – сказал Стенька. – Опустите руки, сволочи!

И сам опустил. Все руки разом упали. Это была зеркальная зала, и все Стеньки были один Стенька. Зала была пустая.

Стенька подобрал петуха и подошел к окну.

Я не могу и никто не сможет точно описать того, что случилось со Стенькой. Он прыгал под потолок, и петух летел туда вместе с ним, проклиная тот позорный час, в который Стенька его украл.

Причину Стенькиной радости можно было увидеть из окна.

Внизу, в порту, по Приморской улице, поминутно останавливаясь и прячась за выступы домов, перебежали три солдата. Земля задрожала, и впереди солдат выскочил пышущий, полный треска броневик. Красный флаг метнулся и пропал за высоким зданием. С моря, с большого рейда, палили окаменевшие громады броненосцев. Испуганное небо хоронилось под черным дымом. Это была знаменитая атака красных с суши и с моря 11 апреля.

В пустой зале грохотали восторженные крики Стеньки:

– В будку! Долой кайзерликов! Амба австриякам и...

Стенька поспешно обернулся на треск паркета. Прямо на него, к выходной двери, ломая паркет тяжестью своего тела, шел венгерский офицер.

Он шел в несчастную минуту, в то время, когда через края Стенькиного сердца переливалась отвага, когда этот «маленький негодяй» воображал, что именно он из своего высокого окна руководит атакой города.

Но венгерец видел только малыша и торопливо шел к двери. Сверкая всем лицом и любезно, по-детски улыбаясь, Стенька ждал.

Офицер приближался, хрустальная люстра нервно шевелила своими цацками и звенела. Сенька ждал и не сходил с дороги.

Офицер недоуменно и высокомерно покосился, но не свернул.

Давид ждал своего Голиафа. Голиаф самоуверенно стремился к гибели. Как только расшитый рукав венгерской куртки поравнялся со Стенькиным носом, разразилась катастрофа. В ту же минуту Стенька покрылся неувядаемой славой.

Через час куча красноармейцев, появившаяся в широких и высоких дверях зеркальной залы, изумленно созерцала весьма странный пейзаж.

В самом конце залы на полу сидел венгерский офицер. Вместо лица у него было одно негодование и обида.

В пятнадцати шагах от него, держа в руке крошечный, сиявший, как серебряное солнце, браунинг, стоял Стенька.

– Сиди, сиди, – шептал Стенька. – А то стрелять буду!

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

Между Стенькой и венгерцем расхаживал петух, лишенный главного своего атрибута – разноцветного хвоста. Сердце же петуха было разбито. Он уныло рассматривал себя в зеркалах и горько причитал о своей тяжелой потере.

Из всех трех доволен был только Стенька. Сзади раздалось хихиканье. Стенька посмотрел вперед в зеркала и увидел стоявших в дверях красноармейцев. Он угрожающе махнул браунингом в сторону офицера и кинулся к дверям.

Там, хохоча и плача, он бешено врал о своих подвигах. Его перебили:

– Как же ты такого слона взял?

Стенька горделиво завертелся вокруг себя, как смерч, и ляпнул:

– Ой! Он идет на меня, а я подножку раз, он встал, я вторую, а потом петухом, петухом по морде, по морде. Так он с перепугу даже браунинг потерял. А петух без хвоста. Сильно бил.

В зеркалах четыреста тысяч красноармейцев приседали от смеху и тормозили «маленького негодяя» и маленького героя Стеньку.

1924

Октябрь платит

Семь лет – приличнейший срок. Можно и образумиться. Октябрь опомнился. Нет, он больше не будет испытывать терпение уважаемой Франции, уважаемой Англии и совершенно уважаемой Америки.

Пора. Полированные джентльмены (фраки заляпаны орденскими звездами, цилиндры блестят, как мокрые крыши) ждали и так слишком долго.

Время, время! За всё будет уплачено до копейки. Октябрю даже стыдно. Джентльмены просчитались. Мало просят.

В сияющих канцеляриях огромнейшими перьями пишется счет. Но Октябрю стыдно за джентльменов.

– Умнейшие головы, а главное забыли!

Разве в походе на советский Архангельск в цепенеющих от жара топках британских боевых судов не были сожжены горы дорогого кардиффского угля? Разве выпущенные по этому городу шестидюймовые снаряды не стоили денег?

Другие бы записали:

– За снаряды, истраченные во время бомбардировки, имевшей целью уничтожение вашего уважаемого города Архангельска, причитается с вас рублей столько-то, копеек столько-то.

Но они, как видно, забыли, и Октябрь напоминает:

– Всё пишете. За всё будет уплачено.

За доставку Деникину миллиона зеленых штанов и курток пехотного образца. За танки, за длинноносую артиллерию, за бомбы, патроны и пулеметы.

Не забудьте деньги, потраченные на Колчака. Юденич у вас кое-что признал, не забудьте вставить. Врангель опять-таки. Пишите так:

– Рублей – такое-то число, копеек – такое-то число. Не стесняйтесь. Октябрь за всё это заплатит.

Еще – джентльмены держали и кормили в своих тюрьмах порядочно советских граждан.

За то, что потратились, Октябрь уплатит. Октябрю стыдно.

Мало просят. Им следует больше. Им следует стоимость пуль, которыми расстреливали, и стоимость веревки, на которой они вешали. Припишите к счету.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov
Заплачено будет сразу за все

1924

Гудковская работа

День в день пищат электрические моторы, день в день ротационные машины досыта обжираются рулевой бумагой, и каждое утро сотни тысяч свежих до сырости «Гудков» крапчатыми птицами разлетаются по всем железным дорогам.

И день в день, как старый хозяин голубятни, редакция провожает глазами улетающий «Гудок».

Как сделает свою работу? Расшевелит ли профрабату? Ударит ли беспощадным громом над заспанной головой администратора-растеряхи?

Вагоны катятся по рельсам, на стрелках тормозят до свиста, и белый тюк валится на станционную платформу.

И скребет спину пойманный в халатности начальник, швыряет в сторону прочитанный «Гудок», но спать уже больше не будет. Уже гонит начальник вагоны в Бельский тупик Белорусско-Балтийской, уже перевозит лежащие там с 14-го года 1300 кубов дров. Уже звонко бьет молот и скрежет пилы – работается на Сычевском тупике мост, сделано уже полотно на 8 верст, и новый рельсовый путь сверкает на целую версту. Чешись, начальник, рви на своей голове волосы, оттого что смеется над твоим пробуждением рабочий, оттого что на четвертой странице «Гудка» изображены ты в смешном и противном виде. И не будет больше начальник храпеть во все носовые приспособления, а, подталкиваемый «Гудком», будет работать.

И день в день в редакцию, в замену улетающих «Гудков», приходят письма.

Письмо первое

...С десяти фунтов олеонафту на нашей Мценск Курской водокачке много не накачаешь, и спасибо за «Черную смазку» в № 1059, по два пуда стали привозить, а раньше говорили, что больше нету, и наше учтепо с вашей за-метки в № 115 тоже поправилось, стали в лавку посту-пать товары, и даже из Москвы их целый вагон идет...

Письмо второе

...В паровозном депо Тула Курской отделение исправлено, а в столярной, где его не было, поставлена в добавление печь.

Повести из писем – четвертого, пятого, шестого

Вагоны катятся, газета валится, и раз за разом «Гудок» идет на помощь дороге и железнодорожникам.

ГИБЕЛЬ ГРАФА

Никаких картин с графьями в кинематографе Вознесенска Юза больше не показывают, а кстати, не видно и заведующего кино, который исчез вместе с этим неповским шарлатанством, разоблаченным в № 1009.

РАСПУТАННАЯ

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬНИЦА

И ПОВЫШЕННАЯ

СТОРОЖИХА

После гудковских заметок письмоводительницу станции Невинномысская Скопс, которая запутала дела до невозможности, распутали и уволили вовсе.

Также РКК предложила платить сторожихе Ореховой не по 3-й категории, а по четвертой.

1924

Записки провинциала

Здравствуй, милый, хороший город Москва! Я разобью тебя на квадраты и буду искать. При системе комнату найти легко.

Совершенно непредвиденный случай! Один квадрат разбил мне морду. Било меня человек восемьсот. Главным бойцом было какое-то туловище с женским голосом.

– Я, – говорит туловище, – не допускаю, чтоб крали примуса́.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Это не ваш! – пишу я. – И потом – это «оптимус». Мне жена дала в дорогу.

Короче говоря, она стучала по моей голове своими медными ладонями. Квадрат тоже положил на мою голову порядочную охулку.

Примус они забрали.

От квадратной системы надо отказаться. Очередной квадрат весьма неожиданно кончился большой собакой, у которой, поверьте слову, было во рту 8000 зубов, поверьте слову!

Нашел приятелей. Одолжил на ночь один квадратный аршин на полу.

– Больше, – говорят, – не можем. У нас ячейка.

– Неужели, – спрашиваю, – коммунистическая? Что-то я за вами не слыхал никакого марксизма!

Смеются.

– Пчелиный улей, – говорят, – это дивный пример сочетания множества живых тварей на микроскопической площади. Не без помощи плотника и мы соорудили соты. Комнатушка... того, величиной с клозет, а вот посмотрите – 27 человек живет, и каждый имеет собственную шестигранную ячейку. Гостей только принимать нельзя. Но пчелы тоже ведь званных вечеров не устраивают.

По-ра-зи-тель-ные, эти мои парни!

Вчера ко мне подошел обсыпанный оружием парнюга и сказал:

– Пошел вон!

– Дорогой товарищ! – начал я хорошо обдуманную речь.

– Пошел вон! – повторил парнюга с оружейной перхотью на всем теле.

Этот склад оружия, безусловно, не получил никакого воспитания. Я снял с Лобного места (чудная жилая площадь, с часами напротив) свой чайник и ушел.

Арсенал продолжал хамить мне в спину.

Прощай, милый город Москва! Последние два дня я жил в собственном ботинке. Галки кидали мне на голову что-то белое, пахнущее весной. Пойду себе пешком на родину. Прощай, город, милый, хороший!

1924

Катя-Китти-Кет

За 24-й год в Москве осело 200 000 жителей.

Из газет

Имей понятие – и не осядешь.

Я, например, термолитового домика не возводил, строительной кооперации деньгами не помогал, кирпичом о кирпич, так сказать, не ударил, а вот есть же у меня комната.

Имей понятие! По приезде в пышную столицу опочил я на полу у приятеля-благодетеля. Но тут стали расцветать лопухи, пришла весна, благодетель мой задумал жениться и меня вышиб.

– Погибаешь на моих глазах! – заметил я ему. – А зовут ее как?

– Катя! Китти! Кет!

Что эта Катя-Китти наделала, невозможно передать. Три дня я страдал на сундуке своей тети. Потом не вытерпел.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
– Тетя, – сказал я, – до свиданья. Спасибо за сундук, прелестный сундук, но мне предоставили в Кремле всю Грановитую палату. До свиданья, тетя.

Ночью околачивался на бульварной траве, к утру уже родился отважный план, и ноги сами понесли меня на квартиру благодетеля-приятеля.

Дверь открыла особа, заведомая Катя.

– Язва дома? – спрашиваю.

Катя-Китти-Кет не соображает.

– Дома, – спрашиваю, – язва – Николай?

– Что-о-о?

– Мадамочка, вы не беспокойтесь, я свой.

– Вам, наверно, Николай Константитича?

– Пусть Константитича.

– Нету его!

– Жалко, жалко! Коля-то на сколько лет ушел? Неужели, – говорю, – попался и даже амнистию не применили?

Юбка в три названия похолодела.

– Вы чего хотите? Он на службу ушел. Что случилось?

Тут я сжалился.

– Пустите меня, мадамочка, в халупу вашу. Боюсь, что вы, моя симпатичная, влопались.

Вел себя, как демон.

– Не знаю, про какую вы говорите такую службу? Какая может быть служба, если у вашего Коли отпечатки пальцев в Мууре лежат!

Катя хлебает слезы.

– Так он что? Вор?

– Ошибаетесь! Марвихер!

Заревела Катя. Вынимает Катя-Китти-Кет платком слезы из глаза. А я план провожу.

– Как старый знакомый вашего супруга рекомендую осторожность.

– Что же мне делать? Я его вовсе не люблю. Это он меня любит, а я его любить не могу, если он на седьмом этаже живет. У меня на такой этаж сердце лопається. И еще марвихер!

Вот поросенок дамский! Седьмой этаж ей не нравится! Убедил пока молчать и обещал прийти еще раз в отсутствие мифического ворюги-язвы Николая.

Дура девчонка страшная.

– Катя, – говорю я в третье свиданье, – где живет ваша мама? В Брянске? Очень хорошо! Деньги у нее, Китти, есть? Ну, так обручальное продадите, все равно его ваш Колюша сопрет. И поезжайте-ка домой, пока все не раскрылось. А то и его посадят, и вам не поверят. Вы, скажут, пособница! Вы, скажут, Кет, а он – кот. Хорошо вам будет?

– А как же брак, – плачет Катя. – Он не захочет.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov
– Еще бы захотел. Он даже знать не должен. Заочно разведитесь. Это в Брянске два
рубля стоит.

И вы-про-во-дил я ее в два дня. Чистейшая работа.

Дивная работа. Когда от моего благодетеля сбежала жена, я ринулся его утешать.

Пока он плакал, я живо занял старое место в углу и начал:

– Коля, ты это брось. Они все такие. Поиграют нами, а потом кидают. Брось, Коля, это слабосильное сословие, ходи лучше на службу аккуратно.

Коля поднял к потолку мокрую переносицу и застонал:

– Что ж, старый друг, переезжай ко мне обратно. Переедешь, а? Не покинешь колю?

– Ну как, – говорю, – ты мог подумать? Я уже здесь и завтра пропишусь.

Вот. Термолитового дома не строил. А комната есть. Они, эти 200 000 разве строили? Они тоже хитрые.

1924

Весна

Не то огромного масштаба примус гудит, не то падает дождь, но, одним словом, полный весенний переполох. Воробьи в жмурки играют, а в одном магазинчике уже написано:

«ВСТРЕЧАЙТЕ ВЕСНУ В БРЮКАХ И. ЛАПИДУСА»

Вошел и написанное потребовал. А в магазине что-то крутят. – Вам, – спрашивают, – какие? Штучные?

– Вы мне не крутите, – отвечаю. – Не штучные, а брючные!

– Как хотите, – говорят. – Мы только поинтересовались, потому что штучными называются те, которые в полоску.

Показали. Но у меня в голове весна колесом ходит, и я отверг, дерюга! Мне поинтеллигентнее!

Показали.

– Дерюга! – говорю.

Они обижаются:

– Простите, но у нас – на полное подобие «Мюр-Мерилиза», а вы такие шарлатанские слова.

А я от воздуха прямо демон стал.

– Подлизу вижу, а Муура на него не хватает.

Заварилась крутая каша. Уже подплывает милицейский тип и по просьбе Муур-Подлизы берет меня за руку.

– Стыдно, – говорю я ему в восторге, – сами вы еще поросенок, а смушковый берет на голове носите! Почему, морда, не встречаешь весну в штанах И. Лapidуса?

Тип только пуговицами заблескотал и сразу сделался официальный.

– Нам, – говорит, – такого приказа не вышло. Вы за это пострадаете и весну не в штанах встретите, а в строжайшей изоляции. Извозчик, в 146-е отделение!

– Позвольте, – умоляю, – сделать заявление. Я, может быть, от одного воздуха пьяный!

– Смотря где дышали, – смеется тип в пуговицах.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Вот и все. Небеса на дыбах ходят, тротуары блестят, как сапоги, воробьи кричат
«дыр-ды-ра», а меня везут в 146-е отделение на верный протокол.

До чего человеку опасно весной по улице ходить!

1924

Беспризорные

Ветер кроет с трех сторон. Сугробы лежат крепостным валом. Метель рвет и крутит
снежным пухом и прахом. Улица мертвеет.

Мимо окаменевших извозчиков бредет закутанная в невообразимое барахло (семь дыр
с заплатками) маленькая фигурка.

Днем фигурка бегала и отчаянно защищала свою крошечную жизнь – выпрашивала
копейки у прохожих, забегала отогреваться в полные чудесной хлебной духоты
булочные, жадно вгрызалась глазами в туманные витрины, где напиханы великолепные
и недостижимые вещи – штаны и колбаса, хлеб и теплые шарфы.

Но теперь поздно. День доеден до последней крошки. 12 часов. Ветер и снег.
Магазины закрыты, прохожих нет, надо искать ночевку.

Тысячи живущих в Москве не знают, что такое ночлег беспризорного. Мусорный ящик,
беспримерно вонючий, но теплый, это блаженство. Но в мусорный ящик попасть
трудно, дворники зорко стерегут это сокровище. Парадная лестница тоже прекрасный
и тоже трудно находимый ночлег.

Беспризорному долго выбирать не приходится. Мороз тычет в щеки и хватает за
ноги.

Если найдется асфальтовый чан, беспризорный спит в чану. Спят в яме, если
отыщется яма. Но приходится спать и на снегу, укрывшись сорванной со стены
театральной афишей, подложив под голову одеревенелый кулачок. Спят где попало и
как попало. Это в городе. А есть еще вся Россия, бесчисленные населенные пункты,
станции и вокзалы. Какой транспортник не видел на своей станции таких же картин?

Тысячи детей, ставших после голода 22-го года одинокими в самом точном смысле
этого слова, живут и растут на улице. Так ребенок долго не проживет – срежет
болезнь, недоедание или задавит мороз.

Но если даже удастся кое-как набить желудок, сохранить тельце от нагаечного
мороза, тогда еще остается улица, ночлежка, Хитров рынок.

«Улица» дышит гнилью и гибелью. «Улица» даром с рук не сходит. В Комиссию по
делам несовершеннолетних ежедневно доставляют детей, замеченных в
правонарушениях.

Этот мальчик пробрался на кухню, примус украл. И этот крал, и этот. В
большинстве случаев – кражи. А эта маленькая – это уже посерьезнее – это
проституция.

Ночлежка – это школа и даже «университет» преступлений. Ребенок, попавший туда,
в отличное общество подонков, быстро обучается в ночлежке на Гончарной: при
опросе 45 % детей сознались, что они «нюхают».

Детей надо спасать. Советская власть еще в 21-м году создала всю важность
детской беспризорности. Мы имеем многочисленные детские учреждения и воспитываем
большие тысячи детей.

Но всего этого мало. Мало денег, и «улица» по-прежнему еще продолжает губить
детей. Приток их в Москву, даже из самых отдаленных мест, непрерывно
продолжается.

И вот «Рабочая Москва» в первую голову, а за ней вся трудовая Россия всерьез
взялись помочь голодным и одичавшим детям. Рабочие делают отчисления,
производится обложение нетрудового элемента, организовано общество «Друзей
детей», имеющее 300 000 членов. Вербовка «друзей детей» ведется широчайшим
фронтом. Предположено в общество завербовать 500 000 человек. Наконец,
несомненно, гигантскую помощь окажет «фонд Ленина».

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Дети, о которых завещал Ленин, будут спасены!

Тут дело не только в одних деньгах. Когда буржуазия разводила филантропию в своих приютах, она убирала с улиц «некрасивое» зрелище детского нищенства и растила нравственных калек.

Нам надо сделать иначе. Надо устроить беспризорных так, чтобы у них появилось желание учиться и работать. Относительно ребят младшего возраста – дело простое. Их нужно устроить в лучшие детские дома, окружив их особым вниманием. Главная трудность с подростками, которых улица уже сломала, которые в досталь хлебнули горя, озлобились, исхулиганились. Они плохо приспособляются к жизни детского дома.

Надо устраивать для них ночлежки, сколачивать их в коммуны, втягивать в учение и, самое главное, создать возможность трудового заработка.

Такие трудовые коммуны беспризорных уже есть. Они есть уже во многих городах, и в Ленинграде, и в Москве.

В Сокольниках. Порядком разрушенная дача, но ребята, 52 человека, держатся довольно стойко. Зарабатывают тем, что готовят бумажные пакеты. Работа до 4-х, затем клубные занятия – на Арбате, в Калошном переулке, 10 мальчиков, 16 девочек.

Пошивочная мастерская. Серпуховская площадь, Валовая улица. Сапожная и пакетная мастерские.

Беспризорные дети, как правило, очень предприимчивы, живые и наблюдательные: маленькая, но полная лишений жизнь многому учит. Вот эти раздеты (пальто надевает тот, кто идет в город), а есть своя стенная газета. Управляются они сами, много трудятся и гордятся своей организацией.

Маленькие теперь, они скоро станут большими. Они не хотят быть ворами и бездельниками. Они хотят вырасти в больших и честных людей. Они прошли сквозь огонь, воду и медные трубы. Они знают, почему фунт лиха, и больше этого лиха не хотят.

Им надо помочь. Помочь должны мы, у которых уже крепкие руки, те, кто видит беспризорных каждый день, каждый день и каждую ночь, может сам убедиться, что этих легендарных лишений дети переносить не могут и не должны.

Беспризорного мальчика надо воспитать рабочим, девочку – работницей.

В Советской республике не может быть покинутого ребенка. Лучше, чем кто бы то ни было, это должен знать транспортник. Мимо него по железным путям перекатывают эти тысячи детишек. Больше, чем кто бы то ни было, транспортники нагладелись на страшное зрелище бедствий маленьких ребят.

И можно не сомневаться в том, что та твердая воля, которой в полной мере владеет железнодорожный пролетариат, обратится, в числе других важнейших задач, и на ликвидацию детской беспризорности.

1924

Принцметалл

Петровка всем своим видом хочет доказать, что революции не было. Что если она даже была, то ее больше не будет. Оттого эта улица так пыжится. Оттого так перемараны там пудрой дамские лица. Оттого эта улица пахнет, как будто ее облили духами из целой пожарной бочки. Оттого магазинные витрины доверху напичканы шелком всех карамельных цветов и шелком всех возможных на земле фасонов кальсон.

Петровка отчаянно отрицает семь прошедших революционных лет, отрицает Красную Пресню, взятие Перекопа и власть рабочих мускулов.

На этой улице я увидел своего старого знакомого, Принцметалла. Он был на своем месте. Петровка была ему по плечу. Он плавал по ней, как рыба плавает по вкусной воде, и сверкал поддельным котиком своей вызывающей шубы.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov Он свалился на мое плечо и даже заплакал от удовольствия. – Когда вы сюда приехали?

– Когда? – протянул он. – Когда? Когда все сюда приехали, тогда и я сюда приехал.

Для меня так и осталось неясным, когда он приехал. Впрочем, не раньше двадцать первого года. Потому что в двадцатом году он жил в Одессе, и я даже знаю, что он там делал.

Одной рукой он перетаскивал ведром спирт к себе на кухню, а другой звонил в только что образовавшийся ревком, сообщая о малосознательном населении, которое грабит оставленный в этом доме добровольцами спирт.

Сухопарые студенты уволокли остатки спирта, а Принц– металл в воздаяние своей революционной заслуги (спасение спирта) сам назначил себя председателем домкома с диктаторскими полномочиями.

Остальное сделалось как-то само собой. У Принцметалла появилась груда продовольственных карточек и столько подсолнечного масла, что сам Опродкомгуб подышал от зависти.

Принцметалл не дал моим воспоминаниям развиваться. Он схватил меня за руку и увлек в маленькое кафе с полосатыми стенками. Он накачивал меня кофе, давился от смеха и говорил очень громко. Он стучал языком по моему лицу, как нагайкой.

– Христофоров! – говорил он, втаскивая мою голову под столик, чтобы я мог лучше рассмотреть его ботинки. – Лучший сапожник в Москве. Могли ли вы подумать, что Принцметалл...

– Нет, не мог!

– Калош я не ношу! Дешевое удовольствие! Калоши носит в Москве только один человек – Михаил Булгаков.

Принцметалл явно врал. Я пробовал возразить. Но он не допустил меня до этого. Он расстегнул пальто, отогнул ривьеры своего пиджака и блеснул присосавшейся там, почему-то дамской и совершенно уже нелепой по величине, пылающей бриллиантовой брошью.

– Маленькие сбережения Принцметалла... Почему она вколота именно здесь? Маленькая хитрость Принцметалла... Опасно-о дома держать! А носить эту штуку «на улицу», чтобы все видели?... Это неудобно. Еще подумают, что у меня на груди пожар.

Потом он размахивал руками и голосил о своих успехах. Цифры вылетали из его рта, огромные, как птичьи стаи, и во рту же колесом вертелось слово – «червонец».

– Могли ли вы подумать...

– Нет, не мог! Но откуда все это?

Принцметалл развел глаза по сторонам, положил подбородок на самый мрамор столика, заскромничал, поломался и, наконец, вывалил секрет своего богатства.

– Я гений! – сказал он просто.

Это была просто наглость. А по лицу Принцметалла катились счастливые волны.

– Тише! – шепнул он. – я гений борьбы с детской беспризорностью.

Я отвалился на спинку стула. Я был совершенно сбит с толку. К тому же лучи, которые тянулись ко мне от брошки Принцметалла, резали глаза.

– Спрячьте вашу драгоценную подкову, – сказал я, – и рассказывайте.

Принцметалл говорил час.

– Посмотрите в окно! Что, по-вашему, думает эта дуреха в обезьяньем меху? Она ни

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov о чем не думает. Она живет с того, что ее муж грабит какое-то учреждение. Как это грубо! Через месяц ее муж получит свой кусок «строгой изоляции», а она сама стает такая же обезьяна, как ее мех. Зачем красть, когда можно заработать. Ну, до свиданья. Не забудьте посмотреть на мою раоту.

Принцметалл радостно ухнул и пошел отkabлyчивать по Петровке, а я, последовав совету, очутился в ГУМе.

– Пять тысяч билетов! – орала женщина, стоя за маленькой стоечкой в стеклянных переходах ГУМа. – Пять тысяч! Остался один билет! Берите, граждане! На борьбу с детской...

Граждане пихали деньги и получали билетки с номерами. Загудело электричество и на стоечке завертелись крохотные, номерованные паровозики. Электричество смолкло. Паровозики стали как вкопанные.

– Выиграл номер два.

Номер два нервно хохотнул и взял свой выигрыш. Это и было изобретение Принцметалла. Маленькая вариация рулетки на помощь беспризорным детям и довольно большие деньги, полученные Принцметаллом в соответствующем учреждении за остроумную выдумку.

Уже никого больше нельзя соблазнить обыкновенной лотереей.

Принцметалл волновался:

– Ну, кому нужна гипсовая мадам Венера или открытка с мордой композитора Сметаны? Сметана – это бедствие. Что с этого имеют дети? Никто там не играет. Другое дело деньги. Пять поставил – двадцать берешь. Еще пять беспризорники имеют. Мое изобретение! Знаменито, а? И поверьте мне, за гений я тоже что-то получил. Правда, есть какие-то олухи! Говорят, что нельзя устраивать для помощи детям азартную игру. Ду-раки!

– Билет пять тысяч! – хрипела лиловая девица. – Граждане... детям...

Граждане пихали. Жадный глаз ловил пролетающие номерки. Над всем гудело электричество. Гений Принцметалла торжествовал – паровозная рулетка очищала карманы всюю.

Оторвавшись наконец от стойки, гражданин, балдея, начинал понимать, что он пожертвовал свой дневной заработок, и, кажется, вовсе не детям.

Когда я в последний раз встретил Принцметалла, то вместо лица у него было какое-то зарево.

– Гениально! – рычал он. – Гени-ально! Совершенно новое дело! Каждая беспризорная дешевка станет миллионером в золотом исчислении.

Я слушал.

– Небесный олух! – кричал Принцметалл. – Знаменитый проект. Продажа титулов в пользу детям! Патент мой! Мне десять процентов! За двадцать рублей золотом каждый гражданин может стать граф Шереметев или князь Юсупов. На выбор! Всюду будки и всюду продажа. Всего двадцать рублей золотом. Мне два рубля, содержание будок и печатание графских мандатов два рубля, остальное кушают дети.

Накричавшись и наоравшись на моей груди, Принцметалл оборвался с моего рукава и устремился хлопотать о своем гениальном проекте.

Борьба с детской беспризорностью принимала потрясающие размеры.

1924

Ярмарка в Нижнем

История ярмарочного торго

В двадцатых годах 17-го столетия начинается восстановление разоренного Макарьевского Желтоводского монастыря (30 верст от Нижнего).

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov Восстанавливали его монахи, по обычаю, отнюдь не сами, а с помощью сходявшихся со всех концов умильной Руси богомольцев.

Эти богомольцы и были пионерами всероссийской ярмарки. В 1641 году ярмарка была утверждена официально, а к концу века она представляла собой уже «зело великое сходябище».

Хозяйственные монахи сами строили торговые помещения, сами чинили суд и трудолюбиво собирали с приезжих подати.

Подать была большая и вкусная.

За монастырскими стенами монахи торжественно пели. А попев с полчаса, шли за ограду и «регулировали» торговлю. От сего монастырь богател и богател.

Ярмарка быстро и буйно росла.

Гостиный двор на ярмарке (построен уже казной) заключал в себе тысячу четыреста лавок. Частных лавок было до тысячи восьмисот.

Ярмарка уже не умещалась на монастырской земле и занимала земли села Лыскова по ту сторону Волги. Это вело к распрям без конца. Из-за перевоза.

Лысковцы, держатели кабаков и харчевен, нрав имели дико-самогонный и споры кончали набегами на монастырь, погромами ярмарки или громчайшим мордобоем.

С переходом Лыскова во владение князей грузинских бои монахов с кабатчиками кончились.

Князь Георгий Грузинский, сидевший тогда (начало 19-го века) в Лыскове, имел почти «небесные» полномочия.

Он вел свой род от библейского арфиста, царя Давида, и считал себя родственником Христа.

Кроме того, он был потомок грузинских царей. Кроме того (и самое главное), он был просто самодур.

На Лысковской половине ярмарки он держал себя полновластным хозяином. На Макарьевской половине его боялись, как черта.

Окруженный сверкающей свитой, скороходами, мопсами и приживальщиками, он быстро расправлялся с виноватыми:

- либо путем изгнания с ярмарки оплошавшего перед ним купца,
- либо распродажей его товара.

Впрочем, иногда «родственник Христа» снисходил до того, что избивал виноватого сам. Милостиво и собственноручно. Но даже «князь-леопард» не мог помешать расцвету ярмарки.

Здесь всё: хрустальные люстры и кабацкие стаканы; парижский чепчик и оренбургский армяк; соболь сотысячный и овчина; жасминные духи и деготь.

Модный товар, золото, драгоценные меха – всё это привозилось на ярмарку в огромном количестве и привлекало помещиков даже из самых отдаленных губерний.

Вино катилось рекой. Заворачивались такие пиры, что люди, выдавшие виды, ахали.

Так, у монастырской стены под неумолкающий колокольный гул шла бешеная торговля.

В 1816 году ярмарку уничтожил пожар.

Загорелось сразу в четырех местах. Администрация не позволила тушить пожар под предлогом, что жители Макарьева должны охранять свои жилища, так как искры и пламя несло ветром в сторону города.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Всё это породило среди макарьевцев мысль, что пожар был не случайный.

Пожар произошел вскоре после пребывания на ярмарке канцлера графа Румянцева, когда Румянцев сильно поссорился с всесильным грузинским князем и, желая ему отомстить, стал хлопотать о переводе ярмарки в другое место.

Это стремление графа встретило сильнейший отпор купечества, не желавшего покидать насиженные места.

Пожар, таким образом, сразу устранял все препятствия и поставил вопрос о переводе ярмарки более остро.

В общем, «она сама сгорела», а нижегородский губернатор, кстати, подбавил пару. Он подал заявление о ненужности ее восстановления, ввиду того что Макарьевский берег ежегодно подмывается.

Купцы протестуют, но вопрос решен с небывалой быстротой.

Канцлер отомстил. Ярмарку решено перенести к Нижнему Новгороду.

Во главе построечного дела был поставлен инженер Бетанкур, полуфранцуз, полуиспанец, один из трех инженеров, которых Наполеон подарил Александру I в 1806 году.

Бетанкур предложил построить ярмарку на стрелке, при слиянии Оки с Волгой. И хотя местность была затопляемая, то есть такая же, как Макарьевская, – постройка была начата.

С Бетанкуром была целая иностранная колония, преимущественно испанцы.

Эта заграничная банда жила не стесняясь и спускала кучи казенных денег.

В промежутках – они строили.

С тем успехом, что вместо предположенных шести миллионов постройка обошлась в одиннадцать миллионов.

Всего было построено шестьдесят корпусов и две тысячи пятьсот лавок.

Как и у Макарья, для каждого рода торговли было свое место.

Были ряды: хрустальный, железный, канатный, жемчужный, галантерейный, серебряный, игольный, водочный, фруктовый, и так далее и далее.

Шире пошел торг, увеличивались обороты, и значение ярмарки для страны всё крепло.

Разгул водочный и административный тоже увеличивался.

Целая серия залихватских губернаторов висела над ярмаркой.

Особенно хорош был генерал-губернатор Огарев. В 1863 году он издал приказ, где предписывал задерживать всех женщин без кринолинов.

– Стриженных и в синих очках не допущу!

Неплох был Баранов. Он порол купцов и даже иностранцев.

Напивались до того, что преосвященный Иоаким откалывал русскую пляску как высококвалифицированный танцор.

Так кончалась старая ярмарка.

При советской власти, в 1918 году, была сделана попытка возобновления ярмарки для непосредственного товарообмена Севера с Югом и Востоком.

Но гражданская война на Средней Волге сделала эту попытку неудачной.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov
Разрушение ярмарки началось еще до революции, в 1917 году, когда на ярмарке были расквартированы воинские части и беженцы.

От временных печей сгорело сорок лавок в прелестных Китайских рядах.

Караула первое время не было.

Началось расхищение. От целых кварталов не осталось камня на камне. Остальное подверглось монументальному разрушению.

В 22-м году началась реставрация ярмарки.

Быт огромных цифр

Через триста шагов от вокзала, пройдя орущую бригаду чистильщиков сапог, выходишь к деревянным башенным воротам. Это – вход на ярмарку с Московской улицы, с залов.

Можно было, конечно, промчаться шатким и валким трамваем прямо к расфранченному Главному дому, но какой-то заляпанный известью бородач отговорил:

– Не советую. Отсюда иди. Увидишь, с чего мы ее строить начинали!

За воротами – мертвое место.

Давно уже никто не топчет тротуаров. Они заросли зеленой млеющей в прохладе травой.

Куда хватает глаз, тянутся каменные двухэтажные построенные на один манер корпуса.

Страшной толщины кот независимо и дико сидит под табличкой «Первая Сибирская улица».

Первая Сибирская улица и многие другие – Мурашкинская, Ивановская, другие Сибирские и куча Пожарских улиц – все на одно, запустевшее лицо.

Разорваны или вовсе пропали крыши.

Со страшной силой высажены окна и лабазные ворота.

Неизвестно какой черт унес внутренние перегородки.

Дома поэтому сквозные. С улицы видны огромные внутренние дворы.

Там цугом скачут рослые молчаливые собаки или мальчишки ногами гоняют кожаный мяч.

Такой была вся ярмарочная территория.

В двадцать втором году началась геркулесовская работа по восстановлению – и при нашей тысячу раз общеизвестной бедности (а мы умеем быть бедными) сделано порядочно.

Третья часть ярмарочных зданий восстановлена.

Лимонные с белым корпуса хвалятся прочностью перестройки и чистотой.

Пешеходные дорожки залиты асфальтом.

Гремят тяжелейшие в мире (только русская лошадь может вытерпеть такую тяжесть) возы, вприпрыжку летят к Главному дому коммерсанты, а на лицах гуляющих в черных фесках персов видно желание не только вступить в дружбу с великой Советской страной, но еще и много заработать на этом деле.

Последнее им не очень удастся. За рис они хотят шесть рублей пуд, а наш Центросоюз предлагает по четыре с полтиной сколько угодно – полмира завали.

Но тут я уже коснулся важной вещи – торговой жизни ярмарки, ярмарочного быта.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

Того, что себе обычно представляют (галдеж, толчея, битье по рукам и вообще карусель), этого на советской ярмарке нет и не должно быть.

То есть имеется, конечно, и писк, и треск, и через голову самой настоящей карусели, но всё это в розничных рядах или в увеселительном Бразильском саду и к самой ярмарке никакого, в сущности, отношения не имеет.

Настоящая ярмарка проходит без всякого грома, но быт имеет прекрасный.

– Быт огромных цифр!

Спрос – 500 000 аршин бязи! Спрос – 200 000 пудов льняного семени! Предложение – 200 000 пудов муки, 50 000 пар валенок, 30 000 топоров!

Быт ярмарочный в тишине глядит сквозь складские окна: пушнина, стекло, кишмиш, кардные ленты, валяные шляпы, мыло мраморное, американский гарпиус, глазастые ситцы, макароны, чугунное литье, шамотный кирпич, лавочная бумага, хоросанская шерсть, силикаты, бакалея, текстиль, металл, москатель, сырье и прочее, и прочее в тысячах названий и сотнях тысяч пудов.

Без шума, без воплей эти товары меняют хозяев на биржевом собрании.

За сегодня быт выразился в цифре немалой:

– Совершенно сделок по купле и продаже на два миллиона триста двадцать пять тысяч шестьсот пятьдесят шесть рублей девяносто шесть копеек.

На пристанях

Утро, сыплющее дождевую пыль, начинается страдальческими криками пароходов. Раньше всех приступают к своей бранчливой работе Окская и Средне-Волжская набережные.

С ярмарки попасть туда можно через плашкоутный Окский мост трамваем.

Шатаясь и дрожа, к Главному подкатывает вагон. Дергаясь, как в падучей, он отправляется дальше, и вы начинаете жалеть, что поехали.

Дело в том, что вагон явно расползается под вами. Стенки его тошно колеблются, и крыша, пренебрегая опасностью штрафа, непременно хочет соскочить на ходу.

На плашкоуте, где трамвайные рельсы приколоты к мосту чуть ли не кнопками, вагон начинает выкидывать такие курбеты, что вам остается только одно – уповать!

Для спасения трамвайного дела в Нижнем неизвестными благодетелями был куплен в Киеве большой, весьма прочный и подержанный вагон.

Страшно обрадованные трамвайные рабочие взапуски принялись его ремонтировать, любовно разрисовали советскими эмблемами, и на днях вагон этот красиво и величественно вышел на работу по линии Вокзал – Кремлевский элеватор.

Сейчас же и немедленно всякое движение по линии Вокзал – Кремлевский элеватор застопорилось на два часа.

«Киевлянин» сошел с рельс.

Его поставили обратно, и провожаемый восхищенными взглядами волжанок вагон снова двинулся в путь.

После этого движение по линии Вокзал – Кремлевский элеватор было прекращено на четыре часа.

«Красавец» опять сошел с рельс.

Слегка изумленные рабочие вновь поставили его «в рамки».

Засим движение по линии Вокзал – Кремлевский элеватор в этот день более не возобновлялось, а «киевлянина» ставили «в рамки» всю ночь.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

Только тогда покраснели неизвестные благодетели – спецы. Оказалось, что вагон слишком тяжел для нижегородских путей и ходить по ним не может.

Итак, вас все-таки довели по Рождественской улице до дебаркадера Волжского госпароходства.

При всех разговорах о слабости ярмарочного оборота и несмотря даже на то, что ярмарка превращается постепенно в ярмарку лишь образцов, все же пристани работают оживленно.

На ярмарку завезено, завозится и развозится порядочно грузов. Просторные дебаркадеры завалены бочками с астраханской сельдью, бунтами проволоки, ящиками стекла, чугунными горшками, сабзой, хлопком, лесом, мокро-солеными кожами и вообще всем, что можно свезти водой.

У стенок набережной под надписями «Чаль за кольца, решетку береги, стены не касайся» толпятся крючники.

Ждут работы!

Трубя и распространяя вокруг себя курчавые, как цветная капуста, волны, приваливает паротеплоход из Астрахани.

Пассажиры шаркают и восклицают, крючники вонзают свои железные когти в мешки, кто-то дивно и весьма нецензурно ругается, гремит железо, шныряют пискливые катера, и перс, молчаливый и тонкий, с легким страхом дает дорогу крючнику, волокущему шестипудовый ящик.

– Ворот расстегни! Задушит! – кричат сзади.

– Обойдется! – хрипит грузчик. – Тетка, сойди с дороги!

Тетка шарахается. Непрерывной цепью ползут грузчики. Трещит, как канарейка, пароходный флаг. По головам летит ветер.

В легком и секучем дожде работа продолжается.

Дело и гулянье

В зеленом сквере Главного дома у фонтанного бассейна играют дети и толпятся дельцы.

Тут и острый московский башмак, и войлочная крестьянская шляпа, и черный колпачок перса.

Сдержанно бурлит «коммерческий» воздух.

Кругом, в ярмарочных складах, лежит завезенного товара четыре миллиона пудов.

Торгующих наехало много.

Они всюду снуют, присматриваются, трогают на ощупь, примериваются глазом.

За стеклянными перегородками банков есть деньги для кредита.

И все же сделки совершаются туговато. Не так много, как надо.

К первому сентября заключено сделок приблизительно на двадцать восемь миллионов, и за банковскими перегородками деньги лежат нетронутыми – кредит почти не использован.

Какие же есть препятствия к более сильному развитию торга?

Многие тресты и синдикаты, по сравнению с прошлым годом, товаров привезли:

– Меньше!

Вот что они говорят по этому поводу:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Мы за этот год организовали ряд отделений.

У Текстильсиндиката их восемьдесят три.

У Резинотреста – тридцать, у Кожсиндиката – шестнадцать, а у остальных – в этом роде.

– Зачем же нам возить на ярмарку много товару, если мы снабжаем районы через эти отделения!

– А еще торгуем слабо, что покупатель ждет дальнейшего снижения цен и не торопится.

Так говорят тресты.

Но покупатель на ярмарке все-таки есть.

Кооперация привалила на ярмарку в большом числе.

Она имеет до тридцати пяти миллионов гарантированного кредита, а всего до семидесяти миллионов рублей.

– Но многих нужных товаров кооперация не находит!

А некоторые часто не удовлетворяют крестьянского спроса. – Вот товар! Хорош, и цена сходная, но нам не годится. Фасон не такой. У нас такой фасон не пойдет.

И кооперация, организованный потребитель, требует от организованной промышленности:

– Дайте то, что нужно.

Торгующий на ярмарке должен знать спрос на свой товар.

– Купец Кузнецов, – говорит т. Малышев, – знал потребность ярмарки в товаре. Нашим купцам нужно научиться тому же!

Дельцы бегут на работу – на биржевое собрание.

Милиционер строго озирает дорожки.

Не швырнул ли кто-нибудь окурка?

Но никто не нарушил институтской чистоты песочной аллеи, и милиционер отходит к входу в Пассаж.

В Бразильском саду, где между деревьями и матовым прудом расположились ярмарочные увеселения, раздаются разрозненные звука медного вальса.

Ахают, скрипят и летают качели.

Мордатые младенцы блаженно раскатывают на карусельных жирафах.

С воздушных перекидок слышится визг.

Атлет в пиджаке на голое тело ходит у входа в театр и железным голосом выкрикивает:

– Напрасно вы здесь стоите, здесь ничего не будет показано, будет показано только внутри, билет стоит тридцать копеек, напрасно вы здесь стоите, показано будет только внутри.

Клоун орет и щиплет себя за штаны.

Шестеро парней отважно дуют в медные трубы, директор зверинца кричит сквозь гром:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov – Сейчас начинается грандиоз... – А что у тебя есть? – спрашивает недоверчивая толпа. – Тигр есть?

– Настоящий! – уверяет директор. – Настоящий тигр. Советский! – загадочно добавляет он.

Толпа ошеломленно покупает билеты.

В зверинце она находит одного каменного верблюда, пять штук медведей и черного моржа.

Морж походит на известного писателя Боборыкина и радостно хрипит, если ему сказать «Петя».

Тигра нет.

Но толпа не обижается и спешит дальше.

Трубы визжат так, будто в каждой из них спрятана рожающая кошка.

Гулянье и смех продолжают до позднего вечера.

1924

Лучшая в мире страна

На седьмой день пути водное пространство, дорога между Европой и Америкой, кончается. Статуя Свободы тычет в небо свой факел. Это парадная Америка. За «Свободой» идет черный дым. Это будничная Америка. Но о заводах позже.

Глаз и ухо разбиты. Глаз и ухо парализованы тем, что можно увидеть и услышать.

Десятки лифтов, набитых людьми, несутся в высь тридцатиэтажного дома, тысячи людей переходят мосты, миллионы толкаются на улицах, асфальтированные мостовые запружены автомобилями (лошадей нет); в грандиозных залах вокзалов, куда ежеминутно подсакивают поезда, человек кажется мухой, а двухтысячная толпа незаметна.

Здесь все огромно.

В универсальный магазин в день приходит сто тысяч покупателей, в гостинице три тысячи комнат, на телефонной станции десять тысяч телефонисток, в страховой компании пятнадцать тысяч конторщиков.

– Лучшая в мире страна! – говорил мне Хирам Гордон.

Мы стояли тогда на Платоновом молу в Одессе. Над головой гремели подъемные краны. Огромные бочки-ковши слетали в трюм, захлебывались там доверху посевной кукурузой и уносили ее к вагонам.

Хирам Гордон – это старший помощник парохода «Бечуаналанд», первым после блокады пришедшего в Советскую Россию. Хирам Гордон оглядывал все окружающее с великодушным презрением.

– Зачем они это делают? – спросил он, показывая на мальчишек, которые собирали с земли рассыпанные кукурузные зерна.

– Можно смолоть – будет мука, – ответил я, – или сварить – будет хорошая каша!

– Вы дьявольски бедны! – засмеялся Гордон. – У нас этим топят печи. Где ваша трубка? Я отсыплю вам табак. Он прошел через мед и молоко. Это лучший в мире табак.

У моего собеседника было небольшое, но чрезвычайно твердое мирозерцание. Соединенные Штаты – лучшая в мире страна. Бродвей – лучшая улица в Нью-Йорке, а следовательно, и во всем мире. И так дальше, вплоть до подтяжек, которые тоже «лучшие» во всем мире.

Ко всему этому он добавил еще две фразы:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
– Каждый погонщик мулов может сделаться президентом Соединенных Штатов.

– Каждый может стать миллионером.

После этого для всякого непредубежденного человека должно стать ясным, что жизнь в Америке полна упоения.

Хирам Гордон не сказал мне, как можно сделаться миллионером. Его объяснения оказались достаточно туманными для того, чтобы я мог овладеть этим чудесным секретом. Я узнал его много после и сам.

Гордон только описал мне, как удобно в Америке тратить деньги.

Дом в пятнадцать этажей. Это универсальный магазин. Здесь можно провести целый день. Здесь можно умыться, одеться, поесть, полечиться, отдохнуть, послушать музыку, гулять по саду на крыше, купить обстановку квартиры, если хотите – лодку, если хотите – палатку для путешествия, всё, что угодно, если хотите.

Среди толчеи и давки покупателю помогают большие плакаты:

ОБРАЩАЙТЕСЬ С ВОПРОСАМИ
К МУЖЧИНАМ С БЕЛОЙ ГВОЗДИКОЙ В ПЕТЛИЦАХ
ОНИ ВСЁ ЗНАЮТ О НАШЕМ МАГАЗИНЕ
Эти изящные джентльмены, всё время двигающиеся среди публики, покажут покупателю всё.

Холмы шелковых чулок или фаянсовые клозеты. Груды перчаток или электрические плиты. Вороха лент или полотенец по столь низкой цене, что магазин повесил над ними трогательный плакат:

НАША ЖЕРТВА
Покупатель найдет балкон с вывеской:

ЗДЕСЬ МЫ ОКАЗЫВАЕМ ПОКУПАТЕЛЯМ УСЛУГИ
Здесь можно купить билет на любой спектакль или поезд, написать письмо или телеграмму, отсюда же отправить, сфотографироваться, подобрать по глазам очки и поговорить по телефону со всяким американским городом.

Если покупатель не знает языка, то ему дадут проводника, который поможет истратить деньги по-американски.

Но деньги, которые удобно тратить на товары лучшего в мире магазина, надо заработать в том месте, где эти товары делаются, производятся.

Для этого надо из центра кинуться в пригороды, в кварталы «рабочих мускулов», туда, где живут те, которые еще не успели сделаться президентами или миллионерами.

Там тесно прижались друг к другу двухэтажные деревянные домики, набитые людьми, спящими посменно в одной постели, там хозяйка три раза в день варит обед для трех смен рабочих, приходящих с фабрик, там грязные переулки увешаны гирляндами мокрого белья.

Для будущих миллионеров (им может стать каждый, говорил Хирам Гордон, надо только работать)!

Впрочем, ночью можно заметить еще одну категорию «миллионеров», ночующих в парке, на скамейках. Это безработные.

Во всяком случае, посмотрим на тех, которые работу имеют, посмотрим их в том месте, где платят за работу на два доллара в неделю больше, чем всюду, – на автомобильном заводе Форда в городе Детройте.

Рассмотрим эту удивительную организацию, выбрасывающую в год семьсот пятьдесят тысяч автомобилей, систему машинизированного, «фордизированного» и доведенного до крайнего предела труда, ее выгоды и невыгоды.

Как и все большие предприятия в Америке, завод Форда поражает своим размахом.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Целый город заводских зданий – 52 000 рабочих. Всё движется электричеством.

Громадные – во всю стену – окна всё же не могут осветить глубокие помещения, и по всему потолку тянутся длинные, тонкие, светящиеся пачки трубочек, где электричество сияет голубым дневным светом. Мимо линии станков (их одиннадцать тысяч) движется цепь готовящихся частей автомобиля. Внутри идет узкая железная дорога. Сверху тянется проволочный канат или цепь с зубцами. На них тоже нацеплены важно едущие части.

Часть никогда не стоит на месте. Она непрерывно движется, и если рабочий в то время, когда она проходит мимо него, не успеет проделать над ней своей работы, то часть от него уходит.

Нужный, скажем, винт не будет вставлен – и вся работа дальше должна будет приостановиться. Одна неисправность отразится на длинной цепи дела.

Для предотвращения таких остановок всюду следуют надсмотрщики. Они снимают с цепи все недоделанное. Эта часть должна вернуться обратно и снова встать в бесконечную передачу. Рабочего же, который пропустил свою работу, выгоняют.

Весь автомобиль делается на ходу. К концу цепи он приходит совершенно готовым, с налитой в радиатор водой, с вспрыгнувшим на ходу шофером.

Пуск, вспышка, треск заработавшего мотора – и машина едет во двор. Оттуда ее немедленно грузят в вагоны и увозят к месту назначения, потому что машин не хватает и заказчики ждут их месяцами.

Весь муравейник с пятьюдесятью двумя тысячами рабочих двигается с размеренной, точной силой: завод работает, как хронометр.

При такой системе Фордом достигнута громадная экономия в рабочей силе. Автомобили его очень дешевы. Форд вытеснил лошадь из городов совершенно (последняя перепись лошадей в Нью-Йорке говорит лишь о нескольких десятках рабочих коняг), а в сельской Америке – в очень большой части.

Хирам Гордон сверкал лицом и улыбкой:

– Не правда ли: Форд достиг совершенства в промышленности? Подумайте, какая работа! Ни одной минуты потери времени! Смотрите, что вы делаете?

Он показал на цепь грузчиков, тащивших на загорбках семипудовые мешки.

– У нас этого нет! Подача груза должна делаться машиной! Вы теряете уйму времени, кучу денег! Черт меня побери, если встанете на ноги при такой работе! Вот что нужно!

Он обернулся к крану, гремевшему над головой.

– Машина! Только машина!

Глаза его похолодели. На минуту мне показалось, что его глаза – это часть какой-то изумительной машины.

Он был прав, этот старший помощник с парохода «Бечуаналанд», но сказал ли он всё?

Разговор кончился. Больше я не видел Хирама Гордона.. Он сбросил свой груз, оторвался от пристани и тяжело поплыл в Константинополь за новой работой.

А я очень хотел бы его увидеть, чтобы кое о чем спросить. Но я еще увижу его и спрошу. Тогда его сверкающее лицо потемнеет. Он отвернется, ища помощи в гремящих кранах. Он скажет:

– Это все проклятые эмигранты! Лентяи и бездельники! Они не любят работы!

Но я знаю, что он не прав, и он тоже знает это.

НА ИЗУМИТЕЛЬНОМ, ЛУЧШЕМ В МИРЕ ЗАВОДЕ ФОРДА

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
В ГОД ДВЕ ТРЕТИ РАБОЧИХ КИДАЮТ РАБОТУ И УХОДЯТ,
НЕСМОТЯ НА ХОРОШУЮ ОПЛАТУ
Такой процент ухода рабочих считается в Америке очень низким, им хвалятся.
Обычно с лучших в мире заводов уходят 150 %, то есть население завода за год
сменяется полтора раза.

И это не только в области чисто рабочей. Даже из стеклянных сияющих контор, из
великолепных банков в год сбегает 90 % конторщиков.

И напрасно Хирам Гордон, как очень многие американцы, сваливает это на
бездельников-эмигрантов, не имеющих 100 % американской крови.

Напротив, они сами стараются набрать на заводы как можно больше эмигрантов. Это
выгоднее, это дешевле. Так делают угольный и стальной тресты.

Переселенцев легче держать в руках, они еще не организованы, не попали еще в
рабочие союзы.

Еще легче справиться с глухонемыми.

Их принимают с большой охотой. Они смиреннее зрячих и говорящих. Они уже почти не
люди. Они уже почти машина.

– Машина! – говорил Хирам Гордон, и на лице его сверкало поклонение машине.

И тут раскрывается еще одна сторона американской работы:

МАШИНИЗАЦИЯ НЕ ТОЛЬКО ПРОИЗВОДСТВА,
НО И РАБОЧИХ

С виду рабочий работает спокойно, даже вяло. Руки плавно движутся, делая одно и
то же небольшое дело. Лицо безучастно.

Но не слышно смеха, не слышно разговора. О куреве не может быть и речи. Внешне
медленная работа требует огромного напряжения, внимания. Не пропустить, не
пропустить – иначе работа уйдет из рук, машина не станет ждать. Промашка – и
тогда вон с завода.

Однообразие дела давит на мозг. Впереди – ничего. Как сегодня стоял и правой
рукой всовывал болт в машину, а левой вытаскивал из корзинки уже нарезанным, так
завтра, послезавтра, через месяц, через год, так всегда.

БЫСТРОТА ХОДА МАШИНЫ В АМЕРИКЕ РАССЧИТАНА
НЕ НА СРЕДНЮЮ РАБОЧУЮ СИЛУ, А НА ЕЕ МАКСИМУМ

Работа доведена до того, что не машина стала в помощь человеку, а человек
превратился в машину, работающую с наивозможнейшей быстротой.

И вот из-за этого бегство с завода. Человек не выдерживает и уходит, несмотря на
хорошую плату.

Конец рабочего дня. Колокол. Одна смена уходит, другая приходит. Первая бежит
нервно, торопливо, скорее вон с завода, вторая входит медленно, безучастно, что
ей спешить на каторгу!

Рядовой американский рабочий не любит своей работы, ненавидит свой завод. Он
слишком много отнимает. Слишком много душит.

Это перегнутая палка.

Мы не делаем так, мы палки не перегибаем, не рассчитываем времени. Гольми руками
мы не построим своей страны. Нам нужна электрическая сила. Нам нужна машина.

Эту машину иметь мы будем. У Америки мы учиться будем. Это страна величайшей
техники.

Американизировать свою жизнь мы должны. Мы должны работать крепче и шибче. Но
наша машина не задавит рабочего, она не будет им командовать, выжимать из него
жизнь непосильными уроками, от которых человек сгорает в несколько лет, так и не
сделавшись, несмотря на все обещания, «миллионером» или «президентом».

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Миллионером или президентом в Америке можно сделаться, но не своим трудом, а чужим.

Рабочий и машина построят Советскую страну. Машина, превращающая и рабочего в машину, построила в Америке только капиталистический ад.

1924

Происшествие в «Драной собаке»

Ревельский кабака «Драная собака» в ночь происшествия имел обычный вид.

Воры, завсегдатаи «Собаки», пили и пели, как всегда.

За столом у двери, всё так же виднелось лицо тайного полицейского агента, увешанное заведомо фальшивыми усами и бородой.

Агент, по причине скудости получаемого от эстонского правительства содержания, скучал над пустым бокалом до часу ночи.

Ровно в это время дверь с размаху открылась, и в подвал вкатилась фигура.

При одном взгляде на нее агент побледнел, трусливо поправил бороду и вытянулся за своим столиком, как столб.

Между тем ничего поразжающего будто не произошло.

Вошедший человек молча стоял посреди кабака.

– Нализался? – насмешливо спросили с ближайшего столика.

– Угу! – ответила фигура.

Звуки этого голоса окончательно потрясли агента.

Изнывая от почтения, он попробовал приблизиться к вошедшему, но даже не сдвинулся.

– Не могу! Окончательно не могу! Не смею!

За дальнейшим он только окаменело следил, охая и издавая отрывочные восклицания:

– Он, он! Непременно он! Никто другой!

Хотя пришлец, как видно, не был знаком никому из воров, но его дивное и полное опьянение немедленно вызвало самые жаркие симпатии.

– Присаживайся! На, глотни! Что ж это ты так рано?

– Коньяк пил! – кратко возразил пришлец.

– И еще пей!

– И буду! От меня горничная ушла! Не хочет у изверга служить!

– Осподи! – охнул агент.

Воры хохотали и колотили пьяницу по плечу.

– Бож-мой, бож-мой! – стонал агент. – Какого человека прикасаются.

– Га-га-га! Чего ж она ушла?

– Молчать! – внезапно возопила фигура. – Меня, может быть, всё человечество презирает, а вы смеетесь!

– Дайте ему по шее! Чего он тут раскричался! – решительно посоветовали из угла.

Этого агент снести не мог.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Теряя на ходу свои производственные усы, он отчаянно зашептал:

– Тише, тише! Это Курвиц!

– Что-о-о? Курвиц? Курвиц осмелился пить с честными ворами?

Правильно учитывая создавшееся положение, агент сию же секунду выскочил на улицу.

За ним тяжело вылетело и брякнулось о мостовую бессознательное тело человека, присутствия которого не потерпели даже последние ворюги.

Окончание этой истории.

Телеграмма из Ревеля 26 ноября.

– Военный министр Эстонии Курвиц, утвердивший смертный приговор Яна Томпа, найден лежащим пьяным на улице.

1924

Привычка свыше нам дана
Латвийский военный атташе на приеме у т. Троцкого стащил со стола записную книжку.

Следующий свой визит бравый атташе собирался нанести тов. Чичерину.

Поэтому с раннего утра в Наркоминотделе водворилась паника.

Завхоз рвал и метал:

– Немедленно снять с окна портьеры! Я за пропажу буду отвечать, что ли? Они у меня по описи! Уедет атташе, тогда снова повесим. Иван, уберите со стола чернильный прибор. Он бронзовый. Что? Секретарю надо писать? Тогда позовите слесаря. Пусть прикует цепочкой к столу. Ничего не поделаешь, экстренные расходы по приему латвийского атташе.

Работа кипела.

Хорошую мебель перетаскивали в дальние комнаты и там запирали. Машинистки преждевременно и без всякого аппетита пожирали свои бутерброды.

– Чтоб не пропадали зря. А то он все равно утянет.

За полчаса до налета атташе суматоха достигла высшего предела.

1924

Белые комики

– Итак, мадам, вам придется выехать за пределы Бельгии!

Гонимая мадам Диксон жалобно воззрилась на прокурора:

– Куда я поеду? Никуда я не поеду!

– Поезжайте во Францию.

– Оттуда меня уже выслали.

– Ну, в Голландию!

– А Красин туда поедет? – вкрадчиво спросила гонимая мадам.

– Не знаю, не знаю! – обозлился прокурор. – Можете в Германию, если Голландия вам не подходит.

На Германию Диксон изволила согласиться.

– Итак, мадам, до свиданья.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Но Диксон не уходила.

– А револьвер вы мне отдадите? Я женщина бедная! Согласитесь, не могу же я покупать каждый раз новый. Я слабое создание, меня всякий может обидеть. В Париже отобрали, вы отобрали. Не могу же я палача внешней торговли убивать холодным оружием. Конечно, меня всякий может обидеть. Я слабое... – Сержант, – взвыл прокурор, – немедленно проводите мадам на самую границу!

Тем временем советские дела заставили полпреда выехать в Германию.

Через сутки поезд тяжело втягивался под купол берлинского вокзала. Мимо окна плыли лица встречающих.

– Диксон тут?

– А как же! – весело кричали из толпы.

– Комичная баба! – вздохнул полпред. – Покуситься хочет?

– Обязательно! Как же ей не покуситься? Сейчас стрелять будет!

Поезд брякнул и остановился.

Тов. Красин вышел из вагона.

Настала торжественная минута покушения.

Но выстрела не последовало по двум причинам. Первая – Диксон сейчас же арестовали. Вторая – мадам была вооружена только перочинным ножиком.

– Звери-большевики меня разорили! – вопила уводимая мадам. – Револьвера купить не на что!

Прежде чем ее выслали из Германии, она успела написать т. Красину записочку с просьбой о выдаче ста марок.

– На револьвер просит! – вздохнул полпред. – Фу! Надоела до отвращения.

Последняя встреча полпреда с уважаемой террористкой состоялась в Риме, куда по делам приехал т. Красин.

То есть встречи не было.

Встреча не состоялась по техническим условиям.

Толпа темпераментных итальянцев толпилась у вагона Красина. Диксон среди встречающих не было.

Мадам стояла у самого здания вокзала и жалобно скулила:

– Подайте монетку бедной убице большевистского тирана. Подайте на построение перронного билета. Подайте сиротиночке. Не пускают сиротиночку на перрон без билета. Из-за пятака не может состояться убийство тирана. Подайте.

Носатые итальянцы насмешливо улыбались и проходили мимо, не останавливаясь.

1924

Снег на голову

Бытовая картинка

Рабочие жалуются на беспорядки в амбулаториях.

Из писем рабкора

Бывает и такой снег на голову, что болит у рабочего зуб.

Ветром надуло. А может быть, просто испортился.

Не стану хвалиться, но боль держалась такая, будто мне петухи десну клюют. Так что в голове шум и невыносимое кукареку.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Про девицу в амбулаторной приемной я ничего не говорю.

Есть там такая, в малиновой кофте. Она записки пишет. Пусть пишет. А у меня зуб.
Мне рвать надо. Я прямо в кабинет.

Сажу я в кабинете, уже закрыл глаза и навеки простился с семейством. А врач
вдруг кладет орудие – клещи на полку и говорит:

– Напрасно вы рот открыли. Закройте. Я вам ничего драть не могу.

– Почему?

– Больных мало.

– Как мало? А я ж кто такой? Меня вам мало?

Оглядываюсь и вижу, что сажу на какой-то чепухе. Не зубное кресло, а просто
стул, обыкновенный кусок дерева.

– Тут нужен специально больной, чтобы держал его за спинку.

– Пусть, – говорю, – малиновая девица держит.

– Невозможно. Она у нас нервная и от одного вашего вида может в истерику впасть.

Сажу. Но тут пришел один, пломба у него, слава тебе, вывалилась.

Он хватает стул и держит его изо всей силы. Я открыл рот и кричу:

– Дергайте!

– Чего вы кричите? – изумляется врач. – Ничего я драть не могу. Мне еще один
больной нужен.

– Зачем? – спрашиваю я. – Зачем вы меня мучите? У меня во рту вместо зуба пожар!

– А кто лампу будет держать? – спрашивает хладнокровный врач. – Нет у нас
правильного зубного кресла и – никаких гвоздей.

Наконец приходит еще один парень с побитыми зубами.

Он светит, врач дерет, малиновая девица от моих криков катается на полу, а
парень с пломбой пытит и держится за стул, как утопленник.

Выдрали...

Бывает же такой снег на голову, что у рабочего болит зуб!

1924

Политграмма плюс корова

На последнем цеховом собрании в Черткове Ю.-В. после читки политграммы были
разыграны сапоги. На следующей читке будут разыграны часы и серьги одного из
телеграфистов.

Рабкор

1

Лектор приятно поразился и почувствовал даже волнение в крови – на политграмму
навалило множество людей.

Правда, в зале с рук на руки перепархивала чья-то в лоск начищенная пара сапог.

– Товарищи! – начал лектор. – Сегодня нам надо разобраться вопрос о том, что же
такое, в сущности, капиталистический строй.

– Хром! – хватающим за душу голосом сказали в углу. – Не видно разве!

В ответ на такое ошеломляющее заявление из середины зала поднялся член союза
телеграфист Феодулий и едко заявил:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Прошу сапог моих не порочить, бо они шевровые, причем цена выигрышного билета только 20 копеек, прошу взявших билет в кредит немедленно внести деньги.

Кое-как феодулия усадили.

Лекция продолжалась, хотя лектор говорил уже не так бойко.

2

Следующая читка политграмоты носила уже более игривый характер.

По залу летали не сапоги, а золотые серьги. Разыгрывал член союза Кишкин-Кошкин.

На живую руку организованная ударная двойка, под тихий вой лектора о наемном труде, тут же распространяла оставшиеся билеты.

У лекторского стола, связанный по всем четырем ногам, лежал совершенно юный баран.

Он тоже разыгрывался.

Когда читка докатилась до основных противоречий капиталистического строя, к лектору подошел бараний хозяин и ласково сказал:

– Не мучь дитю! Сохнет баран! Тоже лежит от здесь два часа.

Лектор смущенно замолчал, и лотерея началась немедленно.

3

В третий раз собрание встретило лектора с восторгом:

– Пришел, пришел!

– А мы вас ждали-ждали!

– А мы вас жда-жда-жда!

– Можно и начать!

– Мме-мме-мме! – раздался звучный бас.

Лектор глянул в сторону баса и обомлел.

Бас принадлежал взрослой корове шестнадцати пудов весу. – Итак, начнем! – возвестил член союза феодулий. – Би-ле-ти-ки кладутся в шапку и... Прошу желающих проверить.

Корова приветливо посмотрела на лектора голубыми своими глазами и засмеялась.

Остальная политграмотная лотерея продолжалась в страшном гаме.

4

Так это у вас происходит, дорогие чертковцы, или, может, иначе?

1925

Ассортимент «Четырех королей»

Всё более учащаются случаи принудительного ассортимента. Вместе с ситцем покупателя заставляют брать совершенно не нужные ему неходовые товары.

Из газет

Настасья Пицун, жена своего мужа, деповского слесаря Пицуна, мать пятерых маленьких и вконец оборвавшихся Пицунов, не вытерпела отсутствия мануфактуры в родном ТПО и помчалась за ситцем в ближайший городок.

Простояв с рассвета до полудня под многословной кооперативной вывеской, Настасья все-таки пробралась внутрь магазина.

Спустя некоторое время она вышла оттуда с тремя свертками разной величины. Лицо

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov Настасьи было несколько перекошено, но, пробормотав «Я своим детям мать», она отправилась домой. – Что ты купила, жена? – угрюмо спросил слесарь. – На то я тяжелым производственным трудом взрастивший свой разряд, чтоб ты покупала фигли-мигли?

– Я своим детям мать! – отвечала Настасья. – Малолетний сын твой Коля ходит без штанов. А ситцу без этой картины и краски для губ не продают. И всего только три метра продали.

Картину повесили на стену. Не пропадать же картине. За нее деньги уплачены.

Картина называлась «Истома».

Изображала она целующуюся пару. Мужчина был в цилиндре, а дама такого вида, что малолетний сын Коля долго не мог оторвать от нее глаз и всё хихикал.

Сыну Коле Настасья чуть не оборвала уши. Слесарь же думал, думал и наконец разразился:

– Мелкобуржуазная картина! Ну, я не виноват! Выдумали тоже – ассортимент!

Сыну Коле сшили штаны, но прочие Пицуны ходили в прежнем виде.

Посему в следующую получку Настасья нарисовала губы (не пропадать же краске, за нее деньги плачены или не плачены?) и снова бросилась в кооператив.

Когда Пицун вернулся с работы, жена сидела у холодной плиты и плакала.

– Обед есть?

– Нету обеда!

Обеда действительно не было.

Вместо обеда на столе лежали роковые метры синего с желтыми горошинами ситца, два фунта обойных гвоздиков, флакон духов «Четыре короля» и в толстом переплете книга «Трехсотлетие дома Романовых».

– Что это такое? – страшным голосом закричал Пицун.

– Дочь твоя Татьяна ходит голая, – сказала Настасья, – а ситцу без «Королей» не дают.

– Готовь обед! – упавшим голосом сказал слесарь.

– А деньги откуда? За ситец взяли рубль двадцать, да за «Королей» – два, да за «Трехсотлетие» – полтора. Я своим детям мать! Сын твой Алексей трех лет от роду, срам какой, голозадый бегаёт!

И запилила.

Случилось так, что заглянул в этот ужасный вечер к Пицуну секретарь месткома. Взглянул и нахмурился.

– Хорошо – сказал секретарь. – Член профсоюза страстные картиночки развесил по стенам? «Трехсотлетие дома Романовых» читает? Хорошая книжечка, товарищ Пицун, нечего сказать! Омещанились, гражданин Пицун.

И стали Пицуна трепать. Вызывали, и допрашивали, и доискивались, выкинуть хотели из союза вон, и только, принимая во внимание чистосердечное раскаяние да принудительный ассортимент, объявили строжайший выговор. А дивных «кооператоров» стали гнать в три шеи.

А теперь, когда Настасья заводит свое: «Юная дочь твоя Шура без рубашки ходит», слесарь энергично машет руками и кричит:

– А ты что – поцелуйных картинок давно не покупала? Пусть ходит! Из «Трехсотлетия» все равно ничего не сошьешь. Не хватает у меня денег на эти

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov «ассортименты». Подожду, пока дивных «кооператоров» не выгонят.

1925

Неликвидная Венера

Братьев Капли, представителей провинциального кооператива «Красный бублик», приняли в бумазейном тресте очень ласково.

Зам в лунном, осыпанном серебряными звездочками жилете был загадочно добродушен.

Он заинтересовался лишь – зачем нужна «Красному бублику» бумазея. Узнав, что и пекаря не согласны ходить нагишом, зам быстро согласился выдать тысячу метров, с тем чтобы мануфактура продавалась братьями по божеской, иначе трестовской, цене.

Взволнованные этим феерическим успехом, Капли быстро помчались в склад.

Там всё уже было приготовлено.

Поближе к выходу лежала столь популярная среди пекарей бумазея (по белому полю зеленые цветы, казенная цена шесть гривен за метр), а рядом с ней пять штук тонкомундирного сукна и семь дюжин прекрасных касторовых шляп.

И сейчас же братья с ужасом заметили, что на всё это добро написан один счет.

Братья слабо пискнули, но сейчас же были оборваны:

– Бумазея без сукна не продается, а шляпы из неликвидного фонда. Впрочем, можете не брать!

Капли не поняли, что такое неликвидный фонд и почему пекаря должны этот фонд на своих головах носить, однако не стали вдумываться. Сзади набегали еще какие-то кооператоры. Они страстно глядели на бумазею, и было ясно, что они возьмут ее с чем попало, даже если к бумазее будет придано неисчислимое количество Библий в кожаных переплетах.

Братья уплатили по бумажке шестьсот рублей, а за приложения еще четыреста.

Валясь на койку уносившего их из Москвы поезда, старший брат ясно представил себе пекаря в костюме из тонкомундирного сукна, в неликвидной шляпе на засыпанных мукой волосах и закатился горьким смехом.

Младший брат промолчал. Он думал. И оба не спали всю ночь.

К утру младший брат вздрогнул и вымолвил:

– А знаешь, брат, в этом принудительном ассортименте есть что-то удобное.

– Мне тоже кажется это! – ответил старший. – У нас, например, давно лежат гипсовые Венеры. Эти Венеры какие-то совершенно неликвидные.

Как видно, старший из династии Каплей тоже думал.

Думали они об одном, потому что младший отпрыск засмеялся и сказал:

– Ничего, мы их сделаем ликвидными!

А потом оба они стали действовать.

Густейшая толпа, приведенная в восторг прибытием белой с зелеными цветами по полю бумазеи, ворочалась в кооперативе «Красный бублик».

Торг шел прекрасно.

Приказчики ежеминутно справлялись с таинственными записями в своих книжечках и бодро орудовали.

– Вам пять метров бумазеи? Саша, – кричал приказчик в кассу, – получи с них за пять метров, одну шляпу мужскую и манометр к паровому котлу системы «Рустон Проктор».

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Кому четырнадцать? Вам четырнадцать? Платите в кассу! За четырнадцать метров по шестьдесят – восемь сорок, две Венеры по рублю, пару шелковых подвязок неликвидных – три пятьдесят и картину «Заседание Государственного совета» – четыре двадцать. Итого – восемнадцать рублей десять копеек-с! Следующий!

Сначала покупатель фордыбачил.

Он ревел. Он ругался непостижимыми словами. И даже топал ногами.

Но потом смирился. Уйти было некуда – во всем городке один только «Бублик» имел мануфактуру.

И пока покупатель со злостью кидал свои деньги в кассу, братья сидели за перегородкой и радовались друг на друга.

К вечеру кипучие операции в «Красном бублике» затихли. «Бублик» расторговался вдребезги.

Бумазея, а с ней вся заваль, собравшаяся в кооперативе за два года, исчезла. Распродали всю гадость, которая лежала еще с того времени, когда «Красный бублик» не был «Бубликом», а назывался «Булкой Востока», то есть со времен доисторических.

Кислый одеколон, зацветшие конфеты, остаток календарей за 1923 год и поломанные готовальни, калоши неходовых размеров и вонючие спички – всё было продано, всё шло приложением к бумазее.

Братья оглядели очищенный магазин, прислушались к шелесту денег в кассе и с наслаждением забормотали скороговоркой:

– Принудительный ассортимент!

С улицы неслись божба и зловредная ругань.

Эта история имеет свое окончание.

Через два дня у старшего Капли порвались сапоги, и он пошел к сапожнику.

– Здравсте! – сказал брат.

И сразу осекся.

Сапожник сидел во фраке. Из-под фрака выглядывала новая рубашка из знакомой брату Капли бумазеи – по белому полю зеленые цветы.

Оправившись, дивный кооператор сделал вид, что ничего не заметил.

– Можно на мой сапог заплаточку наложить?

– Можно! – любезно ответил сапожник. – Двенадцать рублей.

– Да что...

Но сапожник пресек дивного брата. Он ткнул себя пальцем в лацкан и строго спросил:

– Это что?

– Фрак! – сказал непонятливый Капля.

– Сортамент это, а не фрак! У вас куплен. С бумазейкой. Бери фрак назад, почию за два рубля. А иначе двенадцать.

– Зачем же мне фрак? – возопил кооперативный гений.

– А мне зачем? – с ехидством спросил сапожник. – Однако я взял!

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov
Уйти Капле было некуда. У него была прекрасная память, и он хорошо помнил, что в эти дни успел одарить всех сапожников небольшого городка ненужными вещами.

И сапожник, пользуясь принципом принудительного ассортимента, одержал над гениальным Каплей страшную победу и взял с него сколько хотел – взял око за око.

1925

Хлебный бес

Конкуренция некоторых агентов по хлебозаготовкам принимает иногда уродливые формы, вплоть до перекапывания дороги, ведущей к конкуренту.

Из газет

Боевые действия между заготконторами, конкурирующими за урожай села Большие Иван Семенычи, начались с того, что первый заготконторщик нанял себе частных агентов – Штруцеля, Шприце и Зануду.

Начало работы прожженной тройки было явным поражением для второго заготконторщика. Штруцель, Шприце и Зануда залегли в пяти верстах впереди заготконторы и скупил все возы с хлебом, выехавшие в тот день из Иван Семенычей.

К вечеру второй заготконторщик тоже нанял агента. Это был маленький человечек по фамилии Гриб. За 2 копейки с пуда Гриб обещался заманить к своему хозяину весь продажный хлеб.

Глупые Штруцель, Шприце и Зануда лежали в засаде на прежнем месте. Умный Гриб выскочил еще на две версты вперед, первым вынесся навстречу ивансеменычевским возам, дал на копейку больше и завернул рожь в свою контору.

Прожженные возмутились, забежали сбоку и набавили.

Иван Семенычи лениво порвали ярлыки Гриба, и торжествующая тройца стала увлекать весь транспорт к себе.

Тогда Гриб в самозабвении лег поперек дороги. Вихрь хлебозаготовки и желание все-таки заработать свои две копейки с пуда потрясли его душу.

– Сволочи! – закричал он, согласуясь с полученными от заготконторщика инструкциями. – Даю две сверх.

Иван Семенычи усмехнулись и воззрились на прожженных.

– Накладываем копейку! – хором произнесли Штруцель, Шприце и Зануда. – 89 копеек.

– 90! – крикнул облепленный грязью Гриб.

Прожженные заругались и отступили.

Два дня зерно текло ко второму заготконторщику, а на третий день опять наступила зловещая тишина – возы не пришли.

Заготконторщик поехал а разведку и вернулся встревоженный.

– Конечно, они к нам не поедут, если Зануда дает 90 копеек, да еще устроили им на ссыпном пункте куб и бесплатно поят чаем.

– С сахаром? – тревожно спросил Гриб.

– Без сахару!

– Ура! – возопил агент. – Лишь бы без сахару. А мы будем давать чай с сахаром.

Утром в конторе фыркал и бунтовал сияющий кипятильник «Титан», на столе грудками лежал сахар. А Гриб стоял на пороге, соблазнял и соблазнял.

Бородатые Иван Семенычи благосклонно предпочли чай с сахаром чаю пустому и последовали за Грибом.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Расходы по кипяtilьнику и чаеванью легли на заготовленный хлеб лишними копейками, но зато Штруцель со Шприцем и Занудой сидели сложа руки.

Хладнокровные бородачи, казалось, окончательно перекинулись на сторону Гриба.

Но прожженным тоже хотелось есть.

Поэтому несчастье постигло талантливое Гриба уже на другой день.

Первая телега из направляемого Грибом обоза Иван Семенычей тихо крякнула и опрокинулась набок.

На совершенно ровной дороге оказалась замаскированная яма. Иван Семенычи закряхтели и с долгой бранью телегу вытащили.

Обоз обошел яму и двинулся дальше. Тогда через десять сажен расстояния крякнул второй воз. И свалился. Иван Семенычи разъярились, а Гриб побледнел.

Третий воз рухнул через минуту, и клиенты Гриба решительно повернули обратно.

Сию же минуту они были захвачены прожженными. Лица у прожженных были измученные, но лукавые. Руки их были запачканы в грязи. Над ямами они, видно, трудились всю ночь.

Но в победном восторге прожженные не чуяли усталости. Хлеб, на захват которого Гриб потратил столько усилий и хитрости, уплывал, и вместе с ним уплывали и кровные две копейки с пуда.

– Дайте мне простыню! – тихо прошептал Гриб.

Штруцель, Шприце и Зануда не поняли, что хотел этим сказать несчастный агент, и обидно засмеялись.

– Дайте мне простыню! – повторил Гриб, глядя вслед удаляющимся возам. – Я вам покажу.

И загадочный Гриб ушел.

Многострадальные Иван Семенычи были заняты делами домашними. Новую очередь возов вели к Зануде бабы. На темной предрассветной дороге под самыми мордами лошадей появилось что-то белое и кидющееся. Передние кони испуганно заржали.

Бабы, выпуча глаза, вглядывались в странную безголовую фигуру.

– Гав! – сказала фигура страшным голосом. – Гав, гав!

– Осподи! – застонали в обозе. – Бес...

А привидение прыгало и рычало на пустой, темной дороге. К довершению страхов с громом сломалось колесо.

Этого было достаточно, чтобы объятый ужасом обоз кинулся назад. Трещали возы, нахлестывались кони. Позади, прыгая на одной ножке, скакало и лаяло разными голосами привидение.

Гениальный Гриб достал простыню.

Но одного только не предвидел способный Гриб. Замученные Иван Семенычи вовсе бросили подвозить хлеб. Ни в одну из обеих контор не заезжали больше скрипучие возы.

И сидит теперь первый умный заготконторщик со вторым умнейшим заготконторщиком, сидят с прожженными Штруцелем, Шприце и Занудой, сидят с гениальным Грибом и ждут, что их выгонят вовсе. А выгонят, наверное.

1925

Голая красавица

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Вашему корреспонденту пришлось увидеть ее в месте совершенно неожиданном – на
выставке по НОТ, среди машин и приборов, облегчающих конторский труд.

Не все посетители выставки знали, что красавица здесь, но знавшие долго
рассматривали ее и сильно усмехались.

Потому что красавица была совершенно и незапятнанно голой.

Сначала красавицей любовался только 15-летний балбес.

Вероятно, он открыл ее случайно.

Остальные, ничего не подозревая, добросовестно рассматривали экспонаты.

Восхищались усовершенствованной наборной кассой для ротатора – восхищались
совершенно по-русски:

– На честное слово!

Ибо, несмотря на все старания, руководителю не удалось вынуть из кассы хотя бы
одну свинцовую литеру.

Хитрая машина поставила руководителя в тупик, и он спешно отвел толпу к
диктофону.

Диктофон спас его.

Диктофон работал идеально.

Он аккуратно записывал всё, что ему говорили, и сказанное немедленно повторял
голосом взрослого сифилитика.

Успех диктофона у публики стал даже чрезмерно велик. Начини разыгрываться
сцены, несколько раздирающие сердце.

Какая-то девица прочла в трубу целую страницу из романа Дюма-отца «Виконт де
Бражелон, или 10 лет спустя».

И диктофон послушно стал лопотать про кардинала Мазарини.

Это произвело впечатление даже на нашего балбеса. На миг он оставил ножницы и
двинулся было к диктофону. Но потом, очевидно, раздумал и снова сладострастно
стал разглядывать на свет булавочную дырочку в ножницах.

Ваш корреспондент не мог этого понять.

– Что вы там видите?

– Голую женщину! – ответил балбес.

И радушно предложил:

– Хотите?

Ваш корреспондент посмотрел в застекленную дырочку и действительно увидел голую
женщину в парижском вкусе.

– Красавица! – сказал балбес.

Красавица стояла, выставив вперед обольстительно полную левую ногу. Глаза
красавицы сияли совершенно особенным светом. За спиной виднелся тихий пейзаж.

Сердце вашего корреспондента заколотилось.

– Это тоже экспонат?

– Тоже! – ответил балбес.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Тогда ваш корреспондент пошел к руководителю:

– У вас там на столе лежат ножницы. Скажите...

– Это усовершенствованные ножницы! – быстро заговорил руководитель. – Преимущество их состоит в том, что ими можно резать не только...

Между тем ножницы из рук балбеса перешли к другому посетителю выставки. Посетитель прильнул к дырочке и сладостно посмеивался.

Вашему корреспонденту стало совершенно ясно, что ножницы эти ничего и никогда не будут резать.

В них будут только смотреть.

Но он не захотел разочаровывать руководителя и быстро ушел.

Ножницы перешли уже в третьи руки, и смех на выставке увеличился.

1925

Механический конторщик

Штамповальная машина «Адресатор»

В Москве, на Мясницкой ул., 28, открылась выставка по рационализации административной техники.

Выставка представляет собой контору, весь инвентарь которой способствует наибольшей продуктивности труда.

Размер этой статьи не позволяет подробно перечислить «механических помощников» конторского служащего или бухгалтера.

Здесь машина заменяет даже сторожа.

Шкап для хранения ценных документов снабжен прибором, дающим возможность открыть его только одним ключом на свете.

Всякая попытка вставить в замочную скважину другой ключ, или отмычку, или вообще какое-нибудь постороннее тело (например, воск для слепка) вызывает невыносимый трезвон.

Исключается, таким образом, и возможность подделки ключа.

Контрольные часы точно и автоматически отмечают время прихода служащего на работу.

Служащий подходит к часам, расписывается на ленте бумаги, выглядывающей сквозь щелочку в футляре часов, передвигает рычаг и садится за работу.

Часы уже отметили против его фамилии час и минуту прихода и одновременно передвинули бумагу для того, чтобы мог расписаться следующий конторщик.

Нет надобности бегать по конторе, передавая бумаги со стола на стол.

Немного выше человеческого роста протянута через всё помещение проволока. Из конца в конец комнаты по проволоке с воем мчится блок. В зажиме торчат бумаги, подлежащие передаче.

Блок действует по принципу рогатки. Надо потянуть за резинку, имеющуюся в каждом конце проволоки, блок срывается с места и летит по назначению.

Пробег он может сделать от 125 до 200 метров. Груз несет до двух кило. При более сильном зажиме – до 5 кило. Бегаёт по прямой, может бегать по проволоке, расположенной и зигзагами.

Придя в конец своего пути, блок автоматически становится в такое положение, что стоит только натянуть резинку – и блок бежит обратно с новым грузом документов.

Электрическая пишущая машинка «Мерседес» освобождает машинистку от необходимости

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov с силой ударяет по клавишам.

К правому блоку машинки прикреплен маленький электродвигатель, питающийся током от обычной комнатной проводки.

После включения энергии стоит только прикоснуться к клавише. Ударять по ней не надо. Буква сама прыгает к бумаге.

Пальцы машинистки не ломит, как это бывает обыкновенно, уже в середине рабочего дня. Кроме того, все буквы отпечатываются ровно, одна не толще другой.

Механический адресатор (применяется для надписи адресов, конечно, только постоянных корреспондентов, с которыми ведется более или менее большая переписка) положил конец неразборчивым адресам: толчок рычага – и на конверте отчетливым шрифтом оттискивается адрес.

Штамп с адресами делается тут же на штамповальном адресаторе, сконструированном по принципу пишущей машинки. Выбить нужный адрес на продолговатом кусочке белой жести отнимает у опытного человека несколько секунд.

Штамп этот портится только после того, как даст четырнадцать-пятнадцать тысяч адресов.

Усовершенствованные скоросшиватели, дыроколы, счетные машины в виде карманной книжки в кожаном переплете, машинки, автоматически молниеносно наклеивающие на конверты почтовые марки, надолго удерживают возле себя посетителей выставки.

Наконец, вспомните, что вы человек занятой, что вам надо, к примеру, в три часа и десять минут позвонить в Металлосиндикат.

Но об этом вам думать не надо. Вам напомнят.

На столе стоят круглые часы. По циферблату их возле каждой десятой минуты проверены дырочки.

Вы вставляете булавку в соответствующую дырочку, и ровно в три часа и десять минут часы приятным гудением напоминают вам о необходимости поговорить по телефону.

1925

Крахмальный гений

Это была счастливая комбинация честности, умения работать и хорошей репутации. Вся эта штука называлась «крахмальный трест».

Дела шли великолепно, и парни из РКИ напрасно шатались в крахмальное заведение. В этой растреклятой крахмальной штуке никто ничего не крал. Производительность дошла до неприличных размеров, а число раскрахмаленных рубашек становилось угрожающим, принимая во внимание, что мы живем в трудовой стране. И так далее. А председатель треста был просто мозолистый гений, во-первых, экономии, а во-вторых – всяких других полезных вещей.

После всего сказанного вам остается только рвать на себе волосы, потому что вся крахмальная репутация пропала именно через этого грандиозного гения. А поводом была прелестная особа, именно дочка крахмального таланта, и даже не она, а именно ее жених, то есть, собственно, муж, и даже не женихатый муж, а стулья, обыкновенные куски дерева, и даже не эти деревяшки, а именно та самая, во-первых, экономия.

– Надо купить стулья, – говорит таланту жена, – завтра свадьба. Или гости будут штанами на паркете сидеть?

– Зверская дама, – отвечает крахмальное чудо, – моей тарифной сеткой золотой рыбки неловишь. У меня нет денег.

– Это тебе не оправдание! – говорит зверская дама. – Ты мне весь мир испортишь своим разрядом.

Наш крахмальный гигант засунул руку в прическу и задумался. А надо вам знать,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov что в тресте никаких сверхурочных не допускалось.

– Па-звольте! – говорит председатель своей чернильнице. – Вот тебе и, во-первых, экономия. Какой же я гений, если у меня в конторе стулья с 4 часов лодыря играют и никто на них не сидит.

И сел писать доклад в наиответственнойшее место о, во-первых, экономии. И именно чтобы сдавать крахмальные стулья напрокат частным лицам, кои пожелают от 4 часов дня и ночью сидеть, а собственных стульев не имеют.

– Ну? – спрашивает на другой день жена. – Купил?

– Ах, оставьте! – отвечает ловкач. – Во-первых, экономия. Взял в собственном учреждении напрокат. Практические опыты в подтверждение моего доклада.

И пошел сигать перед дамами, потому что был не только гений, но и ловкий комплиментчик. А свадьба закипела на всю ночь.

Наутро парни из РКИ идут обычный визит делать в крахмальную штуковину.

– Не может того быть, – говорит – чтобы всё честно. Когда-нибудь же у них случится.

И пришли в самый как раз. Конторщики на голове ходят, барышни по паркету скользаются, и никто ничего не делает.

– Почему, – спрашивают доки, – такое подсудное безделье? Мы сейчас ревизию будем делать.

– Это как желаете, – кланяется курьер. – Но как дилехтор стулья на свадьбу свез, то происходит такой невольный променад. Сидеть не на чем.

– Так мы и знали! – говорят парни из РКИ. – Не может быть, чтоб всё честно.

И зазвякали по телефону крахмальному негодяю, тот даже зарыдал.

– Непредусмотрительный перепой! – говорит.

– Ничего подобного! – отвечают парни. – А одно сплошное мошенство на государственных стульях. Мы за вами давно следили.

У негодяя задрожали коленки, и моментально доки из РКИ подсунули ему хорошую скамейку для подсудимых, чтобы талант, упаси, не ляпнулся на пол. Рухнулся на нее председатель, и с ним вместе репутация крахмальной штуковины... Не может же быть, чтобы всё было честно.

1925

Муссолини – герой?

Муссолини любит славу. Не только любит, но и делает ее. А делает ее немножко странно. После смотра итальянского флота в Ости его приветствовали нагие люди восклицаниями «Ессе homo!» Совсем как в Древнем Риме. Весело Муссолини. Он чувствует себя триумфатором всемирной империи и бряцает оружием, чтобы уверить в этом других неверующих.

Всё шло своим порядком. Муссолини мечтал. Фашисты изображали древний мир. В антрактах громили типографии социалистических газет, и все чувствовали себя хорошо. Кроме плебеев.

Всё бы шло хорошо, да Христианская лига молодежи устроила в 18 странах анкету: кто ваши любимые герои в прошлом и настоящем?

Британские и голландские мальчики отдали свое предпочтение адмиралам: Нельсон, Дрейк, Рюйтер, Трой – вот кто их герои в прошлом. А в настоящем лорд Желлико, лорд Битти, Абд-эль-Кри, Ллойд-Джордж и Том Микс.

Южноафриканские мальчики любят: Ричарда Львиное Сердце, лорда Клайва, Робина Гуда, Пауля Крюгера и генерала Боша.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Новая Зеландия неожиданно вотировала за принца Уэльского (хороший спортсмен).
Генри Форд получил немалое количество голосов (добрый хозяин!).

Итак, дети всего мира, кроме Италии, не знают Муссолини. Последняя надежда на Италию. Что же оказалось: диспут в Италии начался с Наполеона, перешел на Гарибальди, потом к Франклину, Колумбу, Ливингстону и неожиданно закончился доминирующей массой голосов, утверждающих, что величайший герой – Иисус Христос.

Узнав о результатах анкеты, Муссолини потускнел. Почему Христос? Почему не я?

– Да потому, что он вознесся в небеса, – шептал внутренний голос.

– Подать аэроплан! – вскричал Муссолини и вознесся.

Но не навсегда. Жаль.

– Почему они? Они ж почти все умерли. Зачем им слава?

– Уми и ты, – шептал внутренний голос, – будешь славен.

– Хочу умереть! – вскричал Муссолини.

Мы ему сочувствуем.

1925

Талантливый тюремщик
Сейчас же за Троицким мостом в невские льды врезаются воинственные углы
бастионов Петропавловской крепости. Высоко в небо лезет медный шпиль собора.

Собор – кладбище русских царей. Там лежат все они от Петра Великого до
Александра III.

Однообразные мраморные надгробия тянутся по четырем углам холодного собора. Вся
династия Романовых лежит здесь в солдатском порядке.

Между гробами – правильные интервалы. Один гроб смотрит в затылок другому.

Казармой пахнет от этого кладбища.

Только для Александра II сделано исключение. Он лежит под малахитовой плитой,
обработанной в форме некрасивого шкафа.

Свое кладбище цари хотели сделать и кладбищем революции.

Всё, что было революционного в России, всякое революционное движение обязательно
проходило через Петропавлов-скую крепость, отсиживало годы и десятки лет в
крепостных казематах.

Сидели поодиночке, сидели целыми категориями и целыми полками.

Одно время в крепости сидело столько крамольных студентов и профессоров, что
кто-то из заключенных предложил повесить на крепостной стене надпись:

«Сюда временно переведен университет».

При Александре I в Петропавловку посадили весь гвардейский Семеновский полк за
то только, что солдаты осмелились пожаловаться на совершенно изуверское
обращение с ними полкового командира Шварца.

Тюрьма Трубецкого бастиона сооружена хлопотами Александра II.

Царь был гениальным тюремщиком. Из его казематов никому не удалось убежать.
Единственным человеком, совершившим побег из крепости, был анархист Кропоткин.
Но он бежал не из самой тюрьмы, а из крепостного госпиталя.

Двухэтажная тюрьма имеет 72 каземата: 36 верхних и 36 нижних.

В окно, под самым сводом каземата, не только солнце не светило, но и самого неба

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov не было видно, потому что все окна вплотную придвинуты к стенам бастиона.

Посреди камеры кровать, прикована к стене и полу. Столик железный прикован к стене. Дубовый табурет. В стене умывальник. Больше ничего.

Сами казематы не отапливались. Отапливали коридор, а из него нагретый воздух по специальным отдушинам проникал к заключенным.

Естественно, что от этого казематы нагревались весьма плохо. В них господствовала вечная сырость. По стенам сбегали вечные капли. И через каждые несколько минут через особую щель в дверях (заключенные звали эту щель «Иудушкой») заглядывал настороженный глаз тюремщика.

Царское правительство пыталось своих врагов тишиной.

– Помолчите-ка секунду, – сказали нам, – и вы поймете, что такое тишина.

Экскурсия из Грузии, с которой мы обходили казематы, притихла. И сию же минуту в уши ворвалась тишина, звенящая и тонкая. Такая тишина, будто замолчал весь мир.

Это была специальная тишина, тишина, которую выдумал старый режим. От этой тишины люди сходили с ума.

От этой тишины заколотилось сердце, и все нарочно быстро заговорили.

Люди отучались говорить в этой тишине.

Казематы освещались керосиновыми лампами, но с тех пор, как революционерка Ветрова облилась керосином и сожгла себя, керосин отняли. Его заменили свечами, а потом электричеством. Тюремщики не хотели, чтобы революционеры убивали себя. Революционеры должны были умирать постепенно.

Свет должен был гореть всю ночь. Если заключенный тушил его, то входил тюремщик и снова зажигал.

Читать не давали. Писать было нечем и не на чем. Даже надписи, сделанные ногтем на стене каземата, быстро и старательно замазывались.

И вот в тишине, в безделье и в одиночестве люди сходили с ума.

Для того чтобы спастись от безумия, революционеры выдумывали себе самые странные занятия.

Синегуб дрессировал мышонка, который жил в его камере. Это было единственное живое существо, с которым он мог иметь общение.

И когда его мышонка отравили, то Синегуб был в таком горе, будто потерял лучшего друга.

В другой камере появился паук, и заключенный каждый день рвал его паутину, чтобы паук стал ткать новую, чтобы было возможно посмотреть на работу паука. Это развлекало его.

Единственное, что могли делать присужденные к крепости: перестукиваться с другими заключенными.

Для этого была изобретена особая азбука.

Весь алфавит был разделен на пять рядов. В каждом ряду пять букв.

Если надо передать слово, начинающееся, скажем, с третьей буквы четвертого ряда, то делали: четыре удара (это указывало ряд) и еще три удара (это указывало букву). Таким образом переговаривались и вели довольно длинные разговоры.

Перестукивания преследовались. Иногда в свободных камерах раздавался страшный грохот. Этим грохотом тюремщики старались помешать разговору.

Подмеченных в перестукивании переводили в изолятор.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

По обе стороны изолятора были не камеры, а кладовые. Звук вследствие этого пропадал.

Правда, можно было перестукиваться еще с нижним изолятором, но нижний изолятор заботливо освобождали.

Итак, говорить было уже не с кем.

Самое страшное в тюрьме Трубецкого бастиона – это карцер.

В него любой тюремный надзиратель мог посадить заключенного сроком до десяти суток, даже без разрешения высшего начальства.

Карцер совсем крохотен. Окно его закрыто ставнем. Царит полная темнота. Печь и отдушины устроены так, что нагревается только потолок. Весь же карцер остается ледяным.

Быть посаженным зимой в карцер значило подвергнуться невыносимому для человека наказанию.

Окна тюремных коридоров выходят в замкнутый двор. Сюда, в крохотный двор, с крохотной, похожей на тюрьму баней, выводили заключенных на пятнадцатиминутную прогулку.

Здесь они видели сумрачное небо и четыре засыхающих дерева.

А затем снова они отправлялись в свои казематы, где услужливым правительством были им уготованы холод, мрак и нечеловеческая тишина.

1925

В Средней Азии

Перегон Москва – Азия

Последние пакеты и тюки газет летят в темноту багажного вагона. Двери его захлопываются, и ташкентский ускоренный быстро выходит из вокзала.

За Перовом полотно дороги пересекают тонкие железные мачты Шатурской электростанции. Их красная шеренга делает полкруга и скрывается в зеленом лесу.

Поезд идет картофельными полями, под мягким небом. К вечеру начинаются страдания поезда бригады.

– Делегация села!

Беспризорных «делегатов», скромно засевших в угольных ящиках под вагонами, выволакивают.

Но это лишний труд.

«Делегат» от поезда не отстанет. Утром его белая голова, казалось навсегда покинутая в Рузаевке, сонно и весело трясется на подножке вагона, мотающегося перед Сызранью. Зло неискоренимо. Даровитый прохвост продолжает свое путешествие за рыжую Волгу и далее.

Пропитывается «делегат» тем, что на больших остановках распевает антирелигиозные куплеты:

Поп кадит кадилою,
Всё глядит на милую.
Господи, помилую
Степаниду милую.

Среди одичавших в долгом пути пассажиров куплет пользуется громовым успехом. В шапку «делегата» обильно падают медяки.

Проходят в небе антенны мощного оренбургского радио. Стрелочник-киргиз в войлочной шляпе провожает поезд на выходной стрелке. У него желтое лицо, черные прямые волосы и толстые губы. Поезд идет уже по территории Казахстана.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдovich Ильф iflandpetrov
От московских облачных, лепных небес нет следа. Над огромной республикой
киргизов блещет вечное солнце.

Круглые юрты кочевников стоят в необозримых ковыльных степях. Легкий ветер трогает пушистые стариковские бороды ковыля, раскачиваясь, проходят верблюды, и цветными кучами рассыпаны стада.

Перевалив Мугоджарские горы, поезд входит в пески. Ослепительно и невыносимо для глаза горят на солнце кристаллы пересохших соляных озер. Поросли потерявшей цвет клочковатой дряни прерываются темно-синей неподвижной громадой Аральского моря.

Станционные бабы торгуют трехаршинными осетровыми балыками и засушенным до полного одеревенения лещом – самым соленым товаром, какой только можно найти в этой горько-соленой стране.

Но жирные, лоснящиеся на доведенном добела солнце рыбы привлекают немногих.

Пассажиры набрасываются на кумыс и ледяное кислое молоко. Замаранный по уши кочегар спрыгивает с паровоза и бежит к молоку. И сам дежурный по станции на минуту свертывает свои флажки и глотает чудесное холодное месиво.

Дальше степь всё буреет, становится какого-то верблюжьего цвета и, наконец, переходит в перворазрядную, захлебывающуюся в горячем ветре пустыню.

В палящей тишине поезд пробегает свои перегоны. Здесь станции стараются возможно больше окружить себя деревьями.

Но полтора десятка насквозь пропыленных деревьев в станционном палисаднике это – неисчерпаемое богатство тени и прохлады.

Этим станциям завидуют, туда мечтают перевестись, потому что есть станции, где всего пять акаций, есть разъезды с одной только акацией и есть разъезды, где не растет ничего.

Такой разъезд подвергается казни жаром и светом по восемнадцать часов в сутки.

Ночью, на третьи сутки дороги, поезд проходит станцию Джусалы, втягивается в огромное болото Бокалы-копа и подвергается нападению бесчисленных комариных шаек.

Стодвадцативерстные владения лихорадки, ее стоячие воды, поросшие мерзкими зелеными волосами и камышом, ужасны. Поезд баррикадируется, подымает оконные рамы и даже тушит свет. Но всё это не в помощь.

Дохнувший во тьме и духоте пассажир все же слышит похоронный комариный звон над своим ухом. Комары ворвались в вагоны через тамбуры, через незавернутые вентиляторы, и изъязвленный пассажир, много еще дней спустя, глотает горьчайшую хину и ждет приступа малярии.

Поезд не спит всю ночь, отчесываясь от комаров. И волей-неволей бессонные глаза глядят сквозь окна на переливающуюся неровным светом карту звездного неба.

Пятое утро начинается станцией Арысь и захватывающим всесторонним жаром. С безумного неба льется не свет, а горячая, вплотную обтекающая тело лава.

На станциях исчезает даже кислое молоко. Тут продают связки черепаховых щитов, живых черепах и черепашьи яйца.

На всем восточном горизонте лежит белая, железная вата, снеговые отроги Тянь-Шаньского хребта. Впереди всех матовым и молочным светом сияет двурогая вершина Казы-Курта.

Это местный и по счету, кажется, уже десятый на земле Арарат. Жителями выдается за место остановки Ноева ковчега. Событие маловероятное, хотя еще и теперь киргизский певец, играя на домбре, подробно перечисляет всех животных, спасшихся в Ноевом корыте на вершине Казы-Курта.

Поезд медленно пробирается среди откосов красной глины, беря последний подъем

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov перед Ташкентом.

Белый пар бежит по засохшим склонам. Реомюр в тени показывает 37°.

Это последнее усилие пустыни. Катясь по склонам Дарбазы, по сотне мостиков, пересекая оросительные каналы, поезд влетает в изумительный темно-зеленый и дышащий зеленью ташкентский оазис.

Горизонт застилают темные массивы пирамидальных тополей. Пепельные финиковые деревья блаженно жарятся на солнце. Качаются и шумят высокие стены джугары – тропического проса. Адские пески сразу переходят в ветхозаветный рай.

Проезжают арбы на тонких, величиной с мельничные, колесах. Мелкими шажками бегут крохотные ослики, с невероятным терпением вынося на своей спине многопудовых толстяков в снежных чалмах.

Но поезду нет удержу. Мимо библейских глиняных построек, мимо древесных куц и роц поезд продолжает свой путь за Ташкент.

Под утро дорога вступает в ущелье Санзара – единственный проход сквозь горы Нура-Тау, древнейший путь торговцев, полководцев и завоевателей.

Справа на утесе высечены две арабские надписи. Нижнюю из них приводим в сокращенном виде:

«Да ведают проходящие и путешествующие на суше и воде, что в 979 проходило сражение между отрядом тени Всевышнего великого хакана Абдулла-хана в 30 000 человек боевого народа и отрядом Дервиш-хана и Баба-хана и прочих сыновей. Сказанного отряда было всего: родичей султанов до 50 000 человек и служащих людей до 40 000 из Туркестана, Ташкента, Ферганы и Дештикипчака. Отряд счастливого обладателя звезд одержал победу. Победив султанов, он из того войска предал столько смертей, что от убитых в сражении и в плену в течение одного месяца в реке Джизакской на поверхности текла кровь. Да будет это известно».

Хвастливая запись «счастливого обладателя звезд» задела тщеславие русского царя, и над арабской путаной вязью утвердился толстый позолоченный орел и надменная медная доска:

«Николай II 1895 г. повелел: “Быть железной дороге”. 1898 г. исполнено».

В февральскую революцию медная эта глупость была сорвана рабочими руками тех, о которых никто не писал на порфиристых скалах, хотя именно они пеклись живыми на прокладке полотна Среднеазиатской дороги.

Поезд гремит по мостику над арыком Сиаб. Пройдя лежащие расколотыми зеркалами затопленные рисовые поля, он шумно подходит к Самарканду, «лику земли», как звали его мусульманские писатели, древнейшему городу Средней Азии, история которого потерялась в тысячелетиях и теперь начинается снова словами:

«Столица Узбекистана».

Глиняный рай

Трамвая в Самарканде нет. Его заменяет доблестно отслуживший все сроки на афганской границе и только в прошлом году привезенный паровичок. Вагончики клацают по узкой колее и стремглав несутся в город.

Европейские его улицы затемнены аллеями мачтовых тополей и, утверждают, прекрасно шоосированы. Так ли это, узнать невозможно, потому что они покрыты трехдюймовым пластом пыли.

В этих районах библейский бог создал Адама, первого человека. Поэтому не стоит удивляться тому, что старик лепил его из глины. Здесь нет другого материала.

Весь старый город слеплен из глины.

Узкие улицы зажаты среди высоких глинобитных заборов, дувалов. Дома с плоскими, соломенными, залитыми той же глиной крышами выходят наружу только глухими своими стенами.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Все окна и вся жизнь обращены внутрь, в крошечный рай из десятка виноградных лоз, двух абрикосовых и одного тутового дерева. Улице остается только висящая занавесами пыль и ошеломительное солнце.

В арыках, по которым лениво тащится серая вода, плещутся мальчишки-узбеки. Головы у них спереди начисто выбриты. На затылке волосы оставлены и заплетены в дюжину тонких и крепких, как шпагат, косичек.

По двое на некованом коне проезжают великолепные всадники в цветочных халатах и на диво скрученных чалмах.

Передний из них держит в губах розу. У второго роза заткнута за ухо. Они подпоясаны пестрыми ситцевыми платками, важны и спокойны.

Ушастый, большеглазый ослик тащит на себе полосатые переметные сумки, гору зеленого клевера и почтенного волхва. В одной руке старца палочка, которой он поколачивает ослика по шее, другой он держится за свою бороду алюминиевого цвета.

Под стенкой проходит женщина в голубоватой парандже – халате, одетом на голову. Лицо ее закрыто черным, страшным покрывалом, густо сплетенным из конского волоса.

Она обута в ичиги, мягкие сапоги без каблуков, и поверх их – в кожаные, остороносые калоши. Мрачная ее фигура исчезает в водовороте пыли, поднятой проезжающей арбой.

Случайное оживление на улице кончилось. Пыльные клубы тихо опускаются наземь. Над головой висит настойчивое и мощное солнце.

Больше ничего.

Это Иерихон и Вифлеем. Это времена Авраама, Исаака и Якова. Этому тысяча лет или две тысячи.

– Среднеазиатские республики, – говорил нам в поезде довоенно и по-петербургски картавящий молодой человек, – это Ветхий Завет плюс советская власть и минус электрификация.

О существовании советской Азии мы поговорим после. Сначала посмотрим Азию такой, какой она была и наполовину есть еще сейчас.

Улицы старого города пусты, и смотреть там не на что. Они показывают только верхушки своих райских садов и плавающих в пыли девочек с бровями, соединенными в одну толстую, синюю черту, и красными, крашеными ноготками.

Вся наружная жизнь города стянута к базару. Путь туда лежит мимо Гур-Эмир, могилы повелителя.

Железный Хромой, Тимур-ленг, или, как его называют европейцы, Тамерлан, лежит в склепе восьмигранного здания, чудесно украшенного синими и голубыми поливными изразцами.

С ковра на каменном полу подымается узбек, зажигает керосиновую лампочку и ведет в сводчатый холодный подвал.

Тимур, в четырнадцатом веке начавший свою карьеру главарем шайки и завоевавший впоследствии почти всю Азию, лежит под плитой желтоватого мрамора. Она вся иссечена арабским письмом, кроме двух роз, вырезанных против тех мест, где должны быть глаза Тимура.

У обнаженных кирпичных стен покоятся сыновья завоевателя, его внуки, его министры, учитель и сын учителя, весь аппарат власти жестокой военной империи, разлетевшейся в пыль после смерти Железного Хромого.

В верхнем помещении над могилой Тимура лежит темно-зеленая, распиленная надвое (ворами, которые хотели ее украсть) плита из нефрита. Это самый большой монолит

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov нефрита, и сюда он был привезен из китайского Туркестана.

Базар начинается неподалеку от ив и карагачей, окружающих Гур-Эмир.

Над всем этим местом стоит непрерывный и нервный рев ослов. Всегда грустные верблюды прокладывают себе дорогу среди толпы. Медлительно тарахтят арбы. С бьющими наверняка, мучительными интонациями в голосе побираются величественные нищие. С круглого медного подноса продают вялые розы.

Весь базар похож на поднос с перепачканными розами.

Чалмы белые, пестрые и огненные мешаются с киргизскими войлочными шляпами, расшитыми черным орнаментом.

Затканные золотыми нитками тибетейки сверкают на солнце быстро переливающимся светом.

Бухарские еврейки ходят по базару, прикрыв лицо углом надетого на голову яркого зеленого халата. Ислам наложил свой отпечаток даже на эту, обычно туго поддающуюся чужим обрядам расу. Бухарские еврейки покрывала не носят, но при мусульманах лицо закрывают.

К текущим лавой разноцветным толпам подъезжают все новые конные группы. Сегодня базарный день. Тонколицые горные таджики разгружают своих верблюдов, и по боковым улочкам, выбивая копытами непроницаемые пыльные завесы, движутся стада курдючных баранов.

Внезапно воздух наполняется нестерпимой вонью. Это подул ветерок от лавочек, торгующих местным, похожим на головки шрапнелей мылом.

Медные ряды оглушают звонким клепаньем молоточков, чеканят блюда, чайники и кумганы.

Половину базара занимает торговля московскими пестрейшими ситцами. В лавочках тесно. Кипы мануфактуры стоят корешками, как книги на библиотечных полках. Пробриться в эти ряды почти невозможно. Уже с прохладного рассвета они туго набиты покупателями.

В конце главной базарной улицы расположен Регистан. Высоко в небе летают стрижи над тремя прославленными памятниками мусульманской архитектуры. Блещут на солнце изразцовые желтые львы мечети Шир-Дор. Квадратным обжигающим кубом на площади стоит солнечный свет. И выше стрижей, выше голубых минаретов Улуг-Бега мчатся над Самаркандом белокрылые коршуны.

Это добровольный придаток к старгородскому ассенизационному обозу. По мере мощных своих сил они способствуют очищению города от падали.

Чайханы наполняются. В них сидят, подогнув ноги, на паласах, коврах без ворса, пьют зеленый горьковатый чай без сахару, едят круглые лепешки и дышат прохладой, которую дают бегущий под ногами арык и тень белой от пыли ивы. Из губ в губы переходит похрипывающий и пускающий белый дымок гилим, кальян.

Против чайханы, прямо на земле, разместилось точильное заведение. Полуголый, светло-коричневый старик быстро тянет назад и вперед кожаный кушак, одетый на валик точильного камня. Так «старик-привод» работает до ночи.

Страна почти не знает машины.

И совершенно неизбежно, что в такой стране в машину превращается человек.

Старик давно перестал быть человеком, он только привод к точильному станку.

Людям, мечтающим о «добром, старом времени, когда все было чудесно», полезно съездить в Среднюю Азию.

Он увидит там тщательно описанный в Коране рай, красную глину, идиллические стада, земледельцев, покорных земле, пророкам и муллам пророка.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Но кроме того, он увидит деревянный плуг, первобытный омач, которым дехкан обрабатывает свое поле. Перед омачем русская соха кажется завоеванием техники. Глиняный рай возделывается каторжным трудом.

Муллы, бородатые чалмоносцы, бешено вопят при всяком новшестве, и тракторы, маленькие пока отряды советского железа, с трудом пробивают себе дорогу сквозь ветхозаветные толщи.

Но в этой борьбе с тысячелетней косностью на стороне советской машины вся молодая, горячая Азия, проделывающая сейчас тяжелейшую дорогу от родового быта к Советам.

Об этом в следующей статье.

Азия без покрывала
Тяжелой гробовой плитой лег ислам на прекрасные народы Азии.

Как солнце и луна, жизнь мусульманина сопровождает коран, сборник откровений Магомета, и шариат, указывающий, как поступать во всех случаях жизни.

Уклонение от шариата есть кюфр, неверие.

Каждый уклоняющийся сейчас же после смерти будет взят в огненный адов переплет.

Ничего не нужно знать и не к чему стремиться. Шариат предусмотрел все, включая способы обработки полей, покррой халата и форму лепешек.

Он убил в мусульманах любознательность, остановил их развитие и создал все страшные язвы: затворничество женщин и многоженство.

Без покрывала, чачвана, ходят только древнейшие из старушек и дети.

Девочка иногда продана уже с младенчества и знает, что у нее есть муж, в рассрочку уплачивающий отцу калым, цену жены.

Мухадам Сали-Хаджаева жила, как все, и даже хуже всех. Отец и мать ее умерли.

Мухадам осталась одна в отстоящем за пятнадцать верст от Самарканда кишлаке Каш-Хауз, и какая-то старуха из кишлака взяла ее к себе на воспитание.

Воспитывать молодую узбечку недолго и несложно.

До и после замужества она остается невеждой. Образование женщины дальше уменья печь нан, хлеб, и тканья маты, грубой и простой платяной ткани, – не распространяется. Они низшее существо, и науки не для нее.

Девочка прислуживала старухе и росла.

Ее черная широкая бровь, милое лицо и персидские глаза возбудили в старухе жадность.

– Мухадам можно выдать замуж! Она стоит много баранов!

Девочка отказывалась, плакала и вспоминала отца.

– Ты у меня и дочь и сын! – говорил отец. – Ты всегда будешь со мной и замуж не пойдешь!

Но старуха думала только о богатстве, которое можно получить за девочку. Тогда Мухадам – розовый, черноволосый ребенок – решила умереть.

У торговца галантереей на кишлачном базаре она купила ртуть и влила себе в ухо.

Голова сразу наполнилась необыкновенным шумом. Густая боль засела в черепе. Кругом всё смолкло.

Это ей только казалось. По-прежнему скрипели арбы, шумела падающая вода и кричал разгневанный вечной работой ишак.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Мухадам всего этого не слышала от шума в ушах. Вечером она легла спать, зная, что больше не встанет.

Однако утром она проснулась живой и здоровой. Во время сна ртуть вылилась из уха на постель.

Старуха снова заговорила о женихе.

Мухадам хотела броситься в хауз, но стало уже поздно. За ней следили: калым не должен был утонуть.

В кишлаке был клуб, но пойти туда оказалось невозможным, старуха не спала дни и ночи, всё следила.

Мухадам терпеливо ждала, и в один из дней ей удалось выбежать из дому.

Чем может кишлачный клуб, настоящий советский клуб, без денег и даже без скамеек, помочь глазастой девочке, которая решила жить иначе, чем живут женщины ее племени?

– Мухадам, иди в Самарканд, – сказали ей в клубе. – Там есть женские курсы.

И Мухадам, мужественное дитя, пошла пешком по дымящейся дороге в Самарканд.

Всю дорогу она плакала и спрашивала, где женские курсы.

Вечером, когда сторевшее солнце свалилось в пески, Мухадам прошла затихающий базар, много замощенных кирпичом тротуаров и вошла в белый одноэтажный дом, занимающий угол Ленинской и Катта-Курганской улиц.

В этом доме помещается одна из любопытнейших школ в мире. Это – центральные узбекские курсы ликвидации неграмотности при Наркомпросе Узбекистана.

Все ученицы этой школы, рассчитанной на то, чтобы в девять месяцев сделать из них учительниц по ликбезу, пришли сюда из кишлаков, и биография каждой из них не легче биографии Мухадам, теперь прилежнейшей ученицы.

Покрывала Мухадам уже не носит, и можно увидеть ее чудесные глаза, еще красные от плача на самаркандской дороге.

Но среди женщин, пришедших сюда из Ферганы, Хорезма, Кашка-Дарьи и долин Зеравшана, чтобы научиться жить по-советски, самой удивительной представляется жизнь Майрам Шарифовой, или, как зовут ее в школе, «русской Маруси».

Маруся, русская девушка, жила в девятнадцатом году в Оренбурге и, спасаясь от голодной смерти, вышла замуж за таджика Шарифова.

Венчаться пришлось по мусульманскому обычаю. Это не показалось страшным.

Мулла преподавал Марусе необходимое наставление, на полу разостлали дастархан – цветную скатерть, заставленную угощением, пришли гости.

Потом мулла развернул Коран над чашкой чистой воды, прочел что-то непонятное, и венчание кончилось. Гости съели плов и ушли.

В Оренбурге Маруся прожила с мужем два года. Жила, как жила прежде, то есть была совершенно свободна, имела знакомых, бегала с открытым лицом на базар за продуктами, изредка ходила даже в кинематограф.

В двадцать первом году решено было поехать в Ташкент, к родителям мужа.

Их встретили очень ласково, но уже вечером муж завел длинный, путаный разговор, из которого Маруся поняла одно:

– Родители требуют надеть покрывало.

– Я этим ситом из конского хвоста лица не закрою!

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

– Не надо раздражать отца. Мы не на всю жизнь сюда приехали. Надень чачван. Через два месяца мы уедем в Россию. Будешь ходить как прежде!

Маруся была ошеломлена, но в чужом городе уйти не к кому. – Потом, только на два месяца!

Она согласилась. Ее нарядили в длинное платье и пестрые шаровары до щиколоток, расплели косу на множество косичек, подарили чачван и серую паранджу.

Двухмесячный срок оказался басней. Даже через пять месяцев они никуда не уехали. За это время Марусю (теперь ее уже не звали иначе, как Майрам) энергично мусульманизировали.

Ее обучали языку и обрядам. А когда она упрячилась, приходил муж и заводил свою шарманку:

– Не раздражай отца! Мы скоро уедем!

В это время Марусю уже нельзя было отличить от настоящей мусульманки. Она научилась скромно и медленно, прижимаясь к глиняным заборам, ходить по улице, дома приготавливали нитки, красила их, ткала мату и, по обычаю, ни одно дело не начинала, не сказав вполголоса:

– Бисм-илля ар-рахман ар-раим! (Во имя Бога милостивого, милосердного.)

Каждый день Маруся ждала и требовала отъезда. Но на шестой месяц ее жизни в Шайхантур пришло самое худшее.

Муж заявил, что ему надо жениться второй раз.

В четырнадцатом году, когда его как таджика взяли на военную, окопную работу, он в городе Ура-Тюбе оставил невесту. Она ждала его семь лет.

– Я должен жениться, чтобы не опозорить семьи. Я этого не хочу, я уеду в Россию. Но это будет позор.

Все семь лет старый Шарифов по три раза в год нагружал на арбу пудовый котел горячего плову, двести пятьдесят лепешек в корзинах и голову сахара. Яства покрывались куском шелка на два платья, и арба торжественно, чтобы все видели, отвозила подарки родителям невесты.

Теперь старик пришел к Марусе-Майрам и стал просить ее не мешать мужу жениться вторично.

И как это ни странно, Маруся согласилась. Ей стало жалко семь лет ждавшей невесты.

– Может быть, она его видела в лицо и любит. Делайте как хотите. Но я в Ура-Тюбе не поеду. Пусть она приедет в Ташкент и здесь живет.

Но Маруся-Майрам, сама того не замечая, уже катилась вниз и на всё соглашалась.

Когда муж женился и вторая жена отказалась ехать в Ташкент, Маруся не нашла в себе силы возражать и поехала в Ура-Тюбе.

Хайронисо, вторая жена, встретила ее словами:

– Это наша судьба. Примиримся с нашим положением.

Четыре года обе женщины жили как сестры, но жизнь в затворничестве стала Марусе невмоготу.

Она узнала, что брат ее служит красноармейцем в Полторацке, и написала ему. Брат примчался и, увидев сестру, был потрясен.

Перед ним была мусульманка – женщина, полузабывшая русский язык.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov
Он уговорил сестру пойти в женотдел. С этого началась обратная дорога Маруси в мир живых людей.

Муж разрешил ей ходить в школу ликбеза, но умолял чадры не снимать. Она ходила туда под покрывалом с мальчиком-проводником и окончила ее в два месяца.

Женотдел несколько раз посылал ее заседательницей в народный суд.

На собрания родители мужа ходить ей не позволяли. Тайно от всех Майрам подала заявление о приеме ее в партию.

На заседании восьмого марта двадцать пятого года, в международный день работницы, на первом вообще собрании, в котором она была, женотдел передал ее в партию, и впервые за шесть лет Маруся открыла лицо, чтобы большими глазами посмотреть на новый мир.

Дома всё пришло в смятение. Отец мужа ушел из дому. Его братья вопили о позоре. Сам он молчал. С семьей пришлось порвать навсегда.

Теперь Маруся в самаркандской школе. Она узнала всю тяжесть [жизни] мусульманки и, когда кончит школу, пойдет работать в кишлак, чтобы освободить порабощенную женщину.

Энвер-басмач

Пять верст ходьбы по Каршинской дороге от Самарканда до кишлака Ходжа-Ахрар проходит среди подземного рычания кишлачных собак. Для злости им обрезают хвосты и уши.

Вход в кишлак загораживает четырехсотлетняя мечеть святого [У] байдудла-Ахрара.

Святой имел весьма чувствительное к страданиям бедняков сердце и въезжал не иначе как на коне с золотыми подковами на деревянных шипах. Драгоценные подковы, естественно, спадали на первой же версте и подбирались нищетой.

Можно было бы, конечно, найти более разумный способ распределения своих богатств.

К тому же святой без свиты не въезжал, и трудно усомниться в том, что на деле с подковами зарабатывали только свитские бородачи.

Но слава благодетеля за Ахраром осталась. Каждую пятницу сюда на молитву стекается вся окрестность.

Сегодня пятница. Верующие прибывают одиночным порядком на ишаках и целыми арбами. По случаю скопления местный базар развернул под балконом волисполкома все свои прелести.

Торгуют гляцевитыми огурцами, величина которых испугала бы европейца, жареным в бараньем сале горохом и мороженым из скобленного льда, политого виноградным соком.

Красная чайхана у базара вся залеплена плакатами. Из них некоторые смогут смутить даже человека бывалого. Среди прочих красуется там плакат военного займа 1916 года.

Но диковиннее всего большое, висящее на самом виду объявление о подписке на журнал «Вестник мелкого кредита» за 1913 год с портретом князя Васильчикова – «человека, оказавшего делу мелкого кредита большую пользу».

Из мечети донесся равномерный зов муллы, и толпа не спеша стала проходить в мечеть через узкую боковую калитку. Вход в мечеть загорожен толстым, висящим на железных кольцах бревном. Это для того, чтобы в мечеть случайно не забрела корова.

Базар на время затих.

В красной чайхане шум и смех не прекратился. Молодые в мечеть не пошли. В кишлаке сорок комсомольцев и два десятка пионеров. Но еще ни одна женщина в

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov Ходжа-Ахрар не сбросила покрывала.

Базарная нищенка и та сидит, наглухо завернутая в свои тусклые тряпки. Над ней самодельный зонтик, сложное сооружение из мешка, натянутого на скрещенные палочки. Вне тени в Азии нет жизни.

Молящиеся засели у круглого водоема, хауза. Там они разостлали свои коврики и принялись все разом отбивать поклоны под усыпляющий речитатив муллы, ослиный рев и грудной смех жаб. Тут же на скорую руку примостился продавец. Медный поднос с карамелью он поставил в траву.

На цветную, мотающуюся в молитве толпу с крыши мечети равнодушно смотрел пионер.

С неба напирало вечное солнце. Тяжеловесный жар в полчаса разогнал молящихся. Мы пошли в гости к таджику Абду-Гани.

Его сад занимает полтора танапа (это одна пятая десятины) и полон оздоравливающей прохлады.

Абду-Гани платит два с половиной налога за танап и, кроме того, водный налог. Этот налог идет на поддержание в исправности сложной и многочисленной сети оросительных каналов, арыков. Вне воды в Азии нет жизни.

Со своего крохотного, в три четверти танапа, поднятого на дуги виноградника Абду-Гани снимает в хороший год 40 пудов винограду. Цена ему пятак за фунт.

Если сушить виноград на кишмиш, то можно выручить немного больше денег, но на весь год все равно не хватает.

Поэтому Абду-Гани зимой идет на строительные работы. Он мастер и умеет строить ветхозаветные глиняные коробочки, в которых здесь живет почти все коренное население.

В тени тутового дерева (из миниатюрных его плодов русские научили узбеков гнать самогон – напиток не столь приятный, как крепкий) Абду-Гани расстилает палас (палас?), угощает огурцами, персидскими абрикосами и светло-красной вишней.

Он первый ест посыпанный розовой каменной солью огурец и выпивает первую чашку чаю. Это пережиток старой старины: гости могут убедиться, что пища не отравлена.

В саду спокойно и тихо – блаженная тишина и блаженный холодок. А неделю тому назад в кишлаке были басмачи и убили двух узбеков.

В Восточной Бухаре басмачи были еще до революции. Беки, неограниченные властители в своих владениях, доводили свой произвол до того, что многие дехкане бросали землю и жили грабежом.

После революции в России и образования на Ташкентской дороге знаменитой «Оренбургской пробки» вывоз из Средней Азии хлопка, каракуля и всякого сырья почти прекратился. А вывозом этим, в обмен на хлеб и металл, Азия жила.

Не стало расчета производить – вывозить было некуда, и дехканское хозяйство быстро начало разрушаться и беднеть.

Гражданская война разрушение это усилила. Муллы и богачи в кратких словах объяснили разоренному крестьянину, что всему виной большевики.

Агитация подкреплялась деньгами бежавшего в Афганистан эмира Бухарского и незамысловатыми уверениями в том, что советская власть «всех сделает русскими».

Движению не хватало только вождя – и он появился.

Это был Энвер-паша, великий честолюбец, мастер турецких дворцовых переворотов, оставшийся не у дел после поражения Турции, вовлеченной им в международную войну.

В двадцатом году безработный авантюрист приезжает на съезд народов Востока в Баку.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Скороспелого революционера съезд, хорошо помнивший его карьеру, встретил очень холодно, а председатель съезда Т. Зиновьев лишил его голоса. Пожив недолго на Кавказе, Энвер поехал гостем в Бухару.

Гостем он был там три дня. На четвертое утро Энвер с тремя своими спутниками-турками выехал «на охоту».

Он сплотил вокруг себя все басмаческие шайки под лозунгом «Изгнание всех европейцев».

Но настоящее лицо честолюбца обнаружилось сразу. Энвер обратился к РСФСР с предложением признать его главой бухарского государства.

За это он обещал прекратить борьбу и даже создать из мусульман армию для войны «за общие», одному ему известные «цели» на Востоке.

На личной печати Энвера была выгравирована надпись:

«Главкомандующий всеми войсками Ислама, зять Калифа, наместник Магомета».

С первыми удачами Энвера эмигранты бросили осторожность. Во всех занятых басмачами местах немедленно водворился старый порядок. Это понемногу стало раскрывать глаза дехканству на «наместника Магомета и зятя Калифа», и поворот в настроениях был очень быстр.

От Энвера не осталось ничего. Советские отряды вытолкнули его из пределов Средней Азии.

Небольшие шайки, работающие теперь, даже не притворяются защитниками ислама. В это никто не поверит. На опыте все поняли, что такое теперешнее басмачество:

Коммерческое предприятие, трусливый бандитский грабеж.

1925

Бебелина с Лассалиной

Иногда из провинции в столицу доносится дикая весть о том, что какое-то новорожденное дитя назвали Табуретом или Вьюшкой.

До сих пор нельзя было понять, кто это наущает несчастных родителей на такие штуки. Теперь все ясно. Делает это С.-Западное Обл. Промбюро, выпустившее календари с совершенно комическими святцами.

Вот имена, рекомендуемые Промбюро:

Атеос (наивное Промбюро думает, что это понятное имя), Атом, Бебелина (старались в честь Бебеля, а получилась Бобелина – какая-то «Королева греческая»), Рура, Солидар, Декрета (если не понравится, есть в другом роде – Декретина).

Засим имеется подходящее имя для девочки – Лассалина (просьба от Промбюро не путать с Мессалиной, женщиной явно не марксистского поведения).

Потом идет Плехан. Есть, впрочем, и Плехон. Кто такой Плехон, не указано.

Пропускаем бесчисленное множество Пестелин, Металлин, Кинталин и Текстелин. Переходим к именам совершенно ослепительным:

Васко (отнюдь не «Васька») дается 20 мая в честь открытия Васко да Гамою пути в Индию, Фарада (в честь ученого Фарадея), Урица, Пика, Коллекта, Агителла, Бреста и так далее и далее.

Кому нужна эта стряпня? Для кого и для чего заготавливаются эти «имена»?

1925

Ромео-Иваны

Дорогой друг, в Англии, нашем отечестве, совсем не представляют себе, как необыкновенна Москва и до чего здесь любят Шекспира.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Недавно в Малом театре я смотрел одну из лучших его трагедий – «Иван Козырь и
Татьяна Русских».

У нас она идет под старым названием «Ромео и Джульетта». И здесь Шекспир вообще
потерпел значительные изменения. Он переименовал фамилию и называется г. Смолин.

Кроме того, москвиты уже не называют его сочинение трагедией. По крайней мере,
выходя из театра, я слышал восхищенные, как видно, возгласы:

– Какая халтура! Удивительная халтура!

Конечно, изменилось и содержание трагедии.

Монтекки и Капулетти, как следовало ждать от столь буржуазных семейств, больше
не враждуют. Обе фамилии, нацепив на себя визитки и штучные брюки, совершают
прогулку на океанском пароходе.

Борьбу они ведут с низшим сословием парохода – кочегарами и командой. Эти люди
вполне уместно введены г. Смолиным, так как Шекспир этого сделать не мог из-за
отсутствия в его время пароходов, а равным образом и лиц, их обслуживающих.

Красный Ромео-Иван с самого начала ведет себя вполне сознательно и гораздо
лучше, чем во времена Ренессанса.

Он получил от г. Смолина поллитровку. Не хочет защищать капитана пароходчиков
под фирмой «Монтекки и Ко» и тайным образом, тем же пароходом, возвращается на
марксистскую родину.

Попутно он освобождает от капиталистического общества Красную Джульетту, Татьяну
Русских. Девица, избавленная от весьма позорных перспектив, очень обрадована.
Оба решают спастись.

Однако здесь г. Смолин получает сильный отпор. Как ни старался он уйти от
влияния нашего великого Шекспира, ему это не удалось.

Шекспир побеждает. Иван-Ромео и Красная Джульетта спастись не могут, и целый акт
идет без участия г. Смолина, силами одного Шекспира.

Красная Джульетта принимает порошок, делающий ее на некоторое время покойницей.
Ее кладут в морг. Ромео-Иван в ужасе бежит туда. Желая застрелиться.

Тут г. Смолин делает адское усилие, и Красная Джульетта просыпается прежде, чем
несчастный Ромео-Иван успеет лишиться себя жизни.

Шекспир злобно кряхтит, а необыкновенные любовники образца 24-го года спасаются
через люк.

Тут же выползают не предусмотренные Шекспиром кочегары, и при свете красных
огней подвергают фамилии Монтекки и Капулетти полному раскассированию.

Все же, дорогой друг, я очень благодарен г. Смолину и терпеливо ожидаю при его
помощи увидеть также «Отелло» и «Венецианского купца» и все прочее, сочиненное
нашим великим драматургом.

Ваш...

1925

Драма в нагретой воде

Кинофельетон

Поручик с умеренно злодейской наружностью и добровольческим трехцветным
угольником на рукаве бродит по вестибюлю первой кинофабрики. Сегодня режиссер
Роом снимает сцены затопления парохода для своей «Бухты смерти». Темное
бархатное лицо поручика изображает готовность совершить некоторые подлости.

Но ему еще рано. Сперва будут затоплены паровой коридор и каюта.

Для этого в ателье сооружены две огромные ванны из листового железа. Они
настолько велики, что в одну из них целиком вставлен длинный коридор морского

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov парохода, а в другую – каюта.

– Лифшиц, крысы готовы? – спрашивает Роом.

Традиционно бегущие с корабля крысы не готовы. Лифшиц комически взволнован.

– Вся грязную работу делает Лифшиц! Красить крыс должен Лифшиц!

Дело в том, что крыс достать не успели. Пришлось купить мышей, да еще белых. Теперь, для большего сходства с крысами, их надо перекрасить в серый цвет.

Пожаловавшись на судьбу, Лифшиц берет горстку сажи и уходит на свою странную работу.

Сухое и мокрое

– Сначала сыграем сухие сцены. Потом мокрые.

Всё готово. Актриса Карташева сняла жакет и распустила волосы. С аэропланном гуденьем зажглись и потухли прожектора. Свет проверен. Оператор приготовился. Двум солдатам из посредрабиса внушено, что они должны снести Карташеву в каюту. Солдаты приготовились.

Идет репетиция. С верхней площадки раздается голос Карташевой:

– Что, я без чувств?

– Вроде.

Актриса мигом закрывает глаза и болезненно опускается на руки солдат в суконных погонах.

– Приготовились! – кричит Роом. – Начали! Взяли! Понесли! Елизавета Петровна, глаза у вас закрыты! Так! Левая рука опущена! Товарищ солдат, головой вносите ее в дверь, а не ногами. Стоп! Еще раз!

Репетируют второй и третий раз, но у одного из солдат движенья по-прежнему нехороши, а лицо беспомощно-напряженно, будто он играет на большой медной трубе.

Когда сцена снята, Роом заинтересованно спрашивает его:

– Скажите, вы актер, электротехник или монтер?

– Я музыкант! – раздраженно отвечает солдат из посредрабиса.

Крысы

– Очистить коридор! Где крысы?

В клетке приносят перекрашенных мышей. Их только три.

– Больше нельзя. Все пальцы перекусили. Прокусывают кожаные перчатки.

Клетку ставят на пол.

– Пускай первую!

Мышка осторожно вылезает из клетки. Но напрасно Роом кричит свои «приготовились, начали, пошли».

Мышь испугана невыносимым светом и не движется с места. Даже подпихивания палочкой не действуют на нее.

Тогда всё ателье, все монтеры, все белогвардейские солдаты, матросы, дежурные, рабочие и сам злодейский поручик в золотых эполетах начинают мяукать, шипеть и всячески пугать бедную мышку.

Один лишь оператор остается спокойным. Он стоит на небольшом ящике у аппарата и ждет.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
– Пошла!

Робко побежавшая мышь вызвала всеобщее сочувствие. Ее снимали крупным планом. На экране она будет большая и жирная.

Потоп

К ванне, в которой помещается коридор, вода подается шлангом из водопровода. Пар для согревания воды идет по железной трубе, выведенной в ванну от парового отопления.

Медленно, спокойно и неотвратно, как в настоящем несчастье, вода заливает пол. Светлые тени бегут по стенам пустынного коридора.

Это герой картины Раздольный открыл кингстоны белогвардейского парохода. Предполагается, что в одной из кают лежит без чувств Карташева. Спасать ее будет Раздольный.

Нагретая вода залила коридор выше колен.

– Давай волну! Сначала будет спасаться команда!

Сбоку, невидимо для строгого глаза аппарата, досками взбалтывают воду. Сцена идет без репетиции. Репетировать в воде, к крайнему сожалению для режиссеров всего мира, невозможно.

– Свет! Приготовились! Первый, второй номера в воду.

Статисты храбро низвергаются в пучину и бредут в тяжелой, блистающей, как олово, воде. Они выдирают друг у друга спасательные пояса, показывают всю низость человеческой природы в минуту смертельной опасности, они поднимают своим барахтаньем океанские волны и спасаются вверх по мокрой лестнице.

Возвратившись назад и извергая из сапог, рта и носа струи теплой воды, они снова бросались в коридор и снова честно утопали.

Эти сцены сделаны были очень хорошо.

Борода в воде

– Приготовились! Пошел, Василий Ефремыч. Бороду только не замочи. Так, так! У двери стучи!

Увешанный пробками, Раздольный ищет героиню.

Она в это время уже очнулась и, ужасаясь, видит воду, бьющую сквозь двери в каюту. Сюда должен ворваться Раздольный, чтобы спасти героиню.

Но эта сцена будет снята позже. Потому что вода занята в коридоре и переливать ее в каюту будут только после того, как в коридоре всё кончится. А сейчас Карташева считается уже спасенной, и могучий Раздольный уносит ее на своих голых плечах.

Бороду свою он все-таки замочил, и в то время, как пожарные перекачивают воду в каюту, Раздольный сушится у юпитера.

Вольтова дуга пылает, и борода дымится. По углам ателье матросы спешно сбрасывают с себя промокшее и отяжелевшее платье.

Прожектора поворачиваются и заливают неумолимым светом каюту. Они тухнут только после сцен в утопающей каюте.

В этот день ателье работало подряд шестнадцать часов.

1925

Неразборчивый клинок

Для постановки картины «Дороти Вернон» американцы соорудили настоящий средневековый английский замок.

Картину засняли, и она пошла гулять по экранам. А замок остался. Разрушать его

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov было жалко. Кроме того, пропадали напрасно аршинные парики, башмаки с пряжками, ленты, банты и прочий исторический шурум-бурум.

В результате – еще одна историческая картина из времен борьбы английского парламента с королем, разыгранная в том же замке: «Клинок Керстенбрука».

Замок, специально приспособленный для картины, был хорош. Сценарий, специально приспособленный к замку, – менее удачен. Получилась картина, светящаяся отраженным светом.

Никакой такой борьбы парламента с королем, конечно, не было.

Просто на экране суеилось множество джентльменов в нарядной сбруе, в париках и кружевах. Все они находились в сложном, но для зрителя очень скучном родстве между собой.

К половине картины некоторых джентльменов поубивали, и экран немного расчистился. Тогда выяснилось, что Керстенбрук – защитник парламента. До этого он смахивал просто на неистового дуэлиста.

Ричарду Бартельмесу, способнейшему актеру, делать было нечего. Сценарий давал работу только клинку. И шпага Бартельмеса работала вовсю.

Режиссер злоупотреблял крупным планом. Но, по правде сказать, смотреть в этом плане такое мужественное и выразительное лицо, как у Бартельмеса, было приятно.

Не убили Бартельмеса-Керстенбрука в этой картине только потому, что он главный герой и без него пришлось бы кончить дело много раньше.

Зато его мучили, избивали и оковывали цепями.

Это становится постоянным амплуа Бартельмеса. Он всегда, кажется, играет мужественного страдальца.

Хороши в картине пейзажи, зеленые луга и поляны «старой Англии». Но всё это – вместе с париками и водевильной «борьбой» – взято напрокат из «Дороти Вернон» и в прокате изрядно попорчено.

Кстати, так и осталось неизвестным, чем же кончилась «борьба парламента с королем». Ибо всякая борьба прекратилась, как только «их уста слились в поцелуе».

Трафарет вступил в свои права.

1925

Компот из Мери

– Нам не надо компота из слив!

Это было сигналом к возмущению приютских детей.

Они плевали в компот, выливали его на пол и танцевали на тарелках. Детей всегда кормили компотом из слив, и он очень им надоел.

Сильнее всех шумела зачинщица детского бунта в картине «Найденыш Джуди» – Мери Пикфорд.

Начальница приюта была чрезвычайно неприятно поражена.

Но мы, зрители, сочувствовали:

– Правильно, Мери! Долой всякий компот!

Мы ведь тоже любим бунты.

Тем хуже было нам на «Двух претендентах». Компот подавался там в каждой из десяти частей картины.

Обычно Пикфорд играет две роли в последовательном порядке.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Вначале – нежную и строптивую замарашку, а под конец картины – девицу, успевшую в антракте между пятой и шестой частью получить прекрасное воспитание в английском вкусе.

Это воспитание почти всегда портило Мери. Она скучнела.

Но человеку естественно расти даже на экране. Зритель вспоминал короткие клетчатые халатики Мери-замарашки, но все же примирялся с длинными платьями Мери-девицы.

В «Двух претендентах» Мери ведет свои роли в несколько необычном порядке, и поэтому в картине оказалось множество заколдованных кадров.

Пикфорд одновременно играет мать и сына.

Делается это, кажется, очень просто. На левую половину ленты снимается мать. Затем она переходит на правую сторону и, соответственно нарядясь, играет сына.

Но подойти к себе самой ближе, чем на аршин, Мери, конечно, не может. И получились замороженные сцены.

Мальчик ретиво бежит целоваться с матерью, но за шаг от нее застывает.

В одной половине кадра нежно разводит руками Меримама, а Мери-мальчик опасно бродит в отведенной ему части.

Когда же они обнимаются, то кто-нибудь из двоих стоит спиной к зрителю.

Если спиной мама, значит, мама поддельная. Если спиной сын, то сын этот фальшивый.

Все сцены игры Мери с самой собой призрачны и просто неестественны.

Такое совместительство страшно мешает игре. А как это надоедает, и передать невозможно.

Двухчасовой компот из двух Мери.

Прделана вся эта неумная комбинация для того, чтобы поразить зрителя сходством сына с матерью.

Сходство получилось поразительное. Даже нечеловеческое какое-то, слегка пугающее.

Логическим следствием всего этого была бы новая картина, где Пикфорд будет играть сразу бабушку, мать и дочку. Надеемся, что это не случится.

Играет же Мери по-прежнему превосходно. Причем Меримальчик во много раз лучше Мери-мадам.

У матери положение драматическое, что вообще Пикфорд удается слабо. Только один раз лицо дамы показало разнообразные, трогательные чувства.

Посланец мерзкого старика – лорда Уэрделя требует сына в Англию. Тяжесть минуты усугубляется еще тем, что на кухне горит жаркое. И дама жалко улыбается, теряя в одно время сына и дешевый обед.

Настоящего мальчика из Пикфорд не вышло. Вышла переодетая девчонка.

Она прекрасно дерется, но мальчики так не дерутся. Для этого у Мери слишком много злости. Прежде чем ударить своего врага, она с минуту прыгает от ненависти. Юные озорники мужского пола так не делают. Они бьют сразу.

Поскольку мнимый мальчик не мешал самому себе (появляясь в образе мамы) и мог свободно бегать по всему экрану, он сделал все, что полагалось не в меру сентиментальным сценарием.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдovich Ильф ilfandpetrov Смягчал сердце черствого лорда, водил дружбу с немьтыми деревенскими детьми (жадные ребята, приглашенные на паштет в замок, съели даже розу, предварительно посыпав ее перцем), вырывал себе зуб веревочкой и в конце концов с помощью своих американских друзей – бакалейщика, торговки яблоками и чистильщика сапог – на радость свободолюбивым американцам сделался прямым наследником лорда.

Монтажер, пользуясь тем, что в начале картины лорд Уэрдель имеет злобный вид, пытался было сделать из него феодального демона и угнетателя землеробов.

Этого, пожалуй, не стоило делать. Старик под благотворным влиянием Мери быстро подобрел, даже плакал иногда, даже играл на губной гармонике.

Вообще, ясно стало, что такой старик мухи не обидит. И надпись, возвещавшая о жестокостях феодала, пропала даром.

1925

Великая плакса

Алина плакала лучше и трогательней всех на земле.

Фирмой она была законтракована на роль плаксы, с обязательством проливать слезы не мене чем в трех картинах за год.

Глава фирмы говорил, что такого доброкачественного навзрыда он еще не видел.

Даже когда вконец уже исцарапанную и драную ленту вертели в каком-нибудь замороженном Архангельске, и тогда вид плачущей Алины производил свое обычное действие.

Разница была только в том, что чикагский или парижский зритель взволнованно сморкался в платок, а архангельский, по некультурности и приверженности к старому быту, обходился без платка.

На всех экранах мира мерцали влажные глаза плачущей Алины, к трижды прославленной плаксе валила публика, слава и много денег.

Поэтому удивление было велико, когда Алина забросила свое щемящее душу ампула.

Причиной была небольшая война, миниатюрная, так говорили, боевая прогулка с целью укрощения каких-то негритосов.

Или эскимосов.

Точно, в конце концов, никто не знал. Великая держава удовольствовалась тем, что решила победить, а кого – это уже не было так важно.

Как раз в эти бряцающие дни работа на фабрике застопорилась. Великая плакса заболела.

Глава фирмы на взбешенном автомобиле летел к ней через весь город. И, понурясь, мчался назад во весь опор.

– Плачущая Алина четвертый день дохнет от головной боли и играть не может.

Фабрика оцеплена. Операторы ходили, засунув руки в карманы, прекраснейшие солнечные дни пропадали, статисты валялись на конторских диванах и почему-то требовали сверхурочные.

Деловое сердце главы фирмы разрывалось.

– Через два дня, – говорил глава, – я буду плакать лучше, чем Алина.

Он был из Нью-Йорка и любил сильные выражения.

Но через два дня великая плакса не выздоровела, и для главы фирмы настали подлые времена: он нес убытки.

Между тем будущие покорители негритосов или эскимосов все эти дни грузились в порту.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

От резких звуков военной музыки солдаты холодели. Барабанная осыпь наводила на мысль о смерти и раздраженных, без всякой охоты покоряющихся негритосов.

Но пока трубы скрипели и нагло подсвистывали флейты.

Даже глава фирмы остановил на минуту свой неудержимый мотор, чтобы полюбоваться зрелищем.

И тут он увидел то, что долго потом называл:

– Мой якорь спасения!

Глава всегда находил подходящие слова.

Он прыгнул из мотора и обратился к «якорю» с ошеломительной фразой:

– Сколько раз в неделю вы сможете плакать, как сейчас?

Молодая женщина изумленно подняла свои залитые слезами глаза.

– Кекс и Кокс! – ободряюще воскликнул глава. – Кинематографическая фирма. Предлагаю контракт на годовой плач.

– Моего мужа взяли на войну! – ответила женщина. И снова заплакала.

Глава фирмы был деликатный человек. Он обождал минуту и заметил:

– Вы чудно плачете. Нам не надо теперь никакой Алины. Наша фирма специально для вас напишет сценарий из военной жизни.

Конечно, этот сценарий был написан, и жена невольного покорителя негритосов сделалась новинкой фирмы Кекс и Кокс. Тут играли роль деньги. Ими соблазнили солдатскую жену.

Впрочем, Кекс и Кокс были мудры, как змеи. Они источали из своей новинки много рвущих сердце слез и мало платили.

Солдатской жене упреков делать не приходилось. Она прекрасно и много плакала. У нее были основания для этого: война с негритосами продолжалась.

Когда исцелившаяся и кое-что знавшая о положении дел Алина явилась на фабрику, лысина главы фирмы сразу приняла ледяной оттенок. Двух плакс было слишком много для благоденствия фирмы.

– К тому же, – заметил глава, – ваше амплуа уже занято.

– Хорошо! – сказала догадливая Алина. – Я меняю амплуа.

Кекс и Кокс насторожились. Это были кипучие и падкие на идею люди.

– Я заставлю людей плакать от смеха.

– Попробуйте.

Она попробовала. И сделала это так, что через неделю глава фирмы (он умел облекать свои мысли в нужные слова) изрек:

– Совершенно верно! Зачем заставлять людей плакать от горя, если они могут плакать от смеха? Совершенно верно! Наша фирма будет ставить только комические пьесы. Притом публика и так угнетена затянувшейся войной с этими негритосами или эскимосами.

Затем глава фирмы призвал в свой кабинет жену покорителя негритосов.

– Ваши слезы уже несозвучны. Люди устали. Вот если бы вы могли что-нибудь комическое! Двух звезд наша фирма не выдержит. Если вы можете смеяться и веселить лучше Алины, то мы оставим вас у себя.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Молодая женщина посмотрела на главу фирмы и тихо ответила:

– Смеяться? В этой стране меня выучили только плакать. А смеяться мне не приходилось! Я не умею смеяться!

1925

Улица на просмотре
Кинокартину зритель видит дважды.

Второй раз он видит ее за деньги, всю сразу – с музыкой и надписями – на экране. Первый раз – бесплатно, зато только сцены, снимаемые на открытом воздухе.

Так как кинематографическое «районирование» России уже совершилось, то житель Винницы видит только инсценировки еврейских погромов, одессит – только девятьсот пятые годы, ленинградец – только девятые января.

Любовно-драматические сцены снимаются в Москве, преимущественно на Каменном мосту.

Бесплатного и занимательного зрелища сколько угодно.

Из ворот большого и официального здания на Красной площади выходит кинооператор. Его сопровождает целая свора черносотенцев. Позади всех важно ступает городовой.

Вид его немедленно вызывает у прохожих сердечный смех. На городовом – всё в порядке. Красные шнуры, лакированная кобура. Нормальный царский городовой.

Бородатый черносотенец вежливо осведомляется у режиссера:

– Палки брать будем? Стекла бить.

Вся банда отправляется громить рабочую потребительскую лавку для картины «Машинист Ухтомский». Стекол сегодня бить не будем (вчера уже повыбивали), но палки взять надо. Пригодятся.

Орава рассаживается в грузовики.

– Стоп! Где студент и курсистка?

Хилый студент в зеленой шинели и курсистка торопливо лезут в грузовик. Лица их мрачны. Палки припасены, кажется, про них. В хорошей картине студентов полагается избивать.

Машина мчится к Бутырской заставе и останавливается у лавчонки. Лавочку громили еще во время вчерашней съемки. Сейчас будут грабить.

– Вывеску!

На фасад вешают вывески с надлежащими для девятьсот пятого года «ятями» и твердыми знаками.

Сцена маленькая и нетрудная. Главная беда – в нахлынувших со всех сторон любопытных толпах.

Наконец приготовились и начинают.

Из разбитой лавчонки выбегают громилы. Они суетливо делят между собой толстые колбасы, какие-то галеты и папирсы.

Городовой умиленно созерцает.

– Появляется студент! – кричит режиссер.

Студента бьют по шеем. Курсистка спасается бегством. Черная сотня выбивает оставшиеся еще целыми стекла.

На звон погрома и крики режиссера сбегается вся Ново- слободская улица, хохочет,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov соболезнует, во всю глотку делает свои замечания.

Сцена повторяется еще и еще раз. Студента снова и снова берут в кулаки.

Репетируют следующие сцены.

Очень холодно, мороз отбивает память, но толпа не расходится до самого конца.

Подобная съемка в рабочем районе вызывает интерес к кино больший, чем самые широковещательные афиши. А понятие о девятьсот пятом годе дает не худшее, чем полдюжины лекций на эту тему.

1925

Убитые, ползите в сторону!

Для картины «Машинист Ухтомский» одной из московских кинофабрик понадобилось снять прием Николаем II в своем кабинете знаменитого расстрельщика полковника Мина, а также ряд других эпизодов, разыгрывающихся в комнатах Зимнего дворца.

Постановщик картины решил для этих сцен декораций не строить, а снимать их в самом дворце.

Вообще говоря, это очень неудобно. В большинстве случаев бывает проще и удобнее строить на кинофабрике любые комнаты, чем ездить в другой город, таща за собой сложные осветительные аппараты, актеров и киносъемщиков.

Тут, однако, победило желание дать картине подлинный исторический фон, и на прошлой неделе маленькая киноэкспедиция выехала в Ленинград.

Сам Ленинград в это время был буквально захвачен кинематографчиками. В городе происходили грандиозные по десять и двенадцать тысяч человек участвующих, инсценировки для картины «9 января».

В Александровском саду стреляли в рабочие толпы, на Мойке конями мяли интеллигентов казаки, по Невскому проспекту во весь опор мчались казаки, с громом прыгала артиллерия, и в специальных вагонах трамвая спешили на съемку дюжины сановников в парадных, шитых золотом мундирах.

Рабочим кабинетом Николаю II служила его библиотека. Это – большая, очень высокая комната, сплошь обшитая дубом в нежилом готическом стиле. В ней стоят рояль, три стола и на маленьком столике – шахматы в особенно молодецком ложнорусском стиле. Книжные шкафы идут понизу и вверх вдоль галереи.

Электротехники экспедиции связались с электрической магистралью дворца и мигом втащили на галерею два переносных прожектора со стеклянными отражающими зеркалами.

– Николай сядет у стола возле камина! – говорит режиссер. – Свет!

Стали пробовать освещение. Свет включили, и два электрических солнца залили угрюмую царскую библиотеку сильнейшим розовым светом. Запылали также вольтовые дуги четырех маленьких прожекторов вокруг стола.

Кинооператор проверил свет и остался доволен.

– Царя!

Полковник Мин уже ходит, стуча огромным набором медалей и крестов на груди, но царь задержался.

– Усы примеряет!

Но вот и царь. Он будто с портрета сорвался. Приглашенные височки, всероссийски известные рыжеватые усы и благосклонный взор. Похож, очень похож! Самодержец всероссийский!

– Похож? – спрашивает он музейных служителей.

Некоторые из них служили во дворце еще при Николае. Они-то уж знают.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

– Вы чуть потоньше будете! – хором отвечают служители.

Пока царя внимательно рассматривает режиссер, служители пускаются в детальное обсуждение.

– Он-то ничего! Веки только у него какие-то припухшие. Вот на прошлой неделе у нас тоже снимали. Вот то был Николай! Этот не может конкурировать.

Впрочем, с тем Николаем никто не может конкурировать.

Это заведующий одним из ленинградских хлебозаводов. Играет он безо всякого грима. У него все свое: нос, лоб, усы, борода. Похож на царя так, что люди, увидевшие его впервые, сначала просто молчат, а после душевно, долго и обалдело хохочут. Такие усы и борода, как у этого заведующего, вырастают только раз в тысячелетие. Он снимается в картине «9 января» и представляет своего рода киноредкость.

– Репетируем! Приготовились!

Нет, не совсем еще приготовились. Безделушки, которыми заставлен царский стол, прикованы к нему проволочками, надо их освободить, не то в картине это будет заметно.

– Потом, нужна какая-нибудь папка для деловых бумаг!

«Каких-нибудь» папок во дворце нет.

– Я вам дам бювар Александры Федоровны! – предлагает заведующий музеем.

Приносят папку царицы и кладут в нее бумаги, имеющие вид деловых. Царь в военном сюртуке садится за стол и пересматривает бумаги.

– Репетируем! Входит Мин.

Резким военным шагом входит тучный полковник. Он трясет густыми эполетами и кланяется.

Короткий разговор о московском восстании и средствах к его усмирению. Николай прихлопнул бювар рукой и «соизволил повелеть»:

– Я поручаю это дело вам.

Сцена эта репетируется три и четыре раза. Затем снимают. Снова входит Мин. Ослепительный свет льется на бледного самодержца, и Мин верноподданно трясет эполетами. Пылают вольтовые дуги, и в тишине потрескивает съемочный аппарат.

Переходят к следующим сценам: в спальне царя и других комнатах.

Между тем как московская кинофабрика работает во дворце, на улицах орудуют ленинградские режиссеры. Спешно снимаются последние массовки для «9 января».

Режиссер Севзапкино согнал в Александровский сад тысячи людей. Кого здесь только нет!

Рабочих играют безработные с биржи. Их так и зовут «биржевики». Две сотни студентов и студенток института истории искусств фигурируют в виде мелкобуржуазной толпы. Наряжены они соответственно.

Дамы в меховых шапочках, в ротондах, вуалях, каких-то боа из перьев. Мужчины носят котелки. Попадается и франт в цилиндре.

Суета и толчея. Идут последние приготовления к сцене расстрела мирной толпы преобразенцами. Офицер в башлыке кричит на военного врача:

– Почему вы в калошах? Военный врач – и вдруг в калошах!

Врач-статист оправдывается:

– Врачам позволяли носить калоши!

Режиссер свистит:

– Ничего, ничего! Не будет заметно. Где дети? Дети, вы взбирайтесь сейчас же на деревья. Вы смотрите на площадь и видите солдат. Радуйтесь. Ура! Ура! Вдруг залп. Тогда вы быстро слезайте с деревьев. Убегайте!

– А падать можно?

Детям съемка – одно удовольствие.

– Никоим образом падать нельзя! Сползайте по моему свистку!

Толпа стоит на панели и смотрит на площадь, куда направляются Гапон и шествие рабочих.

С площади залпы. В первом ряду толпы внезапно сползает наземь студент. Он убит. Толпа приходит в ужас, лезет через садовую решетку и бежит по аллее.

Бегут старушки, путаясь в плюшевых манто. С деревьев быстро валятся дети. Там и сям падают подстреленные. Гремя, падает молочница с бидоном.

– Убитые, ползите в сторону, чтоб не растоптали! – вопит режиссер.

Четыре киноаппарата с разных сторон снимают бегство. Свисток режиссера.

– Назад! Довольно!

Толпа, запыхавшись, идет назад. Убитые и спасшиеся тут же, на месте происшествия, получают свои полтора целковых за массовку.

В три уже темнеет, но из широких окон Зимнего все еще льется лиловый слепящий свет. Там еще снимают последнего самодержца.

1925

Пролазы и ловчилы
Резолюции на полях:

Может пойти как кинофельетон с зарисовками [подпись неразборчива].

Не пойдет. А. К.

В фойе каждого кинотеатра можно увидеть человека с незабвенно-строгим лицом. Это администратор.

Он вечно озирает публику. Лицо его вечно омрачено. Сердце терзается тревожной мыслью.

– Зайцы!

Среди необозримого числа зайцев всяческого рода, среди зайцев железнодорожных, театральных и даже воздушных (недавно на одной заграничной аэролинии был обнаружен первый со дня сотворения мира воздушный заяц; к сожалению, этот феноменальный заяц успел удрать, и его имя останется не известным потомству), кинозайцы едва ли не самые изворотливые.

Вот они быстро-быстро бегут по узкому проходу, который контролерша запирает своим телом. Галдя, немилосердно толкаясь и спеша, они показывают ошалевшей девице билеты и проходят.

Дело сделано. Из кучи в восемь человек билеты показали только семеро, восьмой проскочил без билета. Этот простейший способ применяется только дилетантами.

Можно не устраивать свалки у контроля, можно пройти в кино не особенно спеша, но все же поторапливаясь. Иначе контроль заметит, что билет тщательно подчищен и вместо вчерашнего числа на нем красуется подозрительно чисто отпечатанное число

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
сегодняшнее.

Фальшивые билеты пускают в ход зайцы уже с некоторым стажем. Но и это детский способ.

Зайцы подобного рода – большей частью подростки. Иногда они проделывают немислимые, совершенно кинематографические фортели – пробираются на чердак и через дымовую трубу, как снег, падают на голову администратора.

Оттого-то у него такое незабвенно-омраченное лицо. Борьба с юными зайцами трудна, но еще сложнее битва с зайцами бородами, вполне взрослыми.

В кино на Малой Дмитровке приходил прилично одетый гражданин. Он мычал и показывал знаками, что глух и нем. Голова его тряслась, как у контуженного.

С ним было без числа хлопот. Он писал записки на немецком языке, и приходилось искать чуть ли не переводчика.

В общем он назойливо просил контрамарку. Он выдавал себя за «пострадавшего» немца. Его впустили, чтоб отвязаться.

Потом великий глухонемой пришел во второй раз и снова выклянчил себе контрамарку.

Через минуту администратор вошел в курительную комнату и остановился пораженный.

Великий немой и глухой немец, ничуть не трясая своей контуженной головой, быстро говорил по-русски.

Это было очень неосторожно с его стороны. Мошенник был немедленно наказан. Его извергли из кино и передали в руки правосудной милиции.

К чести кинозайцев можно отметить, что профессионалов среди них мало. Почти все зайцы обретаются еще в детском возрасте и идут на мошенничество только по причине отчаянной любви к кино и столько же – отчаянного безденежья.

Впрочем, страсть к экрану одолевает и взрослых.

Недавно в то же кино на Дмитровке приходил почтенный человек и предлагал администратору совершить обмен:

– Две контрамарки в Малый театр за две ваши.

Ему отказали. Он умолял. Ему снова отказали.

Тогда он стал на лестнице и долго допекал администратора укоряющими взглядами.

Если у этого человека не появятся деньги, то он тоже сделается кинозайцем.

1925/26

Тигрицы и вампиры

Все хотят сниматься в кино. Все считают себя талантами и тащат на кинофабрику свои портреты.

Разницы в возрасте нет. Взрослые приходят сами, детей приводят родители. Женский пол вообще безвылазно циркулирует в коридорах кинозаведений.

Для того чтобы все это скопище не мешало работе, учрежден специальный молодой человек. Он сонно принимает от гениев фотографические карточки и наклеивает их в альбом. В разговоры молодой человек не вступает.

Столь осторожная политика имеет своим следствием то, что гении удаляются, несколько обнадеженные. Их место занимают другие. Новый прием карточек. Альбом пухнет. Результатов же большей частью не получается.

Очень немногие из успокоившихся в альбоме франтов и женщин с чертовским выражением лица ценны хотя бы как натура.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
фабрике нужны лысые, нужны люди тучные или очень худые, пригодится хромоногий,
пригодится все характерное.

Людей студийного образца и вида фабрика не выносит. Особенных способностей ни к кому из них не приложено, а в студийной бородке ничего характерного нет. И портреты их никогда не будут потревожены режиссером, спешно набирающим актеров для своей картины. Ему совсем не то нужно.

– Мне требуется дюжина проституток!

Картина требует женщин развратной наружности. Нужны нахальные, жадные, хитрые лица. Кандидатки одна за другой проникают в логово режиссера.

Он быстро вглядывается и морщит лоб. У кандидатки на редкость милый и порядочный профиль. Режиссера это приводит почти в негодование.

– Голуба, – говорит он, – вы же по внешности голубица, а мне нужны вампиры.

Голубица огорченно уходит.

– Просто уже не могу видеть честные лица, – вздыхает режиссер. – Такая профессия. Где все эти женщины с порочными ртами? Почему сегодня я вижу только ангелов?

Все же, мало помалу, тигрицы и вампиры находят. Их ищут в рабисе, киношколах, среди знакомых и среди незнакомых.

Подбирается удивительный ассортимент лиц, горящих нечистыми страстями. Их пробуют в игре, снимают фото, и только после этого трудная работа собирания «типажа» может считаться оконченной.

Все остальное в том же роде. Если режиссеру надо показать матросов, то он ищет таких людей, которые и без морской формы будут похожи на матросов, – выискивается не просто подходящая фигура, а тип.

Имеется «железный» сценарий. Он уже исправлен, дополнен, урезан, исчерпан, снова дополнен и снова исправлен. Изменений в нем больше не будет.

Установлен календарный план съемок. Все готово, и костюмерная подсчитывает:

– Одна сорочка детская, колыбель одна деревянная, брюки штучные.

И так далее.

Сам режиссер носится по загроможденному постройками ателье. Карманы его подозрительно вздуты.

– Яблоки и пряники. Ничего не поделаешь. Сейчас снимем пробуждение четырехлетней девочки. Можно уже.

Можно. Свет проверен.

– Тогда принесите девицу.

Девицу приносит сама мамаша.

Между прочим, многие мамы и папы быстро вошли во вкус по части оплаты киногастролей своих весьма несовершеннолетних детей и теперь меньше 60 рублей за съемочный день не запрашивают.

– Да мы, может быть, одному Москвину столько платим!

По ужимкам мамы видно, что она считает свое дитя способней Москвина, а сбавляет с запрошенного только из вежливости.

Толстоцекой девочке делают репетицию и мягко показывают, что нужно делать.

– Свет! Приготовились!

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Прожектора и солнца зажигаются с аэропланым гудением. Мощный свет заливает свежестроенную комнату и спящую в люльке девочку.

– Начали! Встань, Ляля! Так, так, молодец! Ну, зевни. Потри глаза ручкой. Зови маму. Мама, мама! Мамы нет, Ляля. Плачь!

Тут девочка, встревоженная необыкновенной обстановкой и ослепительным лиловатым светом, начинает плакать не на шутку.

Раздается великолепный рев. Девочка плачет вовсю.

– Стоп, стоп! – кричит режиссер.

Он бросается к девочке. Задабривает ее яблоком и готов сам рыдать вместе с ней. Но в глубине души он очень доволен.

Плач вышел как нельзя лучше. А все остальное, кроме хорошо снятой сцены, для кинорежиссера кажется безразлично.

Из недели в неделю идет волнение и продолжаются хлопоты. Картина работается полгода и больше. Но вот все сцены сняты. Негатив проявлен и попадает в копировочное отделение лаборатории.

В копировочной темно. Мутно млеют красные лампочки. Копировочная, как некая театральная геенна, имеет только два цвета – черный и красный.

В темноте быстро мигают два квадратных красных глазка аппарата «Дуплекс». На нем печатаются две ленты сразу.

Напечатанная лента во мраке передается в проявочную, наматывается по 40 метров зараз и спускается в ванну.

Из ванны лента выходит оживленной, покрытой бесчисленным количеством отпечатков, и идет в фиксаж.

Водяной душ в промывочной обливает ленту одновременно с обеих сторон. Окрашенные и обсохшие ленты ворохами перетаскивают в разборочное отделение и взвешивают. На фабрике ленты считаются весом.

Монтаж, сборка, склеивание отдельных сцен в длинную пьесу – последняя и сложнейшая операция в кинопроизводстве.

Сцены укорачиваются и вовсе бракуются. Кое-что переснимается совсем. Картина снабжается надписями, просматривается частями и целиком, опять изменяется и склеивается.

Она готова. Ее выдают в прокат.

1925/26

Раскованная борода
Ленинград в смятении.

По Невскому проспекту с треском и песнями проходят роты преображенцев. С Троицкого моста съезжают казаки. Дворцовая площадь оцеплена. Вокруг Александровской колонны, нежно и тонко покрытой инеем, вьются конные городовые. Орут и шевелят усами офицеры в форменных башлыках. Мчатся какие-то пернатые прохвосты голубовато-жандармского вида. Молодые люди трубят в рупоры, командуя десятью тысячами народа, и молочница, старая, препоганая бабища, кричит:

– Товарищ городской!

Она – не молочница и товарищ – не городской.

Это киносъемка для картины «9 января». Под аркой Главного штаба формируется шествие гапоновцев к царю. Возами подвозят иконы, хоругви, церковные фонари и портреты царской четы. Городовые конскими задами осаживают посторонних. Посторонние недовольно пищат:

ски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Вошел в роль! Смотри, убьют.

В это самое время коридоры кинофабрики запружены невероятным народом. Здесь господствуют моды девятьсот пятого года. Доподлинные старухи в ротондах, пелеринах, мантильях и плисовых каких-то тальмах жмутся к стене. Беломундирные кавалергарды на пол-аршина возвышаются над толпой. Князь Васильчиков прячется в бухгалтерии, чтобы не помяли гусарского мундира, сановники в треуголках с плюмажем торчат всюду, а человека, играющего Николая II, даже не показывают. Его нельзя показывать. При его появлении все кидают работу и потрясенно таращат глаза. Такого человека надо хранить в сейфе. Это кинодрагоценность. Он играет совершенно негримированным, а похож на царя так, что служители музеев в Зимнем дворце (кой-кто из них служил во дворце по многу лет, и их критике можно вполне довериться) только дергают головами и говорят:

– Вот Николай так Николай! Прямо царь польский, великий князь финляндский.

Это не актер. Фамилия его Евдаков. Он заведует 10-й ленинградской хлебопекарней. Его поразительное сходство с царем было замечено еще при старом режиме, и полицией ему было внушено не носить бороды. Революция, так сказать, сбросила цепи с бороды заведующего. Между прочим, Евдаков играет свою роль совсем неплохо.

Еще лучше играют министры, сановники, генералы и кавалергарды, вся пышная свита заведующего хлебопекарней. Это тоже не актеры. Фабрика подбирала этих людей два месяца, зато и подобрала таких, которым, в сущности, нет надобности играть. Им достаточно держаться, ходить и разговаривать так, как они делали это до семнадцатого года.

Они играют самих себя. Настоящий генерал играет генерала, настоящий сановник играет сановника. Они знают свое дело. Они даже могут дать ценные указания относительно этикета.

В свите есть настоящий камергер, теща великого князя и множество генералов. Когда для картины снимали совещание в штабе, то из тридцати шести военных, сидевших за столом, был только один актер. Остальные были неподдельными генералами. Роль Плеве играет человек, бывший когда-то с самим Плеве близко знакомым.

Работают все они прилежно и старательно. Для некоторых из них это, может быть, первый заработок за восемь лет революции.

Всё готово. Кавалергарды, конвойцы, золотая гвардия в косматых шапках и прочие Треповы рассаживаются в специально поданные вагоны трамвая и едут на площадь. Заведующего хлебопекарней бережно увозят на автомобиле туда же. На дюжине саней выезжают кинооператоры.

Для управления десятитысячной толпой, участвующей в массовке, слабым оказался рыкающий голос режиссера. Рупор не помогает, свисток не слышен, и даже выстрелы из нагана теряются в огромных пространствах Дворцовой площади. Поэтому сигналы к съемке будут даваться стрельбой из трехдюймового орудия.

Сейчас снимаются так называемые «грезы Гапона» – мечты Гапона о том, как народ придет к царю, царь выйдет и даст всё, чего народ захочет.

По грянувшему выстрелу тысячи людей потекли из-под арки со стороны Певческого моста, с Мойки и Дворцового. Со всех сторон, с высоты специальной вышки, от штаба до дворца, дюжина аппаратов снимала шествие.

Новый взрыв. Толпа повалилась на колени. Под низко опущенным серым небом, в быстро набегающих северных сумерках и тишине работали киноаппараты.

Царь вышел в мантии и с короной на голове. За ним торжественно вывалила разноцветная придворная свита. От Гапона приняли прошение и милостиво кивнули головой. Под гром последнего выстрела в небо полетело много тысяч шапок. Долго они летели вверх и вниз. Казалось, будто черная метель внезапно ударила на площадь. Сцена вышла превосходно.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov
Конец. Толпа рассыпалась, и всё сразу смешалось. Городовые и гапоновцы поскакали
к молодым людям, тут же по ведомости выдававшим заработок. Экстра-толпа получает
по рублю шестидесяти; три шестьдесят платят участвующему в массовке и шесть с
полтиной за эпизод.

1926

Проба актеров

Набирают актеров для съемки картины «Предатель». Кандидаты подстерегают
режиссера у фанерного его апартамента. За тонкими перегородками режиссер
разделяется с очередной посетительницей и говорит страшные слова:

– я набираю штат проституток!

И режиссер бегло осматривает посетительницу.

Увы, у нее безнадежно порядочный вид. Спокойные глаза и толстые щеки. Отказ ей
обеспечен. Она уходит, а режиссер нервно шипит:

– Да это же мать семейства! За последнюю неделю я просто не могу уже смотреть на
все эти честные физиономии. Мне нужны представительницы разврата, а не голуби.

Картина требует большого числа женщин наипорочнейшего вида на роли проституток и
шансонеток. Поэтому рабис, киношколы и всё остальное, что есть в Москве
женского, шлет сюда удивительный подбор лиц, горящих нечистыми страстями.

Товар здесь показывают лицом в прямом смысле этого слова. Лица и фигуры плывут
перед режиссером. Находятся наконец столь желанные им «представительницы
разврата».

– Вам дадим что-нибудь небольшое в шантане. Там у нас будет штук шесть
проституток в гусарских мундирах, разные боярышни. Вы подходите!

Претендентки на разные роли проверяются путем фото- и киносъемок.

На полчаса в ателье зажигаются электрические солнца – это пробуют актрису на
роль женщины-тигрицы.

После краткой репетиции начинают. Не всё, конечно, идет хорошо сразу. Сначала
тигрица недотигрила, потом перетигрила, но она опытная актриса, и в третий раз
режиссер остается довольным, а лысый фотограф запечатлел тигриную фигурку. Если
и на фото тигрица получится удачно, то она получит роль в фильме.

В фойе среди кандидатов отнюдь не голубинового вида появляются всё новые фигуры.

Жадные родители приводят сюда прелестных карапузов, заявляют, что карапузы – уже
вполне сформировавшиеся гении, и меньше 60 рублей за съемочный день, конечно, не
запрашивают. А у гениев молоко на губах не обсохло. Это буквально.

С младенцами конкурируют глубокие старики. Сколько фотогеничных морщин! Какие
дивные, аршинные бороды!

Но морщины и конские бороды сегодня не в моде. Все побилла собака. Для картины
«Каштанка» нужна собака. Но дрессирована ли она настолько, чтобы играть роль в
фильме?

Ателье пятый и десятый раз наполняется светом прожекторов – сложная и долгая
проба актеров продолжается.

Между тем сколько есть людей, которые так подходят кино, что никакой пробы им
делать не надо. Но большей частью этих людей работать в кино не заманишь.

Этим летом во время съемок на юге режиссер, работая на пароходе, увидел
удивительного кочегара. Его голова совершенно и поразительно походила на череп.
Когда этот человек смеялся, то был страшен. Темные очки, которые он носил,
увеличивали сходство. Это был клад для кино.

С трудом его уговорили сниматься. Назначили день съемки и напрасно прождали.
Кочегар не явился и вообще не являлся. Только потом узнали, что жена,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov побоявшись, как бы «череп» не увлекся киноактрисами, сняла с него сапоги и пиджак. «Черепу» не в чем было прийти на съемку.

В то же приблизительно время предложили сниматься пароходному технику – китайцу.

– Нельзя. Меня повесят!

– Кто повесит?

– В Китае.

Оказалось, что китаец – коммунист и о своем пребывании в России ему меньше всего хотелось бы дать знать отечественной полиции. Картина же может попасть в Китай, где его лицо хорошо известно.

Из-за этой съемки ему пришлось бы, может быть, отказаться от возвращения на партийную работу в Китай.

1926

«ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ»

(«Медвежья свадьба»)

Итак, мыши снова скребутся. «В старинном замке скребутся мыши, в старинном замке, где много книг».

В «Медвежьей свадьбе» ровно сто процентов довоенного качества. Ни на один процент меньше. Зато и не больше.

И если бы не была в конце картины показана фабричная марка «Межрабпома-Руси», то народы так бы и ушли из кино в убеждении, что картину делали у Ермольева.

Это не в упрек сказано. Ермолев сочинял ведь и хорошие картины. Но это и не в похвалу – Ермолев работал не в 1925 году, а в 1917-м.

Могу сказать, что нельзя требовать современности для картины, самый сюжет которой касается происшествий баснословных, дошедших до нас в сценической обработке исключительно благодаря любезности т. Луначарского, сделавшего из повести Мериме пьесу, и т. Гребнера, пьесу эту переделавшего в сценарий.

Никто и не требует, чтобы борьба крестьян с литовским графом, в которого не совсем правдоподобно вселился медведь, носила пламенно-марксистский характер.

Но совершенно необходимо, чтобы советская картина не пахла «Золотой серией».

В «Медвежьей свадьбе», которая сделана с большим умением и вообще похожа на картину (это у нас редко) в том смысле, что действие в ней правильно и хорошо развивается, нехорошо изобилие сов, руин, молний, мрачных ливней, зловещих старух и гнущихся под бурей деревьев.

Сколько раз мы всё это видели.

Это старая песня... «В старинном замке скребутся мыши, в старинном замке, где много книг».

И пошли чесать перед слегка ошеломленным зрителем молнии, русалки, своды, ведьмы и всяческие черепа.

И показали зрителю прекрасно сфотографированные и умно поставленные балы, и именины сердца, и свадьбы.

И стало ему, зрителю, приятно-жутко. Но духа времени, волчьего и медвежьего духа Литвы – в картине нет, нет страны смолокуров, плотовщиков и лесорубов. Есть кадры, глазу приятные.

Актеры в картине действуют умело. Эггерт иногда чересчур уж страшен в роли графа-медведя. Хорошо играющую pannу Юльку – Малиновскую совершенно напрасно заставили качаться на веточке в виде русалки. Ей это не подходит.

Впрочем, это вполне в духе «Золотой серии».

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

1926

Товарищ тигр

На прошлой неделе молодой товарищ, неся впереди себя треногу со съемочным аппаратом, проскользнул в услужливо открытую укротителем дверцу и очутился в клетке тигра.

На галерке Госцирка жизнерадостно заржал молодняк. Может быть, там ожидали, что тигр поужинает кинооператором.

Оператор взглянул на довольно развитые бакенбарды маститого бенгальского зверя, и изящная бледность покрыла его черты.

Что думал оператор об этом, в первую минуту понять было нельзя. Но когда тигр дружелюбно сделал шаг в направлении к нему – всё стало ясно. На щеках оператора вспыхнули тревожные розы, и он сделал скачок назад. Тесного знакомства с бенгальским тигром оператор установить не захотел.

Здесь вмешался укротитель. Тигр ответил ревом и, неприятно усмехаясь, отошел.

Снаружи клетку облепили фотографы. Некоторые из них расхрабрились до такой степени, что даже всовывали между прутьев клетки одну из ног (не собственных, нет!) своих негативов. Вообще публика, кажется, была много довольна. Кино и фото отважно исполняли свои обязанности. Оставалось только понять, к чему такое молодечество. Тигр этого не понимал. Укротитель хлопал бичом и гулко палил из револьвера.

Такой же огромный пушечный револьвер он вручил оператору. Тот сделал то, что и должно было ожидать от настоящего работника, – киноревольвер положил на песочек, а сам стал искать подходящего для съемки полосатого зверя место.

Товарищ тигр вел себя, как знаменитость. Он не хотел сниматься и с грозной застенчивостью поворачивался задом к аппарату.

Принесли юпитера. Сильный и необычайный свет загипнотизировал тигра: оператор скользнул поближе и в двух шагах от зверя принялся вертеть.

На пленке запечатлелся совершенно устрашающий зевок тигра.

Потом снимали величественный его профиль. На галерке перестали смеяться. На минуту в цирке образовалась рабочая атмосфера киноателее. Трепетали юпитера, дрожал лиловый свет. Необыкновенным было только рычание полосатого натурщика.

Конец.

В фойе к оператору подходили люди и льстиво ахали.

Оператор остался доволен.

1926

ПРОСЯТ СОБЛЮДАТЬ ШУМ!

Можно ли представить себе выставку, где вместо обычных плакатов «просят соблюдать тишину» – висят совершенно противоположные плакаты:

– Просят соблюдать шум!

Дело будто невозможное. Но все же подобная выставка имеется. Приглашений пошуметь на ней, конечно, не найдется, но под выставленными предметами начертаны слова удивительные:

– Можно трогать руками!

Можно трогать руками игрушки, можно игрушками играть, можно читать набросанные на столе сказки, можно гладить деревянных зайцев по глупым мордам, рисовать карандашом и читать вслух смешные стихи вроде:

я зебра полосатая,
Не здесь я родилась,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
На родине когда-то я
Под пальмами паслась.
Посему хотя шуметь еще не разрешали, но шум, гам и радостный визг стоит такой,
будто об этом только и просили.

Веселая выставка называется «Про зверей для детей». Знакомьтесь с зверями в
каких угодно видах: звери в виде пряников, игрушек и петрушек, звери на
картинках, звери на бумажных змеях и даже вышитые на полотенцах.

Тема «звери» взята как детям наиболее близкая и подана в наиболее близких детям
предметах. Это лучший способ знакомства детей с окружающим миром. Потом пойдут
выставки «про машину», про все, что мы хотим показать детям.

Конец засилью взрослых! Дети имеют свою собственную выставку и приходят на нее
целыми пионерскими звеньями и табунами, школами и детдомами.

Суматоха стоит необыкновенная. Все собрание детей страшно занято и спешит
перетрогать и познакомиться со всем, что только есть на выставке.

Больше всего они чувствуют столь неожиданно подаренную свободу.

«Мне понравилось, – записывает девочка Таня в специальную “тетрадь впечатлений”,
– что все могут тут рисовать».

Некий и, должно быть, очень юный Алеша восторженно-косыми и кривыми буквами
пишет:

«Все понравилось!»

Как же, чтоб не понравилось? Он единым духом прочел рассказ про слона ямбо,
узнал, что верблюду называется кораблем пустыни и почему он так называется,
нарисовал двух дерущихся слонов и чуть не съел экспонат – белый тверской пряник
в виде льва. Как же, чтоб не понравилось?

Вот еще записи:

«Я был на выставке, мне очень понравилась мат лошад с жиробенком».

«Лучше понравился слон, который махает хоботом».

«Здесь понравилась музыкальная книга, в ней поют зверьки. – Лера Силуянова».

«Мне больше всего понравилось это зайцы те каторых можно гладить. Лиля».

«Хотелось бы самой делать такие самые игрушки».

Вот эта последняя запись говорит о том, что выставка делает свое дело –
заставляет детей работать. Если ребенок будет лепить из гипса лисицу, то он уже
дознается до того, что за зверь лисица, что за штука гипс.

Из тех детей, что были на выставке, многие уже принесли сюда разных зверей
собственной работы.

Под старинным русским лубком «Как мыши кота погребали» висит рисунок Яковлевой
Людмилы.

Яковлеву Людмилу сцены погребения кота («Котофеевна стала думать и гадать, куда
Котофейча девать. Посылала звать гостей изо всех волостей, скоро мыши собрались
и за дело принялись. Котофейчу ноги накрепко связали и на дровни поднимали») очень
поразили.

Печальную процессию мышей с прахом Котофейча она перерисовала по мере сил, но
подпись поставила совершенно новую, свою:

Настал последний день Кота,
Издох он бедный,
А мыши рады провожать кота –
Он был ужасно бледный.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Всем ли детям выставка по плечу? Лучший ответ на это находим в той же «книге впечатлений». Некоторые малыши уже переросли.

«Нужно устроить выставку не только зверей, но и их жилищ».

«Выставка мне очень не понравилась. Я думал, что здесь все живое».

Эти дети хотят знать о зверях больше, чем могут узнать на выставке.

Они пойдут в зоопарк и увидят там живых зверей, на биостанцию, где научатся уходу за животными, и так далее.

Это – путь, началом которого служит выставка «Про зверей для детей».

1926

Мадридский уезд

Советское кино испытывает новое потрясение.

Под напором крымских, каракалпакских и забайкальских легенд полковники-усачи, еще так недавно бойко попрыгивающие на всех окраинах, стали хиреть и вскоре угасли совсем.

Киноактеры, три года не вылезавшие из пространных галифе, облачились в халаты и принялись изображать юго-восточные и северо-западные предания, а то и просто басни.

Экранами завладели минареты, ведьмы и пропасти неизмеримо-идеологической глубины.

Сниматься в кино могли только люди с черными буркалами. Актеров, не знавших, что такое чувяки и шариат, режиссеры гнали как несозвучных эпохе.

Несозвучные в отчаянии принялись отращивать себе совершенно юго-восточные, в конский хвост длиною, бороды.

Однако едва бороды произросли, как уже опоздали. На кинофабриках стоял полновесный крик:

– Кому нужны эти бороды? Продавайте их на войлок!

Действительно, этим летом борода уже не требовалась.

Халаты из мордастых ситцев брошены в кладовые, а народы советского Востока, подработав на массовках, возвратились в первобытное состояние и, к радости заготовительных органов, снова приступили к возделыванию хлопка.

Теперь требуется от актера голый, хрустальной твердости подбородок. Из чудесных коридоров кинопредприятий понесло новым и на этот раз уже совершенно непонятным духом.

Первым в стойло московского зимнего сезона прибежал «Межрабпом» со своей штучкой «О трех миллионах».

Счастливая судорога обняла потомков присяжных поверенных, и они повалили в зрительный зал смотреть штучку. За ними ринулись подружки кассиров и одичавшие романтики с Зацепы.

С тех пор эта категория зрителей уже не выходила из состояния радостных спазмов. Ее победил балкано-румынский шик, с которым связана эта картина.

Фокстрот с какими-то пузырями, красавицы, «пышные формы которых напоминают лучшие времена человечества», и предупредительно лезущие к первому плану вывески на франко-болгарском наречии непрерывно вопиют о том, что пейзаж сей нисколько не русский, что все снято в настоящей, неаполитанской губернии и в мадридском уезде.

Герой же «Трех миллионов», невзирая на некоторые культпросветные к нему добавления, нисколько не сын мозолистых родителей, а простой граф, временно

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдovich Ильф ilfandpetrov впавший в благородное воровство. Здесь заграничность постановки тоже не нарушена, и сердца кассировых подруг упоены в меру цензурных возможностей.

За коммерчески-иностранным «Межрабпомом» выступает иностранец с детства – режиссер Кулешов, делающий кинокартину по рассказу Лондона.

Все возможное в окрестностях красной столицы переделывается в ледяные варианты Аляски. Не умри Джек Лондон так скоропостижно, он, конечно, возжелал бы родиться и действовать в пределах бывшего московского градоначальства, на кулешовском Юконе. До того там все загранично получается.

Одесская фабрика даже на вышеприведенном европеизме не успокоилась, а сразу углубилась в так называемую пыль веков.

В самом деле! «Нас три сестры, одна за графом, другая – герцога жена, а я, всех краше и милее, простой морячкой быть должна».

Посему в Одессе фабрикуются цельные «кво-вадисы» и «Кабирии» с Колизеями, малофонтанными гладиаторами, центурионами с Молдаванки и безработными патрициями, набранными на черной бирже. Ставится нечто весьма древнеримское – «Спартак», – естественно, получается восстание рабов в волостном масштабе.

Пришла пора спасаться.

Идут «рымляне» и «рымлянки», лезут графы в голубых кальсонах, антарктические персонажи – и кто его знает, что еще может быть. Если одесситу воткнуть в прическу страусовое перо, то он многое совершит.

Нужна ли только эта ломаная, болгарская заграница и парижский жанр 3-го ранга? Зачем делать именно те картины, которые мы бракуем, если их предлагает заграница?

1926/27

Как погиб Чебыкин

Действительное происшествие в семи главах с эпилогом

Друзья жили в Шепетовке

Кто хоть раз проезжал Шепетовку, тот знает, что достопримечательностью этого небольшого украинского городка являлась нерушимая, железная дружба между ответработниками местного окрфо – Чебыкиным и Эйдельманом.

Ответственность их была почти одинакова. Первый был контролером сберкассы, а второй украшал собой туземное отделение сельхозналога.

Вся Шепетовка гордилась этой неслыханной дружбой.

Необычайное событие

В одно погожее утро на Шепетовку обрушилось несчастье.

Все растерялись. По городу пронеслось интригующее шипение:

– Чебыкин поссорился с Эйдельманом, а Эйдельман поклялся допечь Чебыкина.

Ссора была великая, но шли слухи, что Чебыкин ничуть не испугался Эйдельмана. В то же время очевидцы передавали, что великий Эйдельман уже готовится к битве с Чебыкиным.

Ночь была проведена в догадках

В ночь, наступившую непосредственно после примечательной ссоры, Шепетовка не спала. Граждане толпами бродили по единственной, но главной улице своего города.

– Что будет? – слышались грустные вопросы.

– Плохо будет! – говорили знающие люди, бородатые контрабандисты и бывалые старички. – Он фактически допечет Чебыкина.

Тут все зашевелились, ибо сам Эйдельман появился у калитки своего дома.

Героя окружила толпа.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– Что же будет?

– Это вы увидите завтра!

Сказав так, Эйдельман удалился в дом и гордо лег спать.

А в другом конце города, саженьях по крайней мере в пятнадцати от дома Эйдельмана, так же гордо спал ничего не подозревающий Чебыкин.

Наутро...

Утром широкие массы Шепетовки по-прежнему толпились у дома Эйдельмана.

Герой вышел и торжественно направился в окрфо. Толпа трепетно следовала по его пятам.

Герой подходил к окошечку сберкассы, за которым притаился Чебыкин.

Это был финансовый гений

Увидя подходящего к нему Эйдельмана, Чебыкин трясущейся рукой стал щелкать на счетах.

Чебыкин схватился за сердце.

– Я, – страшным голосом сказал Эйдельман, – имею вынуть из моих трудовых сбережений в сберкассе некоторую сумму.

– Пожалуйста! – радостно сказал Чебыкин, видя, что дело принимает мирный оборот.

– Я, – повторил Эйдельман, ликуя, – имею вынуть из своих сбережений ноль одну копейку.

– Ну и берите! – ответил Чебыкин.

– И возьму! – возразил Эйдельман.

И взял. И ушел.

Горожане слегка разочаровались и, уставшие от треволнений ночи и утра, расположились на паперти сберкассы подзакусить и слегка отдохнуть.

– Тут что-то не то! – говорили старики.

Так вот где таилась погибель моя!

Через полчаса в конце главной улицы появилась сухопарая фигура Эйдельмана.

– Я извиняюсь, – сказал он, вежливо расталкивая толпу, – пропустите меня!

Через минуту он уже стоял у окошечка Чебыкина и сухо говорил:

– Да... одну копейку... имею вынуть.

И вынул. И, вынув, ушел.

– Чудак! – весело подумал Чебыкин, с легким сердцем принимаясь за ресконтро.

Толпа не расходилась.

– Я имею, – говорил ровно через полчаса Эйдельман Чебыкину, – вынуть...

– Копейку? – устало спросил контролер.

И Эйдельман ледяным голосом подтвердил, что да, он имеет вынуть одну копейку.

К вечеру сумма, которую успел вынуть Эйдельман, равнялась тридцати шести копейкам.

Измученный Чебыкин недоумевал. Толпа не расходилась.

Гибель Чебыкина

Погиб Чебыкин ровно в 4 часа следующего дня, когда после шестидесяти четырех визитов Эйдельмана вклад последнего уменьшился еще на шестьдесят четыре копейки.

Страшный вопль вылетел из вольного города Шепетовки и, докатившись до ближайшего губцентра, замер.

Вопль издал Чебыкин. Он всё понял.

– Вот оно, начинается! – сообразили всё еще закусывающие старички.

На этот раз они ошиблись. Всё уже кончалось.

– я погиб! – воскликнул Чебыкин, холодея. – Хитрый Эйдельман причинил огромный вред государству и орудием преступления избрал меня!

Чебыкин высчитал, что выдача каждой копейки Эйдельману обходится в три копейки государству.

И железный Чебыкин зарыдал.

Старички ахнули.

А наутро у окошечка снова стоял хладнокровный, долговязый Эйдельман.

– Я имею вынуть одну копе...

Эпилог

Говорят, что Эйдельман беспощадно угнетает Чебыкина и по сию пору. Это очень вредит местной торговле и промышленности, так как бывалые старички вместо того, чтобы заниматься продажей контрабанды, коротают дни у окошечка сберкасс.

Кто не верит – может убедиться! Шепетовка находится на Волыни.

1927

Сказочка для очень маленьких детей

Жил да был на свете честный мальчик Ваня, каковой мальчик предавался невинным детским забавам.

Но больше всего на свете любил младенец пускать мыльные пузыри. Не особенно сознательным был отрок Ваня. Вроде как бы грудной.

Однажды пустил сей несовершеннолетний юноша разноцветный мыльный пузырь. И полетел пузырь, подгоняемый сочувствующим ветерком, над землей.

Заметили пузырь злые дяди.

– Эге! – сказал первый дядя.

– Пузырь! – подтвердил второй. – Вот такого-то нам и не хватало. Цапнем-ка мы его.

Закинули оборотистые дяди на пузырь веревочку и сцапали пузырище. Любили дяди цапать. Этим и промышляли.

Тут набежали дядины родственники. Прямо, значит, трест образовался. Потому родственников – тьма. Отменили рукопожатия и стали корзину прилаживать. Это вместо общей канцелярии.

Ссуду получили под воздушное учреждение. Договоры подписали с госпредприятием.

– Душистые, – говорят, – ароматичные облака поставлять, – говорят, – будем! По себестоимости!

Появились тети, которые по 8-му разряду сетки. Стали дяди авансы брать.

– Мы, – говорят, – сгущенное солнце в баночках, как бы вроде ваксы, поставлять

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov будем. Тоже и запахом торговлю откроем.

Не дяди были – жохи!

А шар все растет. И штаты крепнут. Тут тебе и юстиция, тут тебе и милиция, как еще Чехов говорил, Антуан Павлович.

Представительства завелись. Туманом торгуют. А дядя кассир и здесь не подкачал. Раздобыл парашют и – смылся, утопая в сиянье голубого дня. Обычное дело.

Да и всему делу конец обычный был. Напоролся шарик на злую колючку и лопнул.

И горько заплакал мальчик Ваня.

1927

Муж-общественник

В комнате царил полумрак. Нежно гудел примус, бросая трепетный свет на Марью Васильевну и мужа ее Костю.

– Как быстро летит время, – мечтательно сказала Марья Васильевна, – завтра исполнится четыре года со времени нашей свадьбы, а кажется, поженились мы только вчера.

Костя тяжело вздохнул.

– Помнишь, – продолжала Марья Васильевна, – как мы познакомились? Это было летом 1922 года... Мы сидели на бульваре... Цветущие липы распространяли опьяняющий аромат... Ты подошел ко мне...

– Верно, – подтвердил Костя, – я подошел к тебе ровно в 19 часов 8 минут и 22 секунды...

– Как ты отчетливо помнишь даже такие мелкие подробности!

– Как же, как же! Я тогда был членом лиги «Время»... Хронометражем интересовался... На заседания вовремя приходил... У меня тогда над кроватью портрет Керженцева висел...

– А помнишь, как мы ехали в загс?.. Позволь, позволь... Когда же это было?

– Когда?.. Ах да... Весною 1923 года... Тогда еще эти самые «ножницы» в ходу были. Помню, как вчера...

Марья Васильевна, под наплывом милых сердцу воспоминаний, стыдливо улыбнулась и покраснела.

– А помнишь, – прошептала она, – какой дивный месяц мы провели, совершая путешествие по Волге?.. Ты еще почему-то высчитывал, сколько шагов от нашей каюты до капитанского мостика...

– А как же! Ведь я тогда увлекался НОТом... Брошюрку на эту тему написал... Где всё это теперь?

Марья Васильевна сняла с примуса кофейник и, разливая кофе, снова предалась приятным воспоминаниям:

– А наша первая поездка на дачу?

– Да, да... Лицом к деревне... Помню, как же...

– А первую нашу ссору помнишь? Нельзя же было так ссориться из-за каких-то недожаренных котлет...

– Но, матушка!.. В то время, когда я боролся за качество, я должен был и в своей частной обстано...

– Да, да. За последнее время ты сильно переменялся. Твои привычки изменялись с каждым месяцем!.. Помнишь, как совсем еще недавно ты почему-то прятал деньги под

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov матрац и заставлял меня пить чай вприкуску... –

Ничего не поделаешь! Тогда, милая, начиналась кампания за режим экономии...

Кофе был выпит. На лице супругов застыло вызванное радужными воспоминаниями выражение приятности.

– Ну, миленький, – кокетливо спросила Марья Васильевна, – что же ты подаришь своей маленькой женушке завтра, в день нашего семейного юбилея? Ты, помнится, обещал мне весеннее пальто?

Костя заездил на стуле и угрюмо буркнул:

– Подождем, дорогая, снижения цен.

Марья Васильевна мгновенно вспыхнула, трахнула своего муженька кофейником по голове и истерически воскликнула:

– Ты даешь мне несбыточные обещания!

Начиналась грандиозная драка в общедомовом масштабе...

1927

Банкир-бузотер

В летнем саду железнодорожников ст. Курск, в Ямской слободе, громкоговоритель расположен под экраном и работает во время демонстрации кинокартины. Получается чепуха.

Рабкор И. М. Лучкин

– Товарищи! Занимайте места согласно купленного билета!

Товарищи занимают места согласно купленного билета. На экране прыгает зеленая надпись:

ЖЕРТВА ПАМПАСОВ,

ИЛИ

ТРИ ЛЮБОВНИЦЫ БАНКИРА

В 8 ЧАСТЯХ

2000 МЕТРОВ

Зал чрезвычайно доволен и радостным хором гремит:

– В восьми частях! Две тысячи метров!.. Ого!..

Между тем действие разворачивается со сказочной быстротой. Ненасытные любовницы безостановочно и безоговорочно шлют свои воздушные поцелуи акуле-банкиру Смиуту.

В это время громкоговоритель грозно мычит на всю Ямскую слободу:

– Алло! Алло! Алло! Говорит Москва на волне тысяча пятьдесят метров! Слушайте лекцию агронома Удобрягина о пользе рогатого скота в домашнем хозяйстве.

Нежный тенорок агро-Удобрягина наглядно иллюстрирует проделки хитрого банкира:

БАНКИР И ТРИ ЛЮБОВНИЦЫ

– Заболевание рогатого скота чумой наблюда...

Банкир (на вид здоровый дядя) беззаботно играет в карты, не зная, что на него надвигается страшная болезнь.

БАНКИР В КАРТОЧНОМ КЛУБЕ. ИГРАЕТ. ПЬЕТ ВИНО

– ...приносят также молоко, которое особенно полезно детям... Особенно породистые...

Спасаясь от трех любовниц, неунывающая акула-банкир уезжает в пампасы на океанском пароходе.

УДАЛЯЮЩИЙСЯ ПАРОХОД

– Что же касается баранов, – заговаривает зубы агроУдобрягин, – то таковые передвигаются стадами...

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

После ряда замысловатых приключений напроказивший банкир попадает в лапы свирепых тигров.

ТИГРЫ НАПАДАЮТ НА БАНКИРА

– ...овцы отличаются мирным характером и быстро привыкают к людям...

Громкоговоритель рычит, и зрители, распираемые массой впечатлений, тихо воют.

– Ну и штуку же я видел, Степановна!.. И-эх!.. В кинe сидел. Поучительные крестьянские виды показывали. Вроде банкира. Интересно. Сперва как бы чумой болел. А там ничего, крепкий мужик – поправился. И бабочки при нем. Три головы. Породы Смитт. Молоко давали. А он, банкир этот, пил. Говорит – детям полезно... Хозяйственная картина. А потом в кинe баранов иностранных показывали, не чета нашим, росейским. По воде плывут стадами. И дым из них идет, как из мельницы... А напоследок комическое показывали. Смехота. Овцы на банкира бросились и шею ему намяли... А жалко, хорошего человека попортили.

1927

Странствующий приказчик

(Налогоплательщик Ломоносов)

Дул мягкий ветер. Буйно произрастала бульварная трава. По крышам устало ползали кошки. Через улицу шел человек с юмористической фамилией – Косулькин. Все главные признаки весны были налицо.

Но не главные признаки волновали Косулькина. Волновали его признаки второстепенные. Со всех стен бледно-розовые листочки задавали все тот же вопрос:

– Не утаил ли ты своих доходов?

Зловредные трамваи везли на себе аршинные надписи:

– Гражданин, подай декларацию!

Моего гражданина залихорадило. Он прочел декларацию и отчаялся. Декларация задавала все вопросы, какие только можно задать человеку.

– Нет, утаить доходов не удастся. Впрочем...

Впрочем, лицо Косулькина заблестело. Смеясь и радуясь, он поставил какой-то знак против вопроса № 13:

– Работали ли вы в качестве странствующего приказчика, торгующего по образцам фирмы?

На вопрос № 13 (были ли вы врачом, акушеркой, инженером, архитектором, художником, артистом, музыкантом, частным преподавателем и членом коллегии защитников) Косулькин тоже ответил.

Потом он ответил еще на семь вопросов, подал декларацию и ушел.

А потом в губфинотделе раздался страшный вой.

Выл председатель комиссии по обложению подоходным налогом. В руках он держал декларацию Косулькина.

– Что это такое? Вы посмотрите, что здесь написано!

Над декларацией склонились заинтригованные головы.

На вопрос № 12 (были ли вы странствующим приказчиком?) Косулькин ответил:

– Конечно, был!

– Да не здесь! – орал председатель. – Читайте ниже.

Ниже было коротко изображено черт знает что.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Против знаменитого вопроса № 13 (были ли вы врачом, акушеркой, инженером, архитектором, художником, артистом, музыкантом, преподавателем и правозаступником) стояло одно невероятное слово:

– Да!

Сотрудники зарычали и отпрянули.

– Ничего не пойму! – сопел председатель. – Какая-то ошибка. Вызовите этого Ломоносова на завтра ко мне.

Утром в кабинет просунулась стриженная курьерская голова и испуганно захихикала:

– Массажистки пришли-с!

– Что такое?

Но голова только прыснула и исчезла.

Затем дверь открылась и пропустила в кабинет странствующего приказчика Косулькина.

– Так! – сказал председатель. – Тут в вашей декларации вышла небольшая путаница. Позвольте, я кое-что повторю. Вопрос № 8. Скажите, вы не занимались извозным промыслом?

– Да, я занимался! – кротко ответил Косулькин.

– Гм! А вот по вопросу № 14. Не являлись ли вы служителем религиозного культа и какого именно?

– Я именно являлся служителем.

Председатель пугливо заглянул в глаза Косулькина и бегло зашипел:

– Тут вы пишете, что содержали няньку, хотя указываете, что холосты. Но мы это выясним позже. Меня интересует вопрос № 13.

Глаза Косулькина лучезарно заблестали.

– Так вот. Были ли вы музыкантом, акушеркой, правозаступником, инженером, массажисткой, странствующим приказчиком и артистом? Содержали ли вы лошадь, кучера, конюха, шофера и членов семьи? Получали ли вы доход от деятельности, не предусмотренной выше?

Косулькин подумал и сказал:

– Да! Был акушеркой и получал доход, не предусмотренный выше.

Председатель заскрежетал и рухнул на стол.

– Вон отсюда! Уберите от меня этот университет! Умалишенные налогом не обкладываются.

И освобожденный Косулькин ушел под восторженное шипение сотрудников.

Второстепенные признаки весны не волновали больше Косулькина. Дело было сделано. Тяжела лапа финотдела, но, как видите, от обложения избавиться иногда можно, надо только уметь.

1927

Лошадиная волшебница

Истинное происшествие, случившееся на разъезде Помурино

Артельный староста Коза Антон прибыл к ворожее бледный, как изотермический вагон.

Ворожея – обширная старушка, из ушей которой росли целые веники волос, – схватила Козу за ручку и забасила:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

– Щасливый будешь, много скотины иметь будешь!

– Спасибо, – возразил Антон Коза, – а покудова, дорогая бабуся, у меня лошадь уворована. Сегодня ночью.

Ворожея сдрейфила.

– Ей-богу, не я! – говорит.

Тут, кстати, набежал щуплый сторож Подпригора Никита.

– Пару лошадей, как одну копейку, сперли! – кричит не своим голосом.

И стали члены союза умолять бабушку.

– Ты, – вопиют, – старуха волшебная, – всё можешь. Обнаружь конского душегуба.

Тут волшебница стала подпускать чары, аж дух у членов союза занялся. А старуха кроет громким голосом что-то непонятное, как бы вроде инструкции о новых тарифах, а все больше на зарплату напирает.

– Гоните, – говорит, – железнодорожные орлы, об это место по тройку. Будут вам кони.

Орлы пригнали. Забулькала старуха от радости, а лошадиного местоположения не объясняет.

– Где же кони, чародейка? Говори, волосатая!

А волосатая засмеялась.

– Сразу, – говорит, – трудно. Принеси со своих соседей, кто живет на разъезде Помурино, личные карточки, и я узнаю.

Пришел Коза домой и стал по соседям мыкаться.

Ходит и пропагандирует:

– Гоните личные карточки, кто лошадь спер. Я их сейчас к колдовнице снесу. Она старуха неслыханная – во всем разберется.

Только члены союза – соседи не допускают над своими карточками колдовать. Дашь ей, говорят, карточку, а она, стерва, заколдует тебя: из кондуктора в зайца обернет. И будут тебя потом всю жизнь штрафовать как безбилетника.

А иные соседи прямо волнуются:

– У меня удостоверение личности просрочено, по нем не наколдуешь.

– Дашь твоей ведьме карточку личности, а она потом станет выдавать себя за меня, за смазчика, затеет алиментные дела, а я потом плати!..

А которые несознательные, так те ругаются:

– Тебе бы, дураку, в милицию идти, покуда следы еще теплые, а не по чертякам шататься.

Разъезд Помурино волнуется и по сю пору. Не знает, можно давать каточки или нельзя. Лошадей же, между прочим, еще не нашли.

А старушке-волшебнице горевать не о чем. Денежки она получила. Радуетя бабушка и не подозревает, что по ней плачет показательный суд.

1927

Башня молчания Октябрьской дороги

Чуть воскресенье какое-нибудь, тут народ из Москвы в окрестности скачет. Травы ему хочется, воздуху.

А 31 июля как раз воскресенье было. Все и повалили кто куда. Которые в Кунцеве, которые в Химках, а которые и просто в Поварове, Октябрьской, на целый день засели.

Сидят, радуются, деревья нюхают, травку собирают, печеные яйца едят. А некоторые даже самоварчик раскинули – чай кушают, Чемберлена кроют.

Среди прочих и наш сидит Варфоломеич. Не без супруги. И при бабушке. Сидит себе и дышит. И супруга с бабкой дышат. Очень всем поваровский воздух нравится.

Однако вскакивает бабушка, подол отряхает. И говорит:

– Солнце, – говорит, – скисло.

– Сейчас, – отвечает Варфоломеич, – домой подадимся.

И моментально бежит на станцию билет покупать. За ним – супруга. А опосля всех – бабуня галопирует.

Прибежали к заду для ожидания граждан пассажиров, где касса и контора дежурного помещаются.

А в дверях мужчина стоит и говорит нахально:

– Двадцать копеек.

– Какие же двадцать? – спрашивает Варфоломеич.

– Какие хотите, – говорит мужчина, – хучь серебряные, хучь медные, какие подадите.

– Грабют! – кричит Варфоломеич. – Грабют на основании неизвестных причин.

– Почему же неизвестных, – обижается мужчина, – причины культурно-просветительные. В зале ожидания кинокартина демонстрируется, «Башня молчания» в двух сериях... Платите деньги и не задерживайте... – Да мне в кассу обратные билеты для бабки с супругой покупать, а вовсе не башня молчания.

– Двадцать копеек подавай с души, а тогда хоть для свояченицы покупай.

Оцепенел Варфоломеич.

Тут еще один пассажир набегает с малолетними детьми. Провизионку ему прокомпенсировать надо как железнодорожному служащему. Тоже пройти не может.

– С вас, гражданин, пятнадцать копеек только. У нас для служащих льгота.

– Да я ж с малолетними детьми.

– С малолетних по гривеннику.

– Да мне ж не в кино.

– А это безразлично.

При этом Варфоломеич вступился.

– Мне, – говорит, – это по наименьшей мере странно, а вовсе не безразлично. У меня, может, бабушка от холода зубами клацает. Подавайте сюда начальника станции с предместкомом. Второй поезд из-за вашей башни уже уходит... – Зачем их звать? Они картину смотрят. А вам – как сказано, так и делайте. Или деньги платите, или катитесь колбасой.

Потоптались наши граждане и уплатили. Не бросать же невинную бабушку на замерзание.

С тем и домой, в Москву, уехали.

Невзлюбил Варфоломеич кино. После такого случая оно и понятно.

1927

Кислая копейка

Обожал наш Варфоломеич кислые деньги.

Даже на службу ленился ходить – законные обязанности запасного агента-исполнителя исполнять ленился. Чуть что – в больные подавался.

Кислую копейку любил Варфоломеич.

Пришел наш Варфоломеич в страхкасса. Он там человек привычный.

– Почет дорогим гостям, – говорит страхкасса, – что сегодня потребуете?

– Сегодня пособие потребую. На рождение сыночка.

– Нам такие фантазии довольно смешны, когда вы три дня тому назад на женитьбу требовали.

– Попрошу не вдаваться, – говорит Варфоломеич, – в семейные подробности. Гоните пособие.

– А как же зовут младенчика?

– А зовут младенчика Акулина.

– Это сыночка-то?

– Кому сыночек, кому дочь, – нагло возражает Варфоломеич, – десять фунтов мальчишка весил при рождении.

Обомлела страхкасса.

– Мы, – говорит страхкасса, – такого дочко-сына должны самолично повидать.

– И пойдем, – говорит Варфоломеич.

А сам домой прибежал, сел в люльку, одеяльцем оделся и сидит – ждет.

Чуть комиссия в квартиру явилась, Варфоломеич рев из люльки пустил:

– Уа-а! Уа-а!

Басом квакает. Ребенка симулирует.

– Ну, – говорит комиссия. – Это верно мальчик. Интересно полюбопытствовать на такого басовитого ребенка.

И подходят к люльке. А Варфоломеич из-под одеяла каркает:

– Ко мне нельзя подходить, уа-уа, у меня, уа-уа, родимчик. Я, уа-уа, может, и укусить могу.

Тут комиссия ужасно засмеялась и говорит:

– Ты, Варфоломеич, симулятор. Ты бы еще на рождение бабушки потребовал.

И ушли.

А Варфоломеич и впрямь за бабушку уцепился. За старушку. На другой же день агентов из Госстраха притащил.

– Вот, – говорит, – старушенция у меня заваялась. Родной бабушкой приходится. Двужильная особа. Хочу ей жизнь застраховать. Развлечение старушке на старости лет доставать.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
– Во сколько же бабушку цените? – спрашивает агент.

– В пять тысяч, – говорит Варфоломеич, – бабушка выдержанная.

Ощупал агент старушку, в зубы ей посмотрел. И застраховал.

– Ну-с, – говорит, – когда бабуся перекинется, приходите пять тысяч получать. А до того страховые взносы платить нужно аккуратно, а то вся премия за старушку пропадет.

Стал Варфоломеич поджидать бабушкиной кончины. А старушка хоть бы хны. Одной ногой в могиле стоит, а другой в кино ходит. Жениха подыскивает.

Тут Варфоломеич не выдержал. В ТПО побежал – колбасы купил потухлее. Приносит.

– Ешьте, – говорит, – родоначальница. Угощайтесь. Кажется, хорошая колбаска.

А сам сел в отдалении – агонии поджидает. Старушка съела весь фунт и сырой воды попросила. Запить. Запила и песенку напевает.

– Вы, бабка, плохо себя чувствуете? – спрашивает Варфоломеич. – В животе не крутит?

– Нет, – отвечает удивленная старуха, – не крутит.

Тут Варфоломеич не выдержал. Взял бабку под ручки и на полотно железной дороги повел. Положил на рельсы.

– Вы, – говорит, – бабушка, полежите здесь, покада поезд придет. Отдохните!

Но и поезд не взял старушку – за сто метров остановился.

Призвал тогда Варфоломеич ВЧ и спрашивает:

– Долго такая старуха может жить?

Постукал ВЧ старуху по ребрам и говорит:

– Такая старуха в медицине называется *starucha vulgaris* и живет не меньше 150 лет.

Взвыл Варфоломеич. И по сию пору воет. Не только кислыми деньгами не разжился, но даже свои, кровные, систематически докладывает.

1927

Набросок плана повести о журналисте Шагине

1

Журналист Шагин возвращается домой замученный. На дом ему дали для обработки важную корреспонденцию рабкора «Дядя Сам». Шагин ложится спать и просыпается от оглушительного стука в дверь. На вопрос отвечают: «Спешная почта». Входит ангел в спецодежде из голубого шелкового полотна и наполняет узенький полутемный коридор стуком своих крыльев. Пакет. Расписка в графе «Собственноручная подпись скончавшегося». На чай берет невесомыми вещами – духи или кокаин. Разговор покойника с ангелом о боге. Шагин спрашивает: «Что же мне теперь делать?» Ответ: «Ложитесь в постель, как подобает почившему». Почтальон исчезает, напевая: «По морям, по морям. Нынче здесь, завтра там». Шагин повинуется совету и ложится в постель. Тут история в виде воспоминания – невеста и вообще круг знакомых.

2

Приходит прислуга и видит замороженного хозяина. Как к этому отнеслось жилтоварищество. Вызов доктора-шарлатана. Лысая гадина свидетельствует кончину. Об этом извещают редакцию. Заботы друзей о покойнике. Они получают пособие для пышного погребения Шагина. Но, придя на квартиру, застают дверь запертой. Взламывают. Покойника нет. «Он бежал вместе с прислужгой». Наутро газеты осторожно пускают сенсацию: «Бежавший покойник. Исчезновение советского покойника». /.../ Находятся соседи, которые его уже видели. Уже приписывают ему ограбление винного магазина со стрельбой в приказчика.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

3

Между тем было следующее:

Покойник, которого посетили все жильцы дома (разнообразные чаяния, связанные с освободившейся жилой площадью), мирно возлежал на одре. Когда все ушли, неунывающая Феня сперла всё, представляющее ценность, и направилась к выходу. Ярость овладела покойником. Он стремительно покидает одр и кидается в погоню за прислугой. Но, убегая, он случайно захлопывает дверь. Возвратившись домой после охоты на прислугу (Феня искренне испугана – сцена охоты через ночную Москву), он не может войти и уныло отправляется на бульвар объяснить милиционеру, что он был мертвым, а теперь жив и хочет вернуться. Станный этот разговор внушает милиционеру мысль о призраке. Это вскоре подтверждается прибегающими жильцами. Вести о темпераментном мертвце заливают Москву.

4

Друзья Шагина беззаботно пропивают выданное пособие. Комнату его занимают жадные председатели. Прислуга искренне уверена (успешно к тому же продав вещи), что Шагин усоп. Положение становится отвратительным.

1927

Садовая культработа

28 сентября в саду имени Кухмистерова лектором Мошиным была прочитана лекция под названием «Человечество – рабочая семья».

Если организаторы лекции и имели какое-нибудь представление о том, как лекции устраиваются, то это представление назовем мягко неверным.

Прежде всего необходимо было расклеить афиши. Принимая во внимание, что сад рассчитан только на «своих» обычных посетителей. Можно было ограничиться афишей хотя бы только на воротах сада.

Но и так сделано не было. Вместо этого висела афиша о гастролях знаменитых велосипедистов братьев дю-Монд.

Братья дю-Монд находились тут же; они красили свой трек, без всякого французского прононса напевая «По морям, по волнам».

Зато больше почти никого не было.

Точно – было восемь человек.

Две девицы, протомившись с четверть часа, ушли, распространяя печальную весть:

– Кина не будет.

С девицами ушли их поклонники.

Таким образом аудитория сократилась сразу на пятьдесят процентов.

Остальные вяло и отвлеченно (никого из администрации в саду не было) ругались.

Зашли в сад два милиционера, жизнерадостно обложили культработу вообще, деятельность братьев дю-Монд одобрили и благоразумно сгинули.

Затем публика, ободренная прибытием в сад семи здоровенных комсомольцев, нашла садового сторожа, умолила его открыть зал, и лекция началась.

Темой лекции явилось грядущее перенаселение земли.

Здравой целью лектора было, как видно, желание доказать, что только объединенный пролетариат, только связанное в одну рабочую семью все человечество сможет справиться с этой угрозой.

Все это надо было хорошо рассказать и объяснить.

Ни того, ни другого, однако, не случилось.

Рассказывал лектор темно, главную мысль затирали излишние мелочи, и изловить ее

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov снова было для рабочего слушателя задачей большого труда.

Какая-то необычайно легковесная лекция, лекция не нужная и ничего не прибавляющая к знаниям рабочего.

Немногочисленная аудитория наградила лектора тоскливым, укорительным аплодисментом и с радостной торопливостью разошлась.

Больше ничего культурно-просветительного в этот вечер не случилось.

1927

Красные романсы

Советский пошляк обнаглел не сразу.

Сначала он был поведения тишайшего, привычек скромнейших. Следы его можно было обнаружить разве только в самой гаденькой лавочке.

К дрянненькой толстовке он прикалывал узенький плакат:

«Толстовка фасона “Полпред”». Или: «Фасон “Пролетарская Муза”».

Те умильные времена прошли безвозвратно. Ныне совпошляк продирается в люди и работает, не покладая лап. Старательно и терпеливо он покрывает слюной все советские факты, ко всему приспособляется и ко всему припутывает свои тошнотворные привычки.

Во Владивостоке он сидит в частной фирме и продает – «Кабинетные гарнитуры “Режим экономии” современного стиля, очень прочные и практичные».

Современность стиля совершенно неопишная. Можно надеяться, что электрические пояса молодости под названием «Афродита, или Борьба с бюрократизмом» не заставят себя ждать.

Область воспитательная также не забыта.

– Не теряйте, товарищи, времени, а ликуйте сразу, сопровождая ликование троекратным криком «ура». Найден способ беглого и нежного обучения политграмоты.

Объявление в сибирской газете «Красный Курган» радостно извещает, что

ПОЛУЧЕНА И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

ИГРА

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Рекомендуется школам, клубам и всем игрокам. Игра рассчитана для всех возрастов. Кроме того, совершенно не замечая, можно по игре изучать политграмоту. В игре приходится воевать с белыми и черными, с газами и кулаками, побывать в деревне, рабфаке, МОПРе, словом, заглянуть всюду.

Понять игру можно с первого же хода. Руководство и кубики прилагаются. Играть может сразу до 10 человек.

В каждой семье необходимо иметь эту игру и на досуге разумно развлекаться. Игра стоит 1 рубль, но в интересах внедрения нового быта, для членов профсоюзов предоставляется скидка в 50 проц.

Празднуйте, члены профсоюзов. Какая чудная «Мировая революция». Одно слово – игрушка. И как приятно разумно развлекаться на досуге мировой революцией.

Пошляк – натура покладистая. Революцию он приемлет, но делает из нее игрушку, вещь исключительно для домашнего употребления.

Красный пошляк даже партию приемлет.

Он и для партии готов постараться. Такими пошлячатами в Москве сочинен и соответствующим нотным органом издан рвущий сердце романсик: «А сердце-то в партию тянет».

Идеальная штучка.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

Для Главлита (чтоб не встревожился) имеется «партия». Для девиц роскошного сретенского жанра (чтоб им не совсем противно было) приложено «сердце» и всякое там «тянет».

Романсище снабжен подобающим текстом:

У партийца Епишки
Партийные книжки,
На плечиках френчик,
Язык, как бубенчик.
Итак, пролетарий, вот тебе романсик. Спой, светик, не стыдись! Это ведь чистая работа.

Такие вот угнетающие душу плоды и произведения появляются во все большем числе.

Однако совершенно уже грандиозным по пошлости опусом является клубное, массовое «действие». Некоторым образом это советские сатурналии для трудящихся обоего пола.

Состоит он, как сообщает «Новый Леф», в следующем:

«Прибывающих в зал клуба встречают у входа организаторы.

Первый прикрепляет на спину каждому названия животных и объясняет, как их узнать. Второй раздает женщинам на голову бумажные венки. Третий раздает мужчинам белые воротнички и галстуки». И так далее.

Зачем же это – венки на голову?

Всему, оказывается, есть своя причина.

«Нужно, чтобы женщина, приходя в этот день в клуб, почувствовала себя празднично. Мы этого достигаем, надевая женщинам венки, хорошо, если при этом будут раздаваться возгласы:

– Вот, сегодня мы украшаем вас венками!

Не менее остроумно раздать мужчинам воротнички и галстуки. Эти принадлежности костюма, одетые на рабочие блузы и толстовки, придадут мужчинам праздничный колорит».

От такого колорита и новогреческих воплей «Вот, гражданочка, мы украшаем вас венками и венками» иначе чем в хулиганы податься нельзя.

Тем не менее это проект преподавателя массовой работы на курсах Мосгубрабиса.

Ученики, надо полагать, будут достойны учителя. И процветет в клубах столь фантастическое массовое действие, что все уже поймут необходимость похода (давно требующегося) против пошляков и их пошлячат.

1927

Пешеход

Наша жизнь в последнее время как-то обеднела сильными, незабываемыми минутами. Живешь по большей части в маленьком городке. Вместе с тобой живут еще четыреста двенадцать трудящихся. Триста из них женаты, остальные неохотно волочатся за девушками и вдовами, число которых доходит до полутора. Есть еще девятнадцать торговцев и одна особа с порочными наклонностями, девица только по паспорту. Всех знаешь в лицо.

Служба тоже не доставляет радости. Так все надоели, что стол личного состава, которым заведешь, невольно превращается в стол каких-то личных счетов. Всё это очень скучно.

Не удивительно поэтому, что нашу общественность начинают волновать проблемы. Пресыщенная столица наседает на половые задачи, но провинция этим не интересуется. Ей хочется переменить обстановку, побегать по земному шару. Каждому хочется стать пешеходом.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Однако искусство хождения пешком очень трудно.

Неопытный пешеход взваливает на спину зеленый дорожный мешок и покидает родной город на рассвете. Уже в самом начале он совершает роковую ошибку – действительно идет пешком, любопытно глядя по сторонам и наивно перебирая ножками.

Назад он возвращается через несколько дней, не достигнув мандариновых роц Аджарии, к которым так стремился. Он хромает, потому что ногу ему повредила встречная собака. Он бледен, потому что повстречался на дороге с лохматым гражданином, который в молчании отнял у него дорожный мешок, сандалии и рубашку «фантазии».

Опытный пешеход чужд этим детским забавам. У него нет дорожного мешка, и он вовсе не считает лето лучшим сезоном для туризма. Двухнедельный или месячный срок для пешеходной прогулки он считает мизерным и не стоящим внимания. Он разом опрокидывает все мещанские представления о путешествиях с целью самообразования.

Пешком он ходит только в подготовительном периоде, пока не получает мандата от какого-нибудь совета физкультуры. Обыкновенно мандат напечатан на пишущей машинке с давно вышедшей из строя буквой «е», но это единственный изъян, во всем остальном мандат великолепен и читается так:

УДОСТОВЭРЭНИЭ

Дано сизэ в том, что т. Василий Плотский вышэл в сэмилэтнээ путэшэствиэ по СССР с цэлью изучения быта народностэй. Тов. Плотский пройдэт сорок двэ тысячи килоэтров со знаэмэн N – го Совэта физкультуры в правой рукэ.

Просьба ко всэм учрэждэниям и организациям оказывать тов. Плотскому всячэскоэ содэйствиэ.

Прэдсэдатель Совэта В. Богорэз

Сэкрэтарь А. Пузыня

Ослепленный будущими тысячекilометровыми переходами товарища Плотского, совет выдает ему также десятку на постройку знамени.

Этой скромной суммой пешеход вполне удовлетворяется. Он знает, что сразу рвать нельзя. К тому же десяти рублей хватит на проезд в скором поезде к ближайшему крупному центру.

Отныне пешеход Василий Плотский пешком уже не ходит. Пользуясь услугами железнодорожного транспорта, он перебирается в губернский город и посещает редакцию тамошней газеты, предварительно испачкав свои сапоги грязью.

В редакцию он входит, держа в правой руке знамя, сооруженное из древка метлы, и лозунг, похищенный еще из домоуправления в родном городе.

Удостоверение, написанное с турецким акцентом, оказывает магическое влияние даже на осторожных журналистов. На другой день фотографический портрет товарища Плотского и соответствующая подпись под ним украшают отдел «Новости физкультуры» на последней странице газеты.

Теперь для пешехода открыто всё. Перед семилетним удостоверением и газетным интервью с портретом никто устоять не может.

Можно, конечно, таскать с собой еще связку лаптей, якобы предназначенных в подарок всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу, но можно обойтись и без этого.

И без лаптей на Василия Плотского посыплутся блага земные.

Знаменитому пешеходу бесплатно отводится номер в гостинице, ему суют обеденные талоны, он получает денежные пособия для того, чтобы мог беспрепятственно выполнить свой великий пешеходный подвиг.

Через два месяца ему показывают музеи и достопримечательности, а еще через месяц, когда Плотский проезжает какой-нибудь маленький городок (четыреста двенадцать трудящихся, сто семьдесят пять вдов и девушек, тридцать частных и

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov (две особы с порочными наклонностями) на старинном, высоком, как кафедра, исполкомовском автомобиле, – все глядят на него с почтением и шепчут:

– Это пешеход! Пешеход едет!

И если кто-нибудь удивленно спрашивает, почему пешеход катит в автомобиле, что как-то не соответствует его званию, все презрительно отворачиваются от болвана и на всех лицах появляется одно выражение:

– Где же это видано, чтоб настоящие пешеходы ходили пешком! Пешком ходят только любители, дилетанты, профаны!..

1928

Калоши в лучах критики

Об одежде теперь говорят с уважением. В наше время одежда взошла как бы на пьедестал. Замечается даже пресмыкание перед одеждой, особый род подхалимства. Двадцатирублевое пальто, волосатое, сработанное из черных конских хвостов, гуляет под именем драпового.

Собственник такого пальтеца идет еще дальше. Он показывает обновку знакомым и хвастается:

– Каково? Драп-велюр!

Знакомые искательно улыбаются. Они знают, что пальто сшито из войлока, но молчат. Это платяные подхалимы, люди бесстыдные и в своей низости глубоко павшие.

Блудливо улыбаясь, они ласкают какой-нибудь лохматый, пахнувший паленой бумагой пиджак и восклицают:

– Бостон, шевиот, индиго!

Это круговая порука. Если не похвалишь хлопковый пиджак своего приятеля, то подвергнешь опасности критики свои собственные брюки. А они тоже ведь сшиты из отечественного коверкота, ценой в 93 копейки за метр.

Почтение к одежде простирается не только на предметы фундаментальные, вроде пальто или костюмов. Шарфы и сорочки, перчатки и галстуки, башмаки, шляпы, мягкие или замороженные крахмалом воротнички тоже вызывают уважение.

Но есть одна часть одежды, над которой насмехаются. Ее презирают, о ней слагают анекдоты. Ее трудно даже назвать одеждой. Это, скорее всего, прибор. Это калоши, блистающие черным лаком и обшитые внутри розовым молескином.

О них говорят такими словами, будто эта отрасль резиновой промышленности позорна. Их проклинаят. А мой сосед по квартире, доктор Скончаловский, не устает утверждать, что калоши – бич цивилизованного человечества.

И действительно, тяжелы испытания, которым подвергают человека обыкновенные калоши на рубчатых подошвах с треугольным фабричным клеймом.

Для начала нужно заметить, что мы живем, как видно, в годы, неурожайные для калош. Во всяком случае, эти капризные резиновые плоды никогда не успевают к сезону дождей и появляются лишь в декабре.

Калоши декабрьского сбора имеют два размера – либо они очень малы, либо грандиозны. Когда спрос со стороны карликов и великанов удовлетворен, поступают в продажу калоши, рассчитанные на нормальную человеческую ногу.

Это происходит в феврале, и истомившееся человечество жадно расхватывает резиновые приборы.

Как люди простодушны и доверчивы!

Каждый из них почему-то уверен, что в эту зиму он ни с кем не обменяется калошами.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдovich Ильф ilfandpetrov
Множество людей паразитирует на этих бессмысленных мечтаниях и бойко торгует
плоскими латунными инициалами для калош.

Но никакая сила, никакой латунный амулет помочь не может. Буквы только усложняют
дело. И вечером, в коридоре квартиры, я слышу вздохи доктора Скончаловского. Он
сейчас вернулся из гостей и, негодуя, рассматривает калоши на своих ногах.

Это не его калоши. Его были новые, февральского урожая, а это – старая рвань.
Доктор с отвращением сбрасывает их и смотрит на сверкающие изнутри буквы «К» и
«З».

В доме, откуда пришел Скончаловский, не было ни одного человека с такими
инициалами. Значит, тот, с кем он по ошибке обменялся, еще до этого носил чужие
калоши.

Всё так запутывается, что след резинового прибора отыскать уже нельзя. Доктор
визжит от злости и начинает разглагольствовать о биче человечества.

Между тем нет оснований так сердиться. Обмен – самая легкая из калошных пыток,
пытка первой ступени.

Есть в жизни худшие случаи. Калоши забывают. Утром их забывают дома. Это обидно.
Вечером их забывают у знакомых, что особенно мучительно.

Спохватившись только на улице, несчастный обладатель калош покидает трамвайную
очередь, где стоял первым, и бежит назад.

Приходится долго звонить дворнику и топтаться на снегу у запертых ворот.
Приходится подымать с постели заснувшего хозяина. Покуда гость униженно
улыбается и неловко вколачивается в калоши, хозяин стоит рядом и молчит. Он
облачен в пальто, из-под которого видны его голые ноги, поросшие зелеными
волосами. Сейчас он ненавидит рассеянного идиота.

Домой обладатель калош идет пешком, потому что циркуляция трамваев давно
закончилась. К концу своего долгого пути он начинает сознавать, что отношения
его с хозяином испорчены почти навсегда.

Но только в театре калошное иго достигает апогея.

За три минуты до последнего занавеса из рядов выпрыгивает почтенный гражданин.
Согнувшись, он устремляется по проходу между креслами к выходу. В полумраке он
похож на террориста, только что бросившего бомбу в губернатора.

Но это не террорист. Это владелец резинового прибора. Он бежит к своим калошам.
Зрители негодуя оглядываются и шикают.

Это фарисеи. На калошевладельца нельзя шикавать. Он не виноват. Если он задержится
из-за своих калош, то не успеет к последнему трамваю, поздно ляжет спать и
опоздает на службу. А опаздывать на работу нехорошо. Это понижает
производительность труда.

Пошикав с полминуты, фарисеи и книжники тоже не выдерживают напряжения и шумно
выбегают из рядов. Толкаясь и подымая локти, они несутся в гардеробную.

Напрасно клекочет хор и волнуется оркестр. Все зрители сбились к дверям и даже
не оборачиваются, чтобы узнать, чем, собственно, окончились страдания Аиды,
дочери эфиопского царя. Им некогда. Они находятся в униженной зависимости от
своих калош.

И тем более непонятна развязность и ирония, с которой люди говорят о калошах.

Над ними нельзя смеяться, нельзя слово «калоши» употреблять как оскорбительный
эпитет. Это просто не отвечает значению калош в жизни человека. Они значат
больше, чем костюм или перчатки.

Эта часть одежды еще не укрощена. Ее надо изучать и приспособить к нуждам
человечества, иначе люди так и останутся в плену у калош, бегая за ними, хлопоча
и отвратительно унижаясь.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

1928

Дружба с автомобилем

Что значит это наводящее ужас движение?

Гоголь

Наводящее ужас движение особенно усиливается на московских улицах осенью.

Автомобили самого огнедышащего свойства сигают по мостовым. Свист, писк и железное мяуканье сирен ломятся в уши.

Самый беспокойный сорт механического транспорта образуют мотоциклы с привязными колясками. Эти автогадины еще совершенно не укрощены человеком и носятся по Москве, пытаясь, как видно, вырваться на свободу.

Заурядный прохожий совсем не разбирается в наводящем ужас движении.

Для него полутонный фордовский фургончик и шестиколесный «бюссинг», бодро несущий на своих пневматиках целых пять тонн, все едино – «грузовики».

Зауряд-прохожий не видит разницы между жидкокостным пассажирским «штейером» и серо-оливковым восьмицилиндровым «паккардом», который с могучим шорохом молниеносно переносит своих седоков через весь город.

Прохожему, кажется, даже все равно, что его раздавит – дряхлый, разболтанный «опель» или сводящий шоферов с ума «кадильяк».

Невежество прохожего прискорбно.

Так как он ничего не понимает, то, глядя на долговечные, неприхотливые, прекраснейшие машины, он и не восхищается.

Он не понимает, что «человек уже научился строить автомобили».

Кроме того, он не знает самого главного сейчас – того, что советский человек еще не научился покупать автомобили.

Удивительным образом обойдя режим экономии, в Москву каждый месяц проникают новые, крытые цветными лаками гиганты: «ройсы», «линкольны», «бьюики», «доджи» и прочие «кадильяки».

Это машины для богачей, туринг-машины, построенные для туризма, для любителей необыкновенно быстрой езды и идеальных прогулок целыми семьями.

Это машины не по карману и просто не по нужде. Перетаскивать работников из треста в трест чудесно могут и автоизвозчики – бодрые, дешевые «форды», «ситроены» и другая, вполне добротная мелюзга.

Зауряд-прохожий в удивленье отшатывается, когда со страшным напором проскакивает мимо него темно-синяя тяжелая машина.

Долго прохожий смотрит вослед уходящей темно-синей буре, полной сверканья латуни, хрусталя и алюминия. Тогда, кажется, и он начинает понимать силу соблазна, окружающего иного трестовика.

Жару надбавляют заграничные проспекты на толстой лаковой бумаге, с безупречными фотографиями, предупредительно отпечатанные на русском языке.

Проспекты эти воят ангельскими голосищами:

«Несомненным преимуществом владельца “кадильяка” является его сознание, что он имеет действительно хороший автомобиль. Это чувство постоянно обновляется и усиливается».

«Кадильяк» обращается к разуму покупателя. Компания «Бьюик» подбирается прямо к сердцу:

«Искреннее расположение к нашему автомобилю выявляется медленно. Точно так же,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov как верная дружба, оно создается через испытания, устойчивость в больших опасностях, через никогда не покидаемую веселость во всех тяжелых обстоятельствах».

Можно напороться на покупателя-эстета. У фирмы «Братья Додж» есть и для этого строчка:

«Кузова этих привлекательных специальных типов низко подвешены, что придает им необыкновенное изящество линии».

Иногда даже и девичий какой-то восторг проскакивает в описании:

«Это просто удовольствие на нем ездить».

Мыслимо ли удержаться от покупки очень, правда, дорогой, но зато вызывающей восторг машины!

Особенно если вдобавок она награждает вас «веселостью во всех тяжелых обстоятельствах», тем более что «это чувство постоянно обновляется и усиливается».

Ведь это вечно обновляющаяся веселость очень понадобится покупателю, когда явится к нему контрольный орган с резонным вопросом:

– Вы на службу иначе как на 15-тысячной машине ездить не можете?

Тогда и сам неразумный владелец машины поймет, что есть движение, наводящее ужас на государство, которому оно обходится дороже, чем следует.

1928

Москва от зари до зари

Рядовой октябрьский день в Москве. В такой день отрывной календарь «Светоч» рекомендует называть новорожденных детей Станиславом и Фоккой, если это мальчики, или Ефросинией и Матильдой, если это девочки. В этот день солнце восходит в 5 часов 44 минуты и заходит в 17 часов 08 минут. Произведя несложные арифметические выкладки, «Светоч» определяет долготу дня равной двенадцати часам и шестнадцати минутам.

Все это верно и убедительно, но если под словом «день» понимать работу, то ночи в Москве нет совсем, и все двадцать четыре часа московских суток представляют собой день.

Темная календарная ночь стоит над столицей, набережные оцеплены двумя рядами газовых фонарных огоньков, но люди уже работают, не обращая внимания на календарь.

На Красноворотской площади глухо режут паяльные лампы, десятки людей вырывают, как репу, булыжники из мостовой – идет смена изношенных, битых трамвайных рельс. На Берсеневской набережной, у Большого Каменного моста, сияют высоко подвешенные электрические лампы, шумят бетономешалки, и, отбрасывая по нескольку теней каждый, работают каменщики – здесь строится дом-великан.

Ночью работают третьи смены на фабриках, ночью только вступают в работу ротационные машины в газетных типографиях. С мостика у Александровского вокзала можно увидеть, как в белом дыму и огнях маневрируют паровозы. Ночью Москва работает, как днем.

В предчувствии солнца небо становится пепельным, синие тучи, сидевшие до сих пор кучно на горизонте, приходят в движение, и зеленые кафли на шатровых кремлевских башнях начинают поблескивать.

В этот час по пустым улицам, сотрясаясь, звеня и подпрыгивая по неровной мостовой, пробегает прокатная автомашинка, нагруженная истомившимися за ночь весельчаками. К милиционеру, расхаживающему на перекрестке, доносится тоскующий возглас из машины: «А салату не хватило, совсем не хватило», и машинка, покрываясь, уносится прочь.

Когда в полном соответствии с указаниями календаря «Светоч» солнце высовывается

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov из-за горизонта, оно уже застаёт на улицах дворников, размахивающих своими метлами, словно косами. Дворники – народ по большей части весьма меланхолический. Может быть, причина здесь та, что им приходится собирать остатки прожитого дня: все бумажки, ломаные папиросные коробки, тряпье, слетевшую с чьей-то ноги рваную сандалию – весь мусор и конские яблоки, оставленные за день на улицах двумя миллионами московского населения и многими тысячами лошадей.

Но еще раньше дворников появляются на улицах редкие собиратели окурков. Собрание окурков не есть, конечно, профессия, но человеку, вынужденному курить за чужой счет и небрезгливому, приходится вставать спозаранку. Окурок, валяющийся посреди улицы, ничего не стоит – он почти всегда выкурен до «фабрики», его не хватает даже на одну затяжку. Опытный собиратель направляется прямой дорогой к трамвайной остановке. Здесь валяется много больших, прекрасной сохранности окурков. Их набросали пассажиры, садившиеся вчера в подоспевший вагон. Тут можно найти и «Аллегро», и «Червонец», и «Люкс», а при случае даже «Герцеговину флор». Остается только выбирать по своему вкусу.

Собирателей окурков вспугивают дворники, а дворников – свежевывмытые вагоны трамвая, пробегающие с предельной скоростью по свободным еще от народа улицам.

Проходит около получаса. Солнце ломится во все окна, а город, кажется, и не думает просыпаться. С ведром мучного клейстера, кистью и рулоном афиш под мышкой медленно идет расклейщик, ночные сторожа распаивают свои сторожевые тулупы и обмениваются несложными новостями, пешеходы, точно стесняясь, что их так мало, пропадают в переулках.

Но впечатление это минутно и обманчиво.

Город просыпается волнами. В седьмом часу возникает рабочая волна. К восьми часам по улицам катится вал домохозяек и школьников, а к девяти из подъездов и ворот выносятся третья волна – движутся советские служащие.

До этого жизнь города концентрируется в отдельных пунктах – на рынках, на вокзалах, в газетных экспедициях. Город готовится, подтягивает резервы для того, чтобы встретить сотни тысяч людей, которые с минуты на минуту выступят из своих квартир в будничной трудовой поход и потребуют себе всего сразу – два миллиона завтраков, полмиллиона газет, все трамвайные и автобусные вагоны, чтобы проехать в них, и все московские улицы, чтобы пройти по ним.

И город готовится, подтягивает силы. На огромные площади торопливо стягиваются фургоны с продовольствием. На Болотный, Сухаревский, Тишинский, Центральный и прочие рынки свозят картофель в мешках, овощи в ящиках, фрукты в корзинах, хлеб и сахар, капусту и соль, свеклу и дыни.

Город проснется и потребует мыла, спичек и папирос. Ему нужны башмаки и костюмы. Он захочет колбасы десяти сортов и сельдей, он захочет молока.

Поэтому в ранние часы утра на вокзалах слышатся громы выгружаемых бидонов с молоком и на вокзальные площади высыпает толпы молочниц в платочках. Поэтому на рынках столько суеты, поэтому внутренние дворы кооперативных магазинов заполняются площадками, обитыми оцинкованной жстью: на них навалены мясные туши, покрытые перламутровой пленкой; поэтому у газетных экспедиций происходят баталии газетчиков: они стремятся как можно скорее получить свою пачку газет.

Надо торопиться: город сейчас проснется, а еще не все готово. Делаются последние приготовления. Распахиваются огромные деревянные ворота рынков. Разносчики газет занимают свои посты на улицах и бульварах. Солнце приподымается повыше, словно желая получше увидеть все происходящее в городе.

И огромный город просыпается. Сон покидает его не сразу. В центре еще спят, но окраины проснулись. На Тверском бульваре нет еще ни души, когда Краснохолмский, Устьинский, Замоскворецкий, Каменный и Крымский мосты переходят многотысячные, слитные и рассыпанные толпы, направляясь на работу.

Паровыми криками, гудками зовут к себе рабочих предприятия машиностроительные, текстильные, конфетные, электротехнические, швейные, табачные и вагонные – «АМО», «Борец», «Геофизика», «Гознак», «Красная звезда» и «Большевичка»,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov «Металлист» и «Красная Пресня», «Новая заря» и «Буревестник», «Пролетарский труд», «Серп и молот», «Спартак», «Шерсть – сукно», «Ява» и еще сотни фабрик и заводов собирают в своих корпусах пролетариев Москвы для кипучей работы. Разноцветный дым вылетает из высоких колонноподобных труб паровых станций; беззвучным и легким перемещением рубильника на мраморной распределительной доске включается электроэнергия, и разнообразный шум наполняет кирпичные корпуса. Фабричное кольцо, опоясывающее Москву, приступило к работе.

Между тем день растет. С окраин он перебрасывается в центр, он становится шумливым и деятельным. У нефтелавок собираются женщины с жестянками для керосина, образуя болтливые группки.

Настал хлопотливый час домохозяек. Они наполняют кооперативные магазины, критически осматривают развешанную на изразцовых стенах говядину, нюхают фарш, прицениваются к петрушке и закидывают продавцов вопросами о том, когда получится денатурированный спирт. Продавцам с ними много хлопот: они требовательны, разборчивы и в то же время нерешительны. Домохозяйка долго рассматривает морковь и, уже собравшись брать ее, вдруг уходит, решив, что в соседнем отделении «Коммунара» морковь лучше.

Домохозяйки с их мягкими плетеными кошелками сменяют на улицах дети-школьники. Первая ступень бежит вприпрыжку, подкидывая на ходу шапки в воздух, останавливаясь, чтобы подобрать валяющийся у обочины кусочек синего стекла или поправить съехавший на плечо красный галстук.

Девочки из второй ступени трясут стриженными кудрями и дорогу в школу сокращают разговорами о моде и обществоведении. Молодые граждане из той же ступени говорят о футболе, «Красине», делах своего учкома и о красоте желтых кожаных курток, так привлекательно рисующихся в витрине «Москвошвей».

Домохозяйки исчезают с улиц. Они разошлись по своим кухням. Дети откричали свое и расселись на партах. Девятый час – девятый вал; во всех направлениях движутся к своим учреждениям советские служащие.

Мелькают толстовки всех мыслимых фасонов – с открытым воротом и с застегивающимся наглухо, с пояском на пряжке и на пуговицах, с японскими рукавами и рукавами простыми. Портфелей столько же видов, сколько и толстовок, – с ручками и без ручек, окованные и некованные, желтого, черного и даже лилового цвета.

Час критический – девять без десяти минут. Нужно позавтракать и попасть на службу без опоздания. В столовых раздается нетерпеливый звон ложечек о стаканы.

В закусочных люди завтракают, стоя за высокими, по грудь, столами. Трамвайные вагоны подвергаются исступленным атакам. Воинственное настроение овладевает людьми, стоящими в трамвайных очередях. И если вагоны не разлетаются в щепы, то это явление граничит с чудом.

Московский трамвай никак не может удовлетворить всех желающих, а все-таки перевозит. Это чудо, и, как всякое чудо, оно идет вразрез с материалистическим мировоззрением. Поэтому деятелям из коммунального хозяйства необходимо искоренить чудеса на городском транспорте. Для этого нужно добавить побольше вагонов.

Перегруженные до того, что у них лопаются стекла, вагоны с тяжелым ревом высаживают служащих у огромных тысячеоконных зданий Дворца Труда, ВСНХ, комиссариатов и прочих учреждений, направляющих жизнь всей страны.

Утро кончилось в девять часов, хотя календарь «Светоч» и будет оспаривать это. Он станет доказывать, что астрономическое утро кончается в двенадцать часов пополудни. Но в Москве утро кончается тогда, когда всё пущено в ход. А к девяти часам работает всё.

Фабрики на ходу, дети уже в школе, обеды варятся, в учреждениях бурно звонят телефоны и топчут пишущие машинки. Всё на полном ходу, все заняты. Работает правительство и партия, работают профессиональные союзы, рабочие, директора, вузовцы, врачи, шоферы, ломовики, профессора, инспекторы, портные, работают все, начиная с ученика фабзавуча и кончая членами Политбюро.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

И в эти рабочие часы московские толпы теряют свои характерные особенности. Теперь уже не видно на улицах однородных людских потоков, состоящих из одних только служащих, только рабочих или детей. Теперь на улице всё смешано и можно увидеть кого угодно.

Бредет кустарь со взятой в починку мясорубкой, модница недовольно выскакивает уже из пятого обувного магазина, где она примеряла лаковый башмачок; можно увидеть и лицо свободной профессии, провожающее модницу сахарным взглядом, и толстую даму, на лице которой пятнами запечатлелось крымско-кавказское солнце.

В это время люди труда видны больше на мостовых, чем на тротуарах.

Длиннейшие обозы с товарами тянутся на вокзалы и с вокзалов. Битюги выступают медленно и свои закрытые шерстью копыта ставят на мостовую торжественно, как медную печать. Сотрясая землю, проносятся на пневматиках грузовики «бюс-

синги», которые возят песок на постройку с Москвы-реки, где его выгружают с больших грузоемких барж.

Плетутся извозчики в синих жупанах. Они трусливо поглядывают на милиционера и его семафор с красными кругами. До сих пор московские извозчики полагают, что все правила езды созданы с тайной целью содрать с них, извозчиков, побольше штрафов. Поэтому на всякий случай они вообще стараются не ездить по тем улицам, где есть милицейские посты.

Постоянные взвизгивания и стоны автомобильных сирени клаксонов рвут уши. Чем меньше по своим силам машина, тем быстрее она мчится по улице. Таков уж своенравный обычай московских шоферов.

Черные, чахлые фордики проносятся со скоростью чуть ли не штормового ветра. В то же время реввоенсоветовский «паккард» болотного цвета, машина во много раз сильнейшая фордовской каретки, катится уверенно и не спеша. Слышно только шуршание ее широких рубчатых покрышек о мостовую. Никто пока не может объяснить, почему так темпераментны шоферы маленьких машин. Это загадка российского автомобилизма.

На победный бег ширококозых автобусов, низкорослых такси и легковых машин, которые создают шум на московских улицах, грустно глядят со своих облучков бородатые извозчики. Увы, пролетка – это каретка прошлого. В ней далеко не уедешь, и грусть извозчиков вполне понятна.

Если ранним утром в большом спросе пищевые продукты, а немного попозже разные хозяйственные предметы – синька, щелок, ведра или мыло для стирки, то в разгаре дня наполняются магазины, торгующие одеждой, башмаками, чемоданами, галстуками и галошами, одеялами и цветами.

Покупатели теснятся у лакированных кооперативных прилавков. В стеклянной галерее Гума движение больше, чем на самой людной улице Самары или Одессы. Универмаг Мосторга за субботний день пропускает сквозь свои зеркальные двери столько покупателей, что если бы их запереть в магазине, то можно было бы организовать здесь большой губернский город, настоящий – там были бы и свои рабочие, и профессора, и врачи, и журналисты, и нетрудовые элементы. Было бы только немного тесновато.

К шуму, который усердно производят машины и извозчики, присоединяется кислый визг продавцов духов, старых книг, дамских чулок или крысиного мора. Китайцы у Третьяковского проезда восхваляют свои портфели и сумочки, пятновыводчики хватают прохожих за рукав и насильно уничтожают пятна на их одеждах. Средство для склеивания разбитой посуды предлагается с такой настойчивостью, как если бы от того, купят его или не купят, зависело счастье или несчастье всего человечества.

Небо чернеет от дыма, ветер гоняет пыль столбами. Московский день продолжается. Множество событий, замечательных и крохотных, совершается в большом городе. А толпы циркулируют все поспешней.

Надвигается дождь, собиравшийся уже с полдня; готов обед дома, и тесно стало в

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov столовых, закусовых и рестораника. Пятый час дня.

Обратные валы катятся с завода по Пятницкой, Тверской, по Мещанским, Арбату, по всем артериям столицы. Учреждения извергают из своих недр канцеляристов. Трамвай подвергается нападению, еще более ожесточенному, чем утром. Истощенными голосами выкрикивается название вечерней газеты. Вегетарианцы – пожиратели бураков – забегают в столовую под сладеньким названием «Примиришь» или «Убедишь». Толчея деловая или бездельная усиливается, но это уже последняя вспышка. День догорает и дымится.

После короткого отдыха, после получасового затишья на улицах и площадях движение снова усиливается, на этот раз по совершенно новым направлениям.

Утром передвижка населения происходит из домов на предприятия, в банки, школы, вузы, редакции и канцелярии. В послеобеденное время целью передвижения являются спортивные площадки, клубы, читальни и парки.

На Ленинградском шоссе пятнадцатитысячная толпа с трудом пробирается через узкие ворота на стадион. Над толпой беспомощно пляшут фигуры конных милиционеров. А по аллеям и велосипедным дорожкам Петровского парка толпятся на футбольный матч еще новые группы, кучки и колонны людей.

Низко и тихо идет на посадку алюминиевый «юнкерс», прилетевший из Германии. Когда он пролетает над футбольным полем, пассажиры его видят густо усаженные зрителями деревянные трибуны, мяч, задержавшийся в воздухе, и обе команды, перемешавшиеся в игре.

На спортплощадках, в гимнастических залах молодежь тренируется и в этом находит настоящий отдых.

Солнце, раскидавшее в последнюю минуту мягкие лепные облака, отражается в оконных стеклах малиновым сиропом и оседает за крыши одноэтажных домиков на окраине.

Наступил час лекций, театров, время яростных диспутов о литературных и половых проблемах, о Волго-Доне и засухоустойчивых злаках.

Центрами притяжения становятся Свердловская площадь с ее тремя театрами, Деловой клуб на Мясницкой, Садово-Триумфальная, иллюминированная световыми надписями кино, и все цирки, многочисленные клубы и красные уголки.

Из задымленных пивных и рестораников под утешительными названиями «Друг желудка» или «Хризантема» вырывается на улицу струнная музыка и скороговорка рассказчика. Здесь заседают друзья пива и воблы, любители водки стопками или графинчиками.

У тесового забора Ермаковского ночлежного дома выстроились в очереди оставшиеся без ночлега приезжие и завсегдаи этого места, деклассированные забулдыги, промышленяющие нищенством, а порою и кражами.

И даже когда по календарю глухая ночь, когда закрылись театры, и клубы, и рестораны, когда пустеют улицы и мосты сонно висят над рекой, – даже и тогда светятся кремлевские здания и шумно дышит Могэс.

В столице труда и плана работа не прекращается никогда.

1928

Случай в конторе

В конторе по заготовке рогов и копыт высшим лицом был Николай Константинович Иванов. Я особенно прошу заметить себе его имя и отчество – Николай Константинович. Также необходимо договориться о том, на каком слоге его фамилия несла ударение. Ударение у Николая Константиновича падало на последний слог. фамилия его читалась – Иванóв.

Дело в том, что Иванóвых, то есть людей, несущих ударение на последнем слоге своей фамилии, необходимо отличать от их однофамильцев, у которых ударение падает на второй слог. Иванóв и Ива́нов ничуть не схожи. Говоря короче, все Иванóвы люди серенькие, а все Ива́новы чем-нибудь да замечательны. Иванóвых

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov великое множество. Ивановых можно перечесть по пальцам.

Ивановы занимают маленькие должности. Это счетоводы, пастухи, помощники начальников станций, дворники или статистики.

Ивановы люди совсем другого жанра. Это известные писатели, композиторы, генералы или государственные деятели. Например, писатель Всеволод Иванов, поэт Вячеслав Иванов, композитор Ипполитов-Иванов или Николай Иудович Иванов, генерал, командовавший Юго-Западным фронтом во время немецкой войны. У них у всех ударение падает на второй слог.

Известность, как видно, и служит причиной того, что ударение перемещается.

Писатель Всеволод Иванов, до того как написал свою повесть «Бронепоезд», безусловно назывался Всеволод Иванов.

Если помощнику начальника станции Иванову удастся прославиться, то ударение немедленно переключается с третьего на второй слог.

Так свидетельствуют факты, история, жизнь.

Возвращаясь, однако, к конторе по заготовке рогов и копыт для нужд гребеночной и пуговичной промышленности, я должен заметить, что заведующий конторой был человек ничем особенно не замечательный. Николай Константинович был, если можно так сказать, человек пустяковый, с ударением на последнем слоге. Служащий – и ничего больше.

Николай Константинович находился в состоянии глубочайшего раздумья.

Дело в том, что все служащие по заготовке роговых материалов были однофамильцами Николая Константиновича. Все они были Ивановы.

Приемщиком материалов был Петр Павлович Иванов.

Артельщиком в конторе служил Константин Петрович Иванов.

Первым счетоводом был Николай Александрович Иванов.

Второго счетовода звали Сергеем Антоновичем Ивановым.

И даже машинистка была Иванова Марья Павловна.

Как всё это так подобралось, Николай Константинович сообразить не мог, но ясно понимал, что дальше это терпимо быть не может, потому что грозит катастрофической опасностью. Он отворил дверь и слабым голосом созвал сотрудников.

Когда все собрались и расселись на принесенных с собою темно-малиновых венских стульях, Николай Константинович испуганно смотрел на своих подчиненных. Снова с необыкновенной остротой он вспомнил, что все они Ивановы и что сам он тоже Иванов. И не в силах больше сдерживаться он закричал, что есть силы:

– Это свинство, свинство и свинство! И я довожу до вашего сведения, что так дальше терпимо быть не может!

– Что не может? – с крайним удивлением спросил приемщик Петр Павлович.

– Не может быть больше терпимо, чтоб ваша фамилия была Иванов! – твердо ответил Николай Константинович.

– Почему же моя фамилия не может быть Иванов? – сказал приемщик.

– Это вы поймете, когда вас выгонят со службы. Всех нас выгонят, потому что мы Ивановы, а следовательно, родственники. Тесно сплоченная шайка родственников. Как я этого до сих пор не замечал?

– Но ведь вы знаете, что мы не родственники? – возопила Мария Павловна.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov – Я и не говорю. Другие скажут. Обследование. Мало ли что? Вы меня подводите. Особенно вы, Мария Павловна, у которой даже отчество общее с Петром Павловичем.

Приемщик вздрогнул и тяжело задумался.

– Действительно, – пробормотал он, – совпадение удивительное.

– Надо менять фамилии, – закончил Николай Константинович. – Ничего другого не придумаешь. И чем скорее, тем лучше. Лучше для вас же.

– Пожалуй, я обменяю, раз надо! – вздохнул артельщик. – Нравится мне тут одна фамилия – Леонардов. У меня такой старик был здесь знакомый. У него даже один директор хотел купить фамилию. Очень ему нравилась. Десять рублей давал, но старик не согласился.

– Леонардов – чудная фамилия, – заметила машинистка, – но как вы ее примете?

– Теперь можно. Старик уехал во Владивосток крабов ловить.

Мария Павловна с минуту помолчала, рассматривая свои белые чулки, от стирки получившие цвет рассыпанной соли. Наконец она решилась и бодро сказала:

– Какую же взять фамилию мне? Мне бы хотелось, чтобы фамилия была, как цветок.

И Мария Павловна принялась перекраивать названия цветов в фамилии.

Душистый горошек, анютины глазки и иван-да-марья были сразу отброшены. Мария Душистова, Мария Горошкова и Мария Душистогогорошкова были забракованы, осмеяны и преданы забвению. Из иван-да-марьи выходила та же Ивановна. Хороши были цветы фуксии, но фамилия из фуксии выходила какая-то пошлая: Фукс. Мадемуазель Фукс увяла прежде, чем успела расцвести.

Тогда Мария Павловна с помощью обоих счетоводов отважно врезалась в самую глубь цветочных плантаций. Царство флоры было обследовано с мудрой тщательностью. Гармонические имена цветов произносились нараспев и скороговоркой: Левкоева, Ландышева, Фиалкина, Тюльпанова.

Счетоводы выбились из сил.

– Хризантема, орхидея, астры, резеда! Честное слово, резеда чудный цветок.

– Так мне ж не нюхать, поймите вы!

– Георгин, барвинок, гелиотроп.

– Или атропин, например! – сказал вдруг молчавший все время артельщик.

Покуда счетоводы измывались над артельщиком, объясняя ему, что атропин не цветок, а медикамент, Мария Павловна приняла решение называться Ананасовой.

Это было нелогично, но красиво.

У Сергея Антоновича всё обстояло благополучно, хотя воображения у него не хватило. Свою фамилию Иванов он обменял на Петрова. Все снисходительно улыбнулись.

– У меня лучше! – похвастался первый счетовод. – Меня теперь зовут Николай Александрович Варенников.

Приемщику понравилась фамилия Справченко. Это была фамилия хорошая, спокойная, а главное – созвучная эпохе.

Довольнее всех оказался Николай Константинович Иванов, заведующий конторой по заготовке рогов и копыт для нужд пуговичных фабрик.

– Я очень рад, – сказал он приветливо, – что всё устроилось так хорошо. Теперь никакие толки среди населения невозможны. В самом деле, что общего между Справченко и Варенниковым, между Ананасовой и Леонардовой или Петровым? А то,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov знаете, Иванова, да Иванов, да снова Иванов, и опять Иванов. Это каждого может навести на мысли.

– А вы какую фамилию взяли себе? – спросила Мария Павловна Ананасова.

– Я? А зачем мне новая фамилия? Ведь теперь Ивановых в конторе больше нет. Я один, зачем же мне менять? К тому же мне неудобно. Я ответственный работник, я возглавляю контору. Даже по техническим соображениям это трудно. Как я буду подписывать денежные чеки? Нет, мне это невозможно, никак невозможно сделать.

..Всё пошло своим чередом, и через установленный законом срок отдел записи актов гражданского состояния утвердил за пятью Ивановыми их новые фамилии.

А спустя неделю после этого погасла заря новой жизни, пылавшая над конторой по заготовке рогов и копыт. Николая Константиновича уволили за насильственное принуждение сотрудников к перемене фамилии.

Получив это печальное известие, Николай Константинович тихо вышел из своей комнаты. В тоске он посмотрел на Константина Петровича Леонардова, на Петра Павловича Справченко, на Николая Александровича Варенникова и на Марию Павловну Ананасову.

Не в силах вынести тяжелого молчания, артельщик сказал:

– Может быть, вас уволили за то, что вы не переменили фамилии? Ведь вы же сами говорили.

Николай Константинович ничего не ответил. Шатаясь, он побрел в кабинет – как видно, сдавать дела и полномочия. От горя у него сразу скопилось набок высокие скороходовские каблучки.

1928

Дом с кренделями

В маленьком доме, где когда-то помещалось булочное заведение и до сих пор на деревянном фасаде висят золотые кренделя, жило всего четыре семейства.

Всё это были люди тихие и законопослушные. Тревога в крендельном домике началась только с того времени, когда старик музыкант Василий Иванович Лошадь-Пржевальский сдал одну свою комнату.

Котя Лохвицкий, молодой человек, поселившийся у музыканта, имел доброе лицо и пухлое тело. Казалось, что пульс у него бархатный, а сосцы полны молоком и медом.

В один из первых же дней розовощекий квартирант притащился домой с агентом по страхованию от огня и застраховал свое движимое имущество в тысячу рублей сроком на один год.

– Он меня просто обольстил – рассказывал Лохвицкий хозяину. – Говорит, что счастье может дать только страховой полис. Так меня рассмешил, что я застраховался.

Но смешливый жилец уже со второго месяца перестал платить за квартиру.

– Вышел из бюджета, – говорил он, лучезарно глядя на Василия Ивановича. – Жалованья совершенно не хватает.

Лошадь еще ничего не подозревал, но прочие жильцы быстро надоумили его. Они были крайней испуганы.

– Вы присматривайте за своим квартирантом. Он нам дом подожжет.

– Да бросьте вы!

– Иначе и страховаться нет смысла. Сами видите, у него – ни копейки. А всё вы! Пустили кобла в квартиру. Уж он свой бюджет поправит, будьте уверены.

Испуганный Лошадь сейчас же пошел к Лохвицкому, чтобы поболтать о том о сем.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Он растерянно осмотрел матрац квартиранта и славянский шкаф с зеркалом. Зеркало было крошечное и вделано так высоко, что в него приходилось заглядывать, как в форточку.

– Всего имущества рублей на сто двадцать, – посчитал Лошадь. – Сожжет, никаких сомнений. Все сгорим!

В эту ночь он спал плохо, а следующий день провел совсем без сна, потому что соседи не давали ему прохода попреками.

В страхе музыкант заучил наизусть номер телефона ближайшей пожарной части и занялся недостойным для интеллигентного человека делом – стал подглядывать за квартирантом в замочную скважину.

О квартирной плате он уже не заикался.

– При теперешних окладах, – говорил он подобострастно, – молодому человеку очень трудно обернуться. Вы не спешите с деньгами. Я подожду с наслаждением.

– Спешить, как на пожар, конечно, нечего, – ответил Лохвицкий, – но на днях я обязательно уплачу!

Это заявление произвело на трусливого Лошадя угнетающее действие. Он решил, что час настал, побежал в аптеку и по телефону вызвал пожарную команду.

Переулок наполнился звоном и грохотом. Засверкали медные купола пожарных касок, и Лошадю пришлось уплатить двадцать пять рублей за напрасный вызов. Он слишком поспешил. Пожара еще не было.

– Вот такие неожиданные расходы и выводят из бюджета, – назидательно заметил квартирант.

Лошадю это показалось злой насмешкой. Он всё понял. Нынешние молодые люди хитрее, чем кажется сначала.

– Надо спасать, – подумал он, – всё, что еще можно спасти. Надо себя обеспечить от стихийного бедствия, огня.

Немедленно после этого решения Лошадь-Пржевальский застраховал свою обстановку в две тысячи рублей, сроком также на один год.

После этого в доме не осталось ни одного не застрахованного предмета.

Дом, как феникс, готов был возродиться из грядущего пепла на деньги Госстраха. Все приготовились к огненному погребению, и неделя прошла в лихорадочном ожидании всепожирающего пламени.

Но пожара не было, и нос смешливого квартиранта по-прежнему невинно блистал всеми оттенками перламутра. Он даже внес Василию Ивановичу свой долг.

Протяжный вздох – вздох, вызванный оправдавшимися подозрениями, – пронесся по всем квартирам «дома с кренделями».

– Хитрит! Очки втирает! Хочет-таки получить свою тысячу страховки.

И через день переулок снова наполнился грохотом пожарных машин и блеском медных шляп. На этот раз дом с кренделями действительно горел.

Поджег его сам Василий Лошадь, не выдержавший томительного ожидания несчастья.

Больше всего удивлен был смешливый квартирант. Он растерянно поглаживал свои плюшевые височки, ахал, волновался, но все-таки никогда по молодости своей и не понял, что дом погиб от собственного свинства, от легенды, которую сам создал.

1928

Пуритане и барабанщики

По пятницам в магазинном помещении на Никитской улице собирается человек

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov пятьдесят. У каждого из них есть лупа, какие обычно употребляет часовщик, никелированный пинцет, зубцемер (предмет, похожий на продкарточку образца 1920 года), походный альбом и французский каталог Ивера.

Электрические лампы, не прикрытые абажурами, режут глаза. Пол, в голубых и желтых изразцах, леденит ноги. Стульев и табуреток на всех не хватает. Сундук, стоящий в углу, тоже занят, и большинство пришедших остается на ногах по нескольку часов.

Но никто не уходит. Здесь собираются люди сильных страстей. Это филателисты, собиратели почтовых марок. Каждую пятницу здесь идет аукционная продажа марок для коллекций.

Коллекционирование – страсть могучая и всеожигающая.

Составляются коллекции бон и бумажных дензнаков.

Есть люди, собирающие трамвайные билеты различных городов.

Какой-то бельгиец собрал обширнейшую коллекцию колоколов.

У Марка Твена есть рассказ о «двух чудаках», которые коллекционировали эхо. Они покупали все месторождения эха – пропасти и ущелья.

И вряд ли тут есть преувеличение.

Недавно в этот же магазинный каземат на Никитской вошел гражданин чрезвычайно достойного вида. Он был не молод. Время окрасило его усы в уксусный цвет. Он осмотрел собравшихся светлыми стариковскими глазами и прошамкал:

– А здесь кто-нибудь собирает спичечные коробки?

За шумом торга старика не расслышали.

– Кто-нибудь собирает здесь спичечные коробки? – повторил он сердито.

Продажа серии греческих марок от пяти лепт до двадцати пяти драхм на минуту приостановилась. Из толпы выдвинулись два собирателя и с интересом подступили к старику:

– А какие вы собираете коробочки? Целые?

– Нет, только крышечки.

– Как только крышечки? Это же вандализм!

Старик пошевелил своими уксусными усами и что-то забормотал. Но его не слушали.

– Вы испортили свою коллекцию. Она ничего не стоит. Нужно собирать целые коробочки.

Все отвернулись от собирателя сосудов из-под спичек, и торг на греческие марки с изображениями Коринфского канала, белой башни в Салониках и крейсера «Георгий Аверов» возобновился с новой силой.

Из этого эпизода видно, что и спичечные коробочки собирают и что есть даже особые правила для их собирания.

Почтовые открытки с видами тоже находят своих поклонников и собирателей. При этом ценятся только те открытки, где марка наклеена на самом виде. Другие значения для коллекции не имеют.

Как видно, есть правила и для коллекционирования колоколов.

Но колоколов у нас не собирают. Для частных лиц это удовольствие слишком дорого, да и некуда было бы поместить собранные экземпляры. Живя на площади по санитарной норме, больше двух колоколов в комнату не вопрешь.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov Приверженцы эха, трамвайных билетов или конфетных оберток у нас также немногочисленны. Зато есть изрядное число филателистов.

По большей части это люди почтенные, семейные.

На марочные аукционы приходят бородатые граждане, в фуражках с зелеными инженерными кантами, военные в долгополых шинелях, отцы семейств, люди с положением в обществе, по старомодному выражению.

Они вооружены знанием, пинцетами, лупами, зубцемерами и марочными каталогами Ивера или Джиббонса.

Грустно и снисходительно взирают они на филателистическую молодежь.

Ученик второй ступени хватает марку пальцами. Старый филателист осторожно берет ее пинцетом.

Собиратель-мальчик не считает число зубчиков на марке, но опытный человек сейчас же измеряет марку зубцемером. Иногда совершенно одинаковые марки имеют разное число зубчиков, тогда они считаются разными.

Начинающий филателист собирает все марки, в его альбоме есть и Гваделупа, и Барбадос, обе Америки и Европа, африканские колонии и Азия. Филателисты, умудренные опытом, специализируются. Обнимать необъятное им не по карману. Они собирают либо только Европу, либо английские колонии, или только Южную Африку.

Зато как тонко они разбираются в марках. Они доподлинно знают историю марочной эмиссии и так ревниво разыскивают разновидности марок, что порой доводят собирание их до бессмыслицы.

Они собирают уже не только марки, различные по рисунку, но даже одну и ту же марку, напечатанную на разных по плотности сортах бумаги или имеющую в разных выпусках тончайшее различие в цвете.

При таком пуританстве культурное значение собирания марок выжимается на задний план.

С другой стороны усердствуют доморожденные марксисты-марочники. По поводу каждой новой марки они страстно обличают хищников мирового капитала.

Закрывшись, к счастью, журнал «Советский филателист» писал о марках почти только в таком роде:

«По-прежнему свирепствовали в колониях империалистические страны (Франция, Англия, Испания, Италия и Бельгия), наводняя филателистический рынок марками».

«На первом месте опять стоит империалистическая Франция, закончившая покорение непокорного Марокко. За ней следует лицемерно-хищническая Англия, которая по метрополии не выпустила за год ни одной новой марки, раздавив преданных вождями генерального совета профсоюзов углекопов и разорвав дипломатические отношения с Советским Союзом, в то же самое время выпустив на рынок по всем своим колониям 95 новых марок».

Это непревзойденный образец барабанного творчества.

Истина лежит, конечно, где-то посередине между филателистами-пуританами и филателистами-барабанщиками.

Можно все-таки думать, что главной движущей силой коллекционирования марок является просто сильная страсть, спортивный интерес.

При передаче изображений по радио филателии угрожает большая опасность. Исчезнут современные почтовые аксессуары, письма, конверты и марки.

Однако немецкий марочный журнал «Лихтенштейн» считает, что ничего не изменится.

Ведь и сейчас уже коллекционеры марок воздушной почты собирают большей частью не марки, а оболочки писем, штемпеля и ярлыки.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

Вот что может полностью переходить на радио.

Были бы коллекционеры, а предметы для коллекционирования всегда найдутся.

1928

Разбитая скрижаль

Был он сочинителем противнейших объявлений, человеком, которого никто не любил. Неприятнейшая была это личность, не человек, а бурдюк, наполненный горчицей и хреном.

Между тем он был вежлив и благовоспитан. Но таких людей ненавидят. Разве можно любить сочинителя арифметического задачника, автора коротких и запутанных произведений? Нельзя удержаться, чтобы не привести одно из них:

«Купец приобрел два цибика китайского чаю двух сортов весом в 40 и 52 фунтов. Оба эти цибика купец смешал вместе. По какой цене он должен продавать фунт полученной смеси, если известно, что фунт чаю первого сорта обошелся купцу в 2 р. 87 коп., а фунт второго сорта – в 1 р. 21 коп., причем купец хотел получить на каждом фунте прибыль в 90 копеек?»

Такие упражнения очень полезны, но людей, которые их сочиняют, любить нельзя, сердце не повернется.

Сколько гимназистов мечтало о расправе с Малининым и Бурениным, составителя распространённого когда-то задачника?

В какие фантастические мечты были погружены головы, накрытые гимназической фуражкой с алюминиевым гербом?

«Пройдут года, и я вырасту, – думал ученик, – и когда я вырасту, я пройду по главной улице города и увижу моих недругов. Малинин и Буренин, обедневшие и хромые, стоят у пекарни Криади и просят подаяния. Взявшись за руки, они поют жалобными голосами. Тогда я подойду поближе к ним и скажу: “Только что я приобрел семнадцать аршин красного сукна и смешал их с сорока восемью аршинами черного сукна. Как вам это понравится?” И они заплачут и, унижаясь, попросят у меня на кусок хлеба. Но я не дам им ни копейки».

Такие же чувства внушал мне сосед по квартире – бурдюк, наполненный горчицей и хреном, человек по фамилии Мармеладов.

Квартира наша была большая, многолюдная, многосемейная, грязная. Всего в ней было много – мусора, граммофонов и длиннопламенных примусов. В ней часто дрались и веселились, причем веселье по звукам, долетающим до меня, ничем не отличалось от драки.

И над всем этим нависал мой сосед, автор ужаснейших прокламаций.

В кухне, у раковины, он наклеил придиричивое объявление о том, что нельзя в раковине мыть ноги, нельзя стирать белье, нельзя сморкаться туда. Над плитой тоже висела какая-то прокламация, написанная химическим карандашом, и тоже сообщалось что-то нудное.

Мармеладов где-то служил, и нетрудно поверить, что своей бьющей в нос справедливостью и пунктуальностью он изнурял посетителей не меньше, чем всех, живших с ним в одной квартире.

Особенно свирепствовал он в уборной.

Даже краткий пересказ содержания главнейших анонсов, которыми он увещал свою изразцовую святая святых, отнимет довольно много времени.

Висела там категорическая просьба не засорять унитаза бумагой, и преподаны были наиудобнейшие размеры этой бумаги. Сообщалось также, что при пользовании бумагой указанных размеров уборная будет работать бесперебойно к благу всех жильцов.

Отдельная афишка ограничивала время занятия уборной пятью минутами.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Были также угрозы по адресу нерадивых жильцов, забывающих о назревшей в эпоху культурной революции необходимости спускать за собой воду.

Всё венчалось коротеньким объявлением:

«Уходя, гасите свет».

Оно висело и в уборной, и на кухне, и в передней – и оттого темно было вечером во всех этих местах общего пользования. Двухгрошовая экономия была главной страстью моего соседа – бурдюка, наполненного горчицей и хреном.

– Раз счетчик общий, – говорил он с неприятной сдобностью в голосе, – то в общих интересах, чтоб свет без надобности не горел.

От его слов пахло пользой, цибиками, купцами, смешанными аршинами черного и красного сукна, и перетрусившие жильцы вообще уже не смели зажигать свет в передней. Там навсегда стало темно.

Расчетливость и пунктуальность нависли над огромной и грязной коммунальной квартирой, к удовольствию моего справедливого соседа. Отныне дома, как на службе, он размеренно плавал среди циркуляров, пунктов и запретительных параграфов.

Но не суждено было ему цвести.

Наш дом захватила профорганизация парикмахеров «Синяя борода», и обоих нас переселили в новый дом, в двухкомнатную квартиру.

В первый день мой бурдюк был чрезвычайно оживлен. Внимательным оком он рассмотрел все службы – кухню и переднюю, ванную комнату и сиятельную уборную, как видно, примериваясь к местам, где можно развесить всякого рода правила и домовые скрижали.

Но уже вечером бурдюк погрузился в глубокую печаль. Стало ему томительно ясно, что на новом месте незачем и не для кого развешивать свои назидательные сочинения. В прежней квартире жило тридцать человек, а здесь только двое. Некого стало поучать.

И бурдюк сразу потускнел. Уже не бродит он вечерами по коридорам, одергивая зарвавшихся жильцов, а в немой тоске сидит у себя.

Иногда к нему приходит его приятель, и оба они что-то жалобно напевают, очень напоминая обедневших Малинина и Буренина из мечтаний разъяренного ученика первого класса.

1929

Странное племя

Совсем недавно, когда Горький был в Москве, ко мне пришел знакомый художник. Одет он был с той беспорядочностью, которая присуща теперь не только художникам, но и всем покупающим готовое платье в госмагазинах.

Был на нем волосатый бумажный костюм аспидного цвета с плохо вшитыми рукавами. Была на нем и экономическая графитная сорочка с галстуком ящеричного оттенка. Были на нем и негнущиеся хромовые башмаки на высоких каблуках, которые так выгодно выделяют скороходовскую продукцию среди обуви, изготовляемой во всем остальном мире. Словом, было на нем все то, что носят маломощные советские граждане.

– Как попасть к Горькому? – торопливо сказал художник. – Вы не можете познакомить меня с ним?

– А зачем вам это?

– Нужно до зарезу.

– Написали роман и хотите получить аттестацию Алексея Максимовича?

– Да нет, какой там роман! Я хочу написать с него портрет. – К Горькому очень

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov трудно попасть. Зачем вам именно он, пишите с кого-нибудь другого.

– Какой вы, однако, чудак! Кому нужен портрет с кого-нибудь другого? А портрет Горького у меня купят, особенно если он на нем распишется.

– У вас есть заказчик?

– Теперь нет заказчиков. Кто-нибудь да купит. Музей Революции, или ГИЗ, или трест сжатых газов. Горький теперь в моде. Устройте мне это знакомство.

Но оказалось, что я сам незнаком с Горьким и ходов к нему не имею. Художник, огорченно прищелкивая языком, надел тяжелое, словно не ватой, а оловом подбитое пальто и стал прощаться.

– А как дела вообще?

– Плохи. Нет сбыта, рынка нет.

– Но все-таки... – Не все-таки, а именно.

И, стоя у вешалки, где пальто висели, как убитые волки, художник произнес печальный монолог о музеях, которые почти ничего не покупают, о клубах, загромаждающих свои подоконники бюстами машинной выработки, о рабочих и служащих, которые обходятся покуда без живописи.

– А нэпманы?

– Это зверье картин не покупает. Не та стадия развития! Засим – до свиданья! Пойду еще в один дом, попробую все-таки насчет Горького.

Через месяц мы снова встретились. Как и прежде, на бумажном костюме художника торчали во все стороны волоски и зловеще поблескивал ящеричный галстук. Но художник был весел.

– А я напал-таки на жилу!

– Написали портрет?

– Написал и продал.

– С Горького?

– Сказали! С Горьким ничего не вышло. Я одного замечательного старика написал.

– Какого старика?

– Это тоже, знаете, редкая комбинация. У меня есть один приятель, старый политкаторжанин. Живет он в общежитии ветеранов. И однажды застал я у него какого-то очень живого и очень сердитого старика.

– Познакомьтесь, – говорит мне приятель, – это товарищ Дегейтер, автор «Интернационала».

Я читал о его приезде из Франции. Он тут в Москве выступал и даже сам дирижировал оркестром, исполнявшим «Интернационал».

– А не согласится ли он, – говорю я, – позировать мне для портрета?

– Надо узнать. Пробудет он здесь порядком. Он приехал сюда с французскими коминтерновцами и вместе с ними, видно, уедет.

Стали они разговаривать, и старик сразу согласился. Оказалось, что он изрядно скучал. Спутники сидят на конгрессе, а он особенно много носиться по городу не может. Возраст. Написал я с него хороший портрет, он сделал свой автограф, и все это я продал в один из исторических музеев.

– И много получили?

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
– Получил 200 рублей.

– И вы довольны?

– Ну еще бы. Это почти все мои доходы за полгода!

– А дальше как? Предвидится работа?

– Не знаю. Все может быть. Может, Ромен Роллан приедет. Тогда постараюсь к нему пробиться.

На этом кончился наш замечательный разговор. Чтобы художнику продать картину, нужно необыкновенное стечение обстоятельств.

Нужно, чтобы из Франции в Москву приехал знаменитый человек, чтобы человек этот был автором «Интернационала», чтобы он был стар, не мог выйти из комнаты и очень скучал, покинутый товарищами, занятыми делом.

Тогда художник может написать с него портрет и продать за очень скромные деньги.

Счастливым художник!

1929

Как делается весна

Весна в Москве делается так.

Сначала в магазинной витрине фирмы «Октябрьская одежда», принадлежащей частному торговцу И. А. Лapidусу, появляется лирический плакат:

ВСТРЕЧАЙТЕ ВЕСНУ В БРЮКАХ И. А. ЛАПИДУСА

Цены умеренные

Прочитав этот плакат, прохожие взволнованно начинают нюхать воздух. Но фиалками еще не пахнет. Пахнет только травочкой-зубровочкой, настоечкой для водочки, которой торгуют в Охотном ряду очень взрослые граждане в оранжевых тулупах. Падают колючий, легкий, как алюминий, мартовский снег. И как бы ни горячился И. А. Лapidус, до весны еще далеко.

Потом на борьбу с климатом выходят гастрономические магазины. В день, озаглавленный снежной бурей, в окне роскошнейшего из кооперативов появляется парниковый огурец.

Нежно-зеленый и прыщеватый, он косо лежит среди холодных консервных банок и манит к себе широкого потребителя.

Долго стоит широкий потребитель у кооперативного окна и пускает слюни. Тогда приходит узкий потребитель в пальто с воротничком из польского бобра и, уплатив за огурец полтора рубля, съедает его. И долго еще узкий потребитель душисто и нежно отрыгивается весной и фиалками.

Через неделю в универмагах поступают в продажу маркизет, вольта и батист всех оттенков черного и булыжного цветов. Отныне не приходится больше сомневаться в приближении весны. Горячие головы начинают даже толковать о летних путешествиях.

И хотя снежные вихри становятся сильнее и снег трещит под ногами, как гравий, – весенняя тревога наполняет город.

Три писателя из литературного объединения «Кузница и усадьба» также путем печати оповещают всех, что пройдут пешком по всей стране, бесплатно починяя по дороге кастрюли и сапоги беднейших колхозников. Цель – ознакомление с бытом трудящихся и собирание материалов для грядущих романов.

Универмаги делают еще одну отчаянную попытку. Они устраивают большие весенние базары.

Зима отвечает на это ледяным ураганом, большим апрельским антициклоном. Снег смерзается и звенит, как железо. Морозные трубы вылетают из ноздрей и ртов граждан. Извозчики плачут, тряся синими юбками.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov
В это время в универсамах продают минеральные стельки «Арфа», радикально предохраняющие от пота ног.

Горячие головы и энтузиасты покупают минеральные стельки и радостно убеждаются в том, что соединенными усилиями мороза и кооперации качество стелек поставлено на должную высоту – ноги действительно не потеют.

А снег все падает.

Не обращая на это внимания, вечерняя газета объявляет, что прилетели из Египта первые весенние птички – колотушка, бибрик и синайка.

Читатель теряется. Он только что запасся саженью дров сверх плана, а тут на тебе – прилетели птицы, которые в своих клювах привозят голубое небо и жаркие дни. Но, поразмыслив и припомнив кое-что, читатель успокаивается и закладывает в печь несколько лишних поленьев.

Он вспомнил, что каждый год читает об этих загадочных птичках, что никогда они еще не делали весны и что самое существование их лежит на совести вечерней газеты.

Тогда «вечорка» в отчаянии объявляет, что на Большой Ордынке, в доме № 93, запел жук-самец и что более явственного прихода весны и требовать нельзя.

В этот же день раздражается певучая снежная метель, и в диких ее звуках тонут выкрики газетчиков о не вовремя запевшем самце с Большой Ордынки.

Наконец галки начинают тяжело реять над городом и по оттаявшим железным водосточным трубам с грохотом катятся куски льда. Наконец граждане получают реванш за свою долготерпеливость. С удовольствием и сладострастием они читают в отделе происшествий за 22 апреля:

Несчастный случай. Упавшей с дома № 18, по Кузнецкому мосту, громадной сосулькой тяжело изувечен гражд. М. Б. Шпора-Кнутовищев, ведущий в вечерней газете отдел «Какая завтра будет погода». Несчастный отправлен в больницу.

Повеселевшие граждане с нежностью озирают ручейки, которые, вихляясь, бегут вдоль тротуарных бордюров, и даже начинают с симпатией думать о Шпоре-Кнутовищеве, хотя этот порочный человек с февраля месяца не переставал долбить о том, что весна будет ранняя и дружная.

Тут, кстати, появляется в печати очерк о Кисловодске, принадлежащий перу трех писателей из группы «Кузница и усадьба». И граждане, удивляясь тому, как быстро теперь ходят писатели пешком, убеждаются в том, что весна действительно не только наступила, но уже и прошла.

1929

Диспуты украшают жизнь

Непреодолимую склонность к диспутам люди начинают проявлять еще с детства.

Уже в десятилетнем возрасте будущие диспутанты заводят яростные споры по поводам, которые даже при благожелательном рассмотрении могут показаться незначительными.

– Кто плюнет на наибольшее расстояние?

Или:

– Кто раньше прибежит от Никитских ворот к памятнику Пушкина – Боба или Сережа Вакс?

Словопрению здесь уделяется самое малое время. Противники быстро приступают к практическим испытаниям – либо мечут дальнобойные плевки, либо наперегонки мчатся по скрипучим от гравия аллеям Тверского бульвара с благородным стремлением первым финишировать у монумента великого поэта.

Диспут кончается тем, что Боба верхом на Сереже Вакс возвращается к исходному месту. Дикая радость сияет на лице Бобы. О том, что победил именно Боба,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдovich Ильф ilfandpetrov свидетельствует также его выгодная позиция на плечах маленького Вакса.

Здесь всё ясно.

Совсем не то бывает на диспутах взрослых людей. Там всё туманно, и различить победителя в толпе диспутантов абсолютно невозможно.

В интересах публики, всегда желающей знать, чья же точка зрения восторжествовала, удобно было бы, конечно, чтобы победитель на диспуте уезжал домой на плечах побежденного. Тогда мы бы стали свидетелями необыкновенных и вместе с тем поучительных картин.

Зимняя ночь. Кристаллический снег разнообразно сверкает на электрифицированных улицах. Ветер извлекает из телеграфных проволок заунывные, морозные симфонии. А по Лубянскому проезду верхом на критике Федоре Жице проезжает поэт Владимир Маяковский. Картина величественная и волнующая душу.

Теперь все запоздалые путники, повстречавшиеся с этой кавалькадой, будут знать:

– Сегодня был литературный диспут. На нем взял верх Маяковский. Что же касается Жица и Левидова, то их взгляды оказались несозвучными эпохе, за что они, Левидов и Жиц, и понесли заслуженное наказание.

Но такие концовки диспутов, как видно, могут быть осуществлены только в будущем.

Прежде чем приступить к подробному описанию московских диспутов и проанализировать, как любят говорить шахматисты-любители, необходимо предпослать несколько слов о лекциях.

Всякая лекция является зародышем диспута, и есть даже такие лекции, отличить которые от диспутов почти невозможно.

Как правило, лекции могут быть разбиты на два ранга, а именно: клубные и общегражданские.

Клубный лектор по большей части человек седой и представительный. Он называет себя профессором, но не любит указывать университета, к которому прикреплен. У профессора белые усы и розовеющие щеки. Летом он иногда облачен в крылатку с круглой бронзовой застежкой у горла. Портфель его набит удостоверениями от заведующих клубами. Эти бумаги, скрепленные печатями, гласят об успехе, который выпал на долю лекции профессора в различных городах.

В общем, профессор – фигура весьма сомнительная и всюду читает одну и ту же лекцию под названием: «Человечество – рабочая семья».

Клубные посетители слушают профессора с мрачной терпеливостью, покуда с задней скамьи не раздастся тревожный возглас:

– Кина не будет!

Этот печальный крик наполняет сердца такой тоской, что все разом поднимаются и с шумом спугнутой воробьиной стаи покидают зал. Взору лектора представляются пустые скамьи. Тогда он застегивает крылатку своей бронзовой пуговицей и идет к завклубу за гонораром и удостоверением о том, что лекция прошла с громадным успехом.

Получив всё это, профессор переключивается в Рязань, читает там лекцию, получает удостоверение и уезжает в Пензу. Городов и дураков на его жизнь хватает.

Лекции общегражданские блещут разнообразием и нуждаются в подразделениях: а) Лекция обыкновенная, честная.

Честность ее характеризуется прежде всего названием и ценой билета (не дороже 25 коп.): «Строение земной коры» или «Новгородский быт XIV века».

Гражданин, попавший сюда, остается доволен. Он действительно узнает кое-что о строении земной коры или о быте Великого Новгорода.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov
б) лекция мирская.

Название ее значительно ароматней, чем название предыдущего вида лекции, и звучит так:

«Безволие и его причины».

Тут уже пахнет тем, что лектор будет говорить о половых болезнях, а потому билеты котируются от 75 коп. до полутора рублей.

в) Лекция техническая или географическая с уклоном в лирический туризм.

Названия:

«Чудеса техники» и «Форд, король индустрии» или «Красоты Занзибара» и «Париж в дыму фокстротов».

Билеты от рубля. Некая дама в платье, расшитом черным стеклярусом, рассказывает о Занзибаре или Париже по сохранившимся у нее воспоминаниям о своей свадебной поездке, состоявшейся в 1897 году. Вместо обещанного нового кинофильма показывают волшебным фонарем картинки из журнала «Природа и люди». На негодующие записки не отвечают.

г) Лекция хлебная.

Хлебная лекция читается сметливым гражданином из бывших адвокатов и называется так, чтобы все сразу поняли, в чем дело:

«Парный брак» или «Тайна женщины».

Аудитория слушает, затаив дыхание. Из-под прокуренных усов лектора срываются слова: «Как известно, женский организм...» Внимание аудитории, большей частью мужской, достигает предела. Венеролога-гинеколога забрасывают записками. Сбор обильный и даже прекрасный.

Лекции последнего рода почти приближаются к диспутам, история которых будет здесь изложена с возможной полнотой.

Славится Москва не словопрениями о том, жил ли Христос, и если бы жил, то к какой социальной группировке примыкал бы сейчас, и не вечерами, на которых вернувшиеся из заграничной поездки граждане рассказывают о своих впечатлениях.

Нет, рассказчики о заграничье приелись. Все они докладывают так:

– Рабочих окраин Берлина мне посетить не удалось, – начинает обычно гражданин, приехавший из Берлина.

Гражданин же, приехавший из Парижа, предваряет слушателей, что рабочих окраин Парижа ему не удалось посетить.

Когда докладчики доходят до фразы; «Потоки такси и автобусов заливают улицы Берлина (или Парижа)», слушатель, надрывно зевая, уходит. Он знает, что сейчас будет рассказано о дансингах, где «под звуки пошлых чарльстонов буржуазия топит мрачное предчу... револю... в шампа...».

Не этими докладами славится столичный город: славится он диспутами пылками, диспутами литературными.

Утром прохожие ошеломленно останавливаются перед большой афишей, на которой черными и красными литерами выведено:

Политехнический музей

Д И С П У Т

на тему:

На кой черт нам беллетристика

Тезисы: В первую голову надо вычистить Всеволода Иванова. – Гони Эфроса в дверь, он войдет в окно. – Последний зубр – Алексей Толстой. – О брусках, тихих Донах и драматурге Безыменском. – «Кузница и усадьба». – Искусство для Главискусства. –

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Нам нужны пожарные хроникеры!

Кроме всего этого афиша обещает прения, ответы на записки, выступление Всеволода Иванова в последний раз перед отъездом, а также чтение стихов, романов и повестей слушателями Цандеровского института физических методов лечения, обучившихся стихосложению по руководству Георгия Шенгели «Как писать стихи, рассказы, повести, романы, фельетоны, очерки, поэмы и триптихи».

Афиша извещает также, что к участию в прениях приглашены все писатели, все поэты, три наркома и рабочие завода «Нептун», оставшиеся в живых современники Пушкина и писатель Катаев, автор книги «Растратчики», переведенной на шесть языков, включая сюда и сербский.

Путник ошалело покидает афишу, но долго еще в его голове прыгают черные и красные литеры. Прыгают они до тех пор, пока путник не купит билета на диспут, имеющий прямой своей целью растереть в порошок изящную литературу в пределах кипучего Союза Республик.

В вечер диспута у дубового портала Политехнического музея разъезжают верховые милиционеры. Они водворяют порядок среди толп, устремившихся послушать прения о последнем зубре и пожарных.

В толпе кружатся участники диспута, которых озверевший контролер не впускает. Прибывшие спешным порядком с Цветного бульвара жулики тащат кошельки у зевак.

Утопающие контрамарочники хватаются за соломинку – поэта Кирсанова. Поэт обещает всех сейчас же провести в зал, но сам падает под ударом одичавшего контролера. Из среды поклонников изящной литературы несутся самые неизящные выражения.

Наконец контролера, засевшего как некий Леонид в Фермопильском ущелье Политехнического музея, опрокидывают, и безбилетные с гиканьем врываются в зал.

Начинается дележка мест, грабеж зрительного зала, безбилетные с презрением оглядывают полтинничные места и рассаживаются на двухрублевых. Вскоре прибывают законные владельцы мест, завязывается перебранка, но безбилетные побеждают, и застенчивые обладатели билетов с бараньей покорностью удаляются в проходы, где и переминаются с ноги на ногу до окончания вечера.

Куранты давно прозвонили час начала диспута, а на эстраде только стол, покрытый экзаменационным красным сукном, никелированный колокольчик и тыквообразный графин с водой.

Безбилетные громко ропщут.

Через час на эстраде показывается миниатюрная фигура беллетрисы Веры Инбер. Но это – мимолетное виденье. Испуганная ревом зрителей, беллетриса убегает. Еще через полчаса на эстраду выходит критик проф. Гроссман-Рощин, подходит к столу, наливает воду в стакан, под рукоплескания выпивает ее и тоже уходит.

К десяти часам шесть неизвестных дам рассаживаются по стульям у стены. Это слушательницы Цандеровского института, пишущие стихи и романы по системе Шенгели. Публика громовыми голосами обсуждает их туалеты и успокаивается только тогда, когда с топотом высыпавший президиум занимает свои места.

Диспут начинается обещанным докладом «На кой черт нам беллетристика».

Читает его самый тихий по характеру поэт из лефов. У него серые глаза, костюм цвета полированного железа и пепельные волосы. Он похож на стального соловья и никак не может скрыть своих лирических наклонностей.

Мягким девичьим голосом он требует гильотинировать Джека Алтаузена и Феоктиста Березовского. Он также сообщает публике, что четвертование Олеси и Наседкина явится лишь справедливым возмездием за их литературные грехи.

На этом месте его прерывает теоретик бывшего лефа Осип Брик. Теоретик предлагает разрубить Пильняка на сто кусков по китайскому способу, но под гул публики умолкает.

Остальных писателей докладчик полагает возможным утопить с полным собранием

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov сочинений каждого на шее. Не имеющих же еще полного собрания – передать на службу в акционерное общество «Утильсырьё», дабы они с пользой служили стране, собирая тряпки и кости.

Сообщив всё это в высшей степени задушевым голосом, докладчик садится при жидких аплодисментах Осипа Брика и читает поданные ему записки.

Заинтересованная публика с дрожью ждет дальнейшего развертывания событий. Развертываются они следующим образом.

Председатель встает и нудным голосом объявляет:

– Выступление Всеволода Иванова не может состояться по болезни такового.

Из последующих слов председателя явствует, что заболели также все три наркома, все рабочие завода «Нептун» и автор, переведенный на шесть языков.

Что же касается современников Пушкина, то таковых в живых не оказалось, и вследствие этого прибыть на диспут они не могли.

Безбилетные зрители визжат от негодования, зрители платные помалкивают.

Слушательницы Цандеровского института физических методов лечения читают сочиненные ими триптихи и романы. Тут даже платные зрители начинают недоверчиво квакать.

Чей-то робкий голос требует деньги обратно, но в это время докладчик подымается с целью дать ответы на записки.

Диспут быстро потухает, потому что вопросы, заданные автору доклада «На кой черт нам беллетристика», довольно однотипны:

- Вам легко говорить, вы получили высшее образование.
- Вы бы лучше объяснили, почему нет в продаже животного масла?
- Сообщите, как писать стихи?

Получив разъяснения на все эти животрепещущие вопросы и так и не установив, нужно ли действительно снести с лица земли беллетристику, толпы покидают аудиторию и, ругая диспутантов, расходятся.

Многие клянутся никогда больше не ходить на диспуты. Но никто им не верит, и сами они себе не верят.

Диспуты – украшение столицы, и через неделю новые афиши возвестят городу о диспуте под комбинированным названием:

ПИСАТЕЛИ–ПОПУТЧИКИ
И ЖЕНЩИНА КАК ТАКОВАЯ
Как же тут не пойти, если диспуты украшают жизнь?

1929

Путешествие в Одессу
Памятники, люди и дела судебные
Для того чтобы туристу из Вологды или Рязани попасть в Одессу, есть несколько способов.

Можно отправиться туда пешком, катя перед собой бочку с агитационной надписью: «Все в ОДН». Этот способ излюблен больше всего молодежью и отнимает не больше полугода времени.

Можно также проехать из Рязани в Одессу на велосипеде. Для этого надо приобрести билеты третьей всесоюзной лотереи Осоавиахима и дожидаться, пока на него не падет выигрыш в виде велосипеда.

Если же билет выиграет фуфайку или электрический фонарик, то надлежит ехать в Одессу поездом. Фонарик можно захватить с собой и по ночам пугать его внезапным

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov светом железнодорожных кондукторов.

Любознательному туристу Одесса дает вкусную пищу для наблюдений.

Одесса один из наиболее населенных памятниками городов.

До революции там обитало только четыре памятника: герцогу Ришелье, Воронцову, Пушкину и Екатерине Второй. Потом число их еще уменьшилось, потому что бронзовую самодержицу свергли. В подвале музея Истории и Древностей до сих пор валяются ее отдельные части – голова, юбки и бюст, волнующий своей пышностью редких посетителей.

Но сейчас в Одессе не меньше трехсот скульптурных украшений. В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята.

Есть площади, на которых столпились сразу два или три десятка таких памятников. Среди этих мраморных роц сиротливо произрастают две акации.

Стволы их выкрашены известью, на которой особенно отчетливо выделяются однообразные надписи – «Яша дурак». На спинах мраморных девушек тоже написано про Яшу.

Львы и поросята перенесены в город из окрестных дач. Что же касается нимф и урн, то похоже на то, что они позаимствованы с кладбища. Как бы то ни было, вся эта садовая и кладбищенская скульптура очень забавно украсила Одессу.

Кроме памятников, город населяют и люди.

Об их числе, занятиях и классовой принадлежности турист может узнать из любого справочника. Но никакая книга не даст полного представления о так называемом «Острове погибших кораблей».

«Остров» занимает целый квартал бывшей Дерibasовской улицы, от бывшего магазина Альшванга до бывшей банкирской конторы Ксидиаса. Весь день здесь прогуливаются люди почтенной наружности в твердых соломенных шляпах, чудом сохранившихся люстриновых пиджаках и когда-то белых пикейных жилетах.

Это бывшие деятели, обломки известных в свое время финансовых фамилий.

Теперь белый цвет акаций осыпается на зазубренные временем поля их соломенных шляп, на обветшавший люстрин пиджаков, на жилеты, сильно потемневшие за последнее десятилетие.

Это погибшие корабли некогда гордой коммерции. Время свое они всецело посвящают высокой политике, международной и внутренней. Им известны также детали советско-германских отношений, которые не снились даже Литвинову.

Отвлечь от пророчеств их может только процессия рабов в хитонах, внезапно показавшаяся на Ришельевской улице.

Рабы с галдением останавливаются на углу. Вслед за ними движутся патриции в тогах. За преторами бегут какие-то начальники когорт и прашники. За прашниками следуют тяжелооруженные воины из секции сотворгслужащих биржи труда. Шествие замыкает разнокалиберная толпа, которая несет в кресле очень тощего Юлия Цезаря.

Делается шумно и скучно.

Всем становится ясно, что ВУФКУ пошло на новый кинематографический эксцесс – опять ставит картину из быта древнеримской империалистической клики.

Подъехавшие на семи фаэтонах кинорежиссеры устанавливают римско-одесский народ шпалерами. Статисты, стоя на фоне книжного магазина Вукопсилки, машут ветками акаций, потому что на пальмы не хватило кредитов.

Граждане города, не нанятые в римляне, с омерзением смотрят на действия родной киноорганизации.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
После триумфа фаэтоны с режиссерами трогаются в направлении общеизвестной одесской лестницы. Туда же несут Цезаря, закусывающего на своей высоте «бубликами-семитати».

На общеизвестной одесской лестнице снимаются все картины, будь они из жизни римлян или петлюровских гайдамаков – всё едино.

Если турист располагает временем, то ему стоит подождать судебного процесса, который обязательно возникнет по поводу постановки римского фильма.

Есть в Одессе и другие достопримечательности, может быть и уступающие в полезности триумфу Цезаря, но зато более поучительные.

Но это уже специальность не «Чудака», а скорее «Наших достижений». Ибо не одними хороводами ВУФКУ может похвалиться Одесса.

1929

Молодые дамы

– Понюхайте этот цветочек.

– Спасибо, я его уже нюхал.

Радиолекции о конном спорте обычно начинаются такими словами:

– Лошадь, надо по правде сказать, существо далеко не умное.

К сожалению, и здесь, в небольшом докладе об особом сорте молодых советских дамочек, приходится начать теми же словами:

– Советская гурия, надо по правде сказать, существо далеко не умное.

Главные ее признаки легче всего обнаружить на семейной вечеринке со шпротами и вином, которое для важности перелито в стеклянный бочонок.

В продолжение всего пира молодая хозяйка ударными недомолвками старается дать понять гостям, что таких шпрот и такого вина никак не найти на вечеринках, кои устраиваются враждебными ей гуриями.

К концу вечера хозяйка уходит в угол комнаты, за колеблющиеся ширмы, и возвращается оттуда в новом костюме. На ней голубая куртка с белыми отворотами. Такие же отвороты украшают ее голубые брюки. Шито всё из ткани, употребляющейся на теплую подкладку к папахам.

Мужчинам становится неловко. Они не смотрят в сторону хозяйки и стараются отогнать всплывшие внезапно мысли о ее нелепом аристократизме. Но это не удается, и гости грустнеют.

Что же касается хозяина, то глаза его сверкают сумасшедшим огнем. Он доволен своей женой и победоносно поглядывает на гостей.

Однако голубая или оранжевая пижама только начальная веха в деле изучения очаровательных молодых хозяек.

Иногда гурию можно сразу узнать по имени.

Никогда ее не зовут Прасковьей, или Марией, или Инной. Она носит имя, высоко приподнятое над нашим пошлым миром. Ее зовут Бригиттой или Мери. Среди гурий в ходу также имя Жея. Считается, что Жея звучит тоже лучше и изящней, чем Анна.

Совершенно естественно, что обладательнице торжественного имени и голубых брюк с белыми манжетами неприятно вести свой род бог знает от кого.

И время от времени гурия, о которой всем ее знакомым точно известно, что отец ее и по сию пору честно служит перронным контролером на Сызрано-Вяземской железной дороге, начинает тревожный разговор о своем папаше.

Оказывается, что папаша гурии, польский граф Август Пахомов, был дьявольски богат, но разорился по пылкости натуры.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Версия о графе Пахомове подкрепляется демонстрацией эмалевого медальона, на котором изображены голубь и дышло.

Насчет эмалевого дышла особых объяснений не дается. Как правило, гурия фантазии не имеет, привирает убого и смешно, а мозговой работы не ведет совсем.

От всех остальных событий, происшедших в мире, гурия отделяется невнятными междометиями и короткими возгласами. На сообщение о перелете полюса она отвечает писком, на вопрос о том, понравился ли ей «Севастополь» Малышкина, она отвечает: «Дивная книга». Тупость и расплывчатость ответа объясняются тем, что гурия не читает.

Русских книг она не читает, потому что считает французский язык, несомненно, выше русского, а французских книг она не читает, так как не знает языка, на котором они написаны.

Главные свои силы, всю свою лисью ловкость и все выцарапанные у мужа деньги гурия употребляет на покупку предметов элегантно обмундирования.

И если гурия начинает охоту за новыми туфлями, то экспедиция эта растягивается на месяц и проводится в большой тайне.

Нужно найти какого-то сверхъестественного сапожника, который сошьет туфли настолько совершенные по фасону и материалу, что все враждебные гурии захиреют от зависти.

Нужно во что бы то ни стало скрыть от мужа истинную стоимость новых туфель, иначе даже он, долготерпеливый, может взбеситься. И мужу сообщается, что туфли обошлись всего лишь в сорок рублей.

Для подруги сердца завеса немного приподнимается. Ей говорится, что туфли стоили сорок пять рублей.

И только сама гурия знает, что за туфли заплачено пятьдесят пять рублей.

В этих сложных махинациях – в обмане и соперничестве с другими гуриями – проходит жизнь молодой домашней хозяйки.

И когда в Столешниковом переулке вам укажут на молодую, полуграмотную красавицу, одетую с непонятной и вызывающей смех пышностью, когда ваш спутник ошалело вдохнет запах ее духов, называющихся «Чрево Парижа», и пролепечет: «Посмотрите, какой прелестный цветочек», – отвечайте сразу:

– Спасибо, я этот цветочек уже нюхал!

1929

Источник веселья

Переступив украшенный препарированными пальмами порог парка культуры и отдыха, московский житель жадно озирает раскрывшиеся перед ним просторы.

Дома он так представлял себе парк:

– Рощи, рощи, рощи! Кущи, кущи, кущи! А в рощах и кущах – аттракционы, аттракционы и аттракционы! Электрические колеса! Комнаты гигантов! Воздушные сани! Говорящая краковская колбаса!

Но природа мудро разделила парк на две части. В одной есть аттракционы, но нет ни одного деревца. В другой имеются рощи и кущи, но аттракционов нет.

Пока житель сетует на несправедливость судьбы, на песочной аллее, между двумя рядами зеленых и стройных урн для окурков, появляется служащий парка.

Согнувшись, он несет шест с плакатом:

СТОЙ! ЗДЕСЬ СЕЙЧАС БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ
ЗАНЯТНАЯ БЕСЕДА!

Впереди человека с шестом, веселясь и подпрыгивая на полметра от земли, бегут

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov дети. Позади, постепенно увеличиваясь в числе, идут взрослые граждане.

А человек с шестом всё кружит по дорожкам. Убедившись, что за ним следует уже изрядная толпа, он втыкает шест в землю и, дружелюбно улыбаясь, говорит:

– Сейчас доктор Стульян проведет с вами занятную беседу.

Доктор просит пропустить детей вперед, чтобы им было лучше слышно, и слабым голосом начинает:

– Товарищи, темой моей сегодняшней беседы будут глисты у детей. Дело в том, что глисты у детей – вещь весьма вре..

Первыми уходят дети.

Потом уходит человек с шестом. Шест ему нужен для организации другой беседы. За ним мало-помалу расходятся и взрослые.

Через пятнадцать минут проходящие мимо этого места граждане наблюдают весьма странную картину.

На совершенно пустой площадке стоит человек в рубашке с расшитым воротом и сандалиях «Дядя Ваня». Размахивая ручонками, он горячо убеждает невидимых слушателей:

– Напрасно вы скептически улыбаетесь! Я повторяю снова, что для детей глисты являются болезнью весьма вре..

Граждане опасливо обходят лектора.

Они спешат к источникам веселья. Им хочется в лабиринт. Но лабиринт закрыт еще в прошлом году. Разносится зловещий слух, будто это сделали потому, что пьяные заползали в лабиринт поспать.

– Самое удобное место. В лабиринте уж никто не отыщет. – Глупости говорите. Этот лабиринт был виден насквозь.

– Ну и что ж, что насквозь? А пьяному не всё ли равно, видно его или не видно. Важно, что лабиринт.

В этих и иных глубокомысленных разговорах жаждущие веселья бодро строятся в очередь у подножья «Чертовой комнаты». Ныне, на том основании, что чертей и чудес не существует, она переименована в «Таинственную комнату».

На этом же точно основании фокусники теперь выступают под культурно-просветительным флагом «разоблачителей чудес и суеверий».

Из «Таинственной комнаты» люди выходят молча и устремляются в гигантскую закусную, под крышей которой летают и поют птицы. Только за сосисками с капустой посетители «Таинственной комнаты» приходят в себя, но долго еще в их глазах вращается закусная, летают бутерброды с телятиной и отдельные детали Нескучного сада.

Нет, пожалуй, ни одного учреждения, которое так бы оправдывало свое название, как «Комната смеха».

К этой комнате подходит хмурый человек.

Он недоволен. Он женат, и у его жены нехороший характер. Он служит, и начальники его чрезмерно придирчивы. Он пришел в парк отдохнуть душой и телом, а тут почему-то обличают сектантов и с визгом играют в волейбол. Он, конечно, купит билет в эту «Комнату смеха», но заранее убежден, что ничего смешного там не увидит. И вообще он страдалец, а на земле нет справедливости.

Но едва этот человек вступает в комнату, где не надеется найти ничего смешного, как оттуда раздается его протяжный смех. Через пять минут он выходит оттуда обессиленный, пошатываясь, садится на скамейку и досмеивается еще полчаса, вспоминая, каким толстым и коротконогим чурбаном выглядел он только что в кривых

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov
зеркалах.

И если час назад пушбол казался ему игрой, в которой убивают за раз не меньше двухсот человек, то теперь он приходит к мысли, что это спортивное развлечение не так смертоносно и что стоит, пожалуй, самому побегать за огромным, закрывающим полнеба мячом.

В читальне разыгрываются сцены из «Тома Сойера». За правильный ответ на устную «викторину» выдается один желтый билетик. За два правильных ответа выдают два желтых билетика. Три ответа дают три билетика.

А четыре билетика дают сведущему человеку право вытянуть лотерейный билет. И в конце концов добродетель увенчивается выигрышем: гипсовым мопсом и книжкой о пчеловодстве.

Расходясь из парка, граждане натываются на человека, ораторствующего среди урн для окурков:

– Глисты имеются нескольких видов. Глисты, так называемые долговязые, лимитро...

Это доктор Стульян проводит пятую занятную беседу.

1929

Новый дворец

В довоенное время, если судить по газетным и журнальным объявлениям, самым распространенным бедствием была лысина.

С лысиной боролись. Против лысины восставали герои – изобретатели средств для ращения волос.

Средства эти рекламировались в извещениях самого трогательного свойства:

Я БЫЛ ЛЫСЫМ!

Моя мать была страдальцей. Мой отец был лыс от природы. Я сам уже в детстве потерял всякую растительность. Но в прошлом году, в горах Швейцарии, я встретился с профессором Х., который снабдил меня баночкой чудодейственного бальзама «Киска-Волосатин». И с тех пор я отличаюсь завидной пышной шевелюрой.

Все это вранье подкреплялось штриховым портретом господина, чья мать была страдальцей, чей отец был лысым от природы и который сам был лысым до употребления бальзама «Киска-Волосатин».

И хотя лысина не побеждена, но граждане уже не так болезненно относятся к своему облысению. Может быть, это происходит оттого, что теперь труднее, чем в мирное время, попасть в Швейцарию, а может быть, и потому, что беда, более важная, чем плешь, постигла человечество.

Если бы нашлось средство борьбы с новым бедствием, то о нем нужно было бы дать объявление такого свойства:

Я ХОДИЛ НА ЗАСЕДАНИЯ!

Моя мать была активной страдальцей. Мой отец начал заседать с 6 часов утра. Он кончил тем, что сошел с ума и съел председательский колокольчик. Я сам из цветущего юноши превратился в развалину. Виной всему были бесконечные заседания, на которых мне приходилось бывать. И внезапно в горах Кавказа я встретился с человеком, который снабдил меня чуде...

Пора уже дать такое объявление, потому что чудодейственный бальзам найден. Найдено средство борьбы с самой могучей ветвью бюрократизма – бесконечными, многочасовыми заседаниями.

Конечно, это не налог на никелированные колокольчики и не высылка портфельдержателей за пределы административных центров.

Наше средство является несравненно более могучим.

Для борьбы с заседаниями нужно построить огромный дворец заседаний. Во дворце должно быть множество зал, и в каждой зале длинный стол, и на каждом столе

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov суконная скатерть, и на каждой скатерти – колокольчик с хрустальным звоном и кувшин с водой для освежения гортани докладчика, и гортани содокладчика, и выступающих в прениях, и высказывающихся по вопросам порядка дня, и вносящих внеочередные предложения, и высказывающихся по мотивам голосования, и кричащих с места «правильно», и зачитывающих резолюции, и прочих, и прочих.

Новому дворцу можно присвоить красивое наименование:

«Слушали и Постановили».

В разговоре это получается весьма импозантно:

– Вы куда?

– Я – в филиал Центрального дома секции печати работников просвещения! А вы?

– Я – во Дворец «Слушали и Постановили».

Но главное, конечно, не в полнозвучности названия нового заседательского комбината, а в том, что он нанесет смертельный удар всем любителям многочасового потребления чаю и бутербродов с собачиной, всем приверженцам двухсуточных заседаний с докладами, содокладами, контрдокладами и докладищами по мотивам голосования.

Дворец «Слушали и Постановили» будет широко открыт для всех бюрократов. Все двери его будут открыты настезь:

– Приходите! Володейте нами! Заседайте!

Вообще заседания всякого рода разрешается устраивать только во Дворце «Слушали и Постановили».

Главарям любого учреждения предоставляется право заседать в любой из дворцовых зал на таких условиях:

а) первые 30 минут – совершенно бесплатно;

б) еще 2 минуты – с платой за счет учреждения по карательному тарифу из расчета 20 рублей за минуту;

в) неограниченное количество времени – с изысканием платы по 500 рублей в час из личных средств участников заседания. Плата может быть заменена тюремным заключением из расчета за каждые лишние полчаса – два месяца заключения.

И можно считать верным делом, что больше тридцати двух минут ни одно заседание продолжаться не будет.

Конечно, из нудного стана бюрократов послышится ужасный визг.

Они будут протестовать. Они начнут кричать о гибели страны. Они потребуют, чтобы разрешили проработать вопрос о Дворце «Слушали и Постановили» на заседаниях по старой норме времени.

Но этого позволять не надо!

Кто вообще установил, что заседания не ограничиваются временем?

Ограничены известным, заранее установленным временем и рабочий день, и пароходный рейс, и сеанс в кино, и солнечная ванна.

В театре за один вечер спектакля Гамлет решает важнейшие вопросы, а восемнадцати надутым чиновникам из конторы «Торг– лоханка» нужно шесть часов, чтобы решить вопрос о закупке одного кило гвоздей для нужд своего лоханочного производства.

Если они уже иначе не могут, то пусть заседают за свой счет! По карательному тарифу! «Чудак» за постройку Дворца «Слушали и Постановили».

1929

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Древо познания

В жизни каждого гражданина неизбежно наступает день необыкновенной значительности.

В этот день гражданин окончательно убеждается в том, что ему никак не обойтись без мебели.

До сих пор он пробавлялся случайными вещами. Висела у него в комнате еловая полочка, купленная некогда на аукционе предметов искусства и старины. Пружинный матрац покоился на козлах, сделанных дворником дома. А больше ничего и не было.

Ныне гражданин понимает, что так дальше жить нельзя.

Ему нужна настоящая кровать со спинками – надоело ему спать на качающемся матраце, с которого валятся подушки.

Ему нужен посудный шкаф – должны же когда-нибудь обрести тихую пристань тарелки, стаканы и белые кастрюли.

Ему нужен платяной шкаф, стулья и обеденный стол. Многого требуется гражданину, внезапно понявшему, что жить совсем без мебели все-таки неудобно.

Хорошо бы завести также диван, письменный стол и книжный шкаф, но о таких пышных деталях гражданин старается не думать. Все равно денег не наберется.

Итак, в первую голову надо купить кровать, посудный шкаф, стулья, обеденный стол и шкаф для платья.

Соразмеряя приблизительно стоимость намеченной покупки с наличными своими средствами, гражданин убеждается, что купить мебель он может только в кредит.

Гонимый лучезарной мечтой о новой жизни, он уже на другой день бродит по магазину кооператива «Коммунар», который торгует мебелью Мосдрева.

Только здесь, в прохладном мебельном подвале, потребитель начинает соображать, что весь этот пир кооперации и кредита дается совсем не в его честь.

Уже в самом начале похода за мебелью лучезарная мечта несколько тускнеет.

Потребитель выражает желание посмотреть посудный шкаф.

Ему вежливо отвечают, что посудных шкафов нет.

В магазине есть только мебель Мосдрева, а Мосдрев таких шкафов не изготовил. Впрочем, ленинградский Древлтрест тоже не снисходит до сооружения посудных шкафов.

Потребитель все же интересуется тем, куда ему складывать посуду и продукты. Тогда его проводят в отделение, где рядами стоят буфеты.

Мосдреву издавна принадлежит первенство в изготовлении безобразной, мещанской мебели. В этой области впереди всех остальных предметов стоят мосдревские буфетки, украшенные стеклышками, зеркальцами и резьбой.

На боках этой жалкой мебели вырезаны лилии, декадентские женские лики либо какие-то волосы, стилизованные по моде 1909 года.

Долго стоит потребитель перед этим изделием, трогает его дрянные замочки и жалкие латунные украшения. Буфетик настолько противен, что потребитель уже сразу решает по-прежнему хранить свою посуду на подоконнике. Решение это еще укрепляется, когда он узнает, что жалкий буфетик стоит только полтора рубля.

Потерпев такую решительную неудачу с посудным шкафом, потребитель приступает к осмотру кровати.

Кровати Мосдрева имеют пугающий вид.

Государство борется с лавочниками и с духом лавочничества. Мещане – враги

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
государства.

Но пока общественность схватилась врукопашную с мещанством, госорганизация на государственные деньги изготавливает рекордно мещанские предметы.

Фальшиво-пышные кровати Мосдрева с балясинками и шишечками вызывают отвращение.

В дореволюционное время среди всякой дребедени изготавливалась и мебель простая, удобная и красивая. Но Мосдрев из наследия прошлого выбрал только самые пошлые образцы.

Ими он и снабжает новых потребителей, снабжает, кстати, по ценам, доступным только нэпманам или казнокрадам.

Когда видишь, как Мосдрев, пользуясь своим монопольным положением, вынуждает пролетариев покупать свою мебель, становится противно.

Пир кооперации и кредита время заменить деловой поставкой населению потребной ему мебели.

1929

Для моего сердца
Какие смешные вещи происходят в Москве.

Удивительный город! На его перерожденных окраинах выстроены пепельные здания научных институтов с именами ЦАГИ, НАМИ, НИТИ. Окраины перешли в лагерь науки. Там говорят:

– Энерговооружение. Магистраль. Куб.

А в центре города расположился бродячий базар. Здесь на горячих асфальтовых тротуарах торгуют шершавыми нитяными носками и слышен протяжный крик:

– Вечная игла для примуса!

Зачем мне вечная игла? Я не собираюсь жить вечно. А если бы даже и собирался, то неужели человечество никогда не избавится от примуса! Какая безрадостная перспектива.

Но граждане в сереньких толстовках жадно окружают продавца. Им нужна такая игла. Они собираются жить вечно, согреваясь огнем примуса-единоличника.

Почти обеспечив себе бессмертие покупкой удивительной иглы, граждане опускают глаза вниз. Давно уже нравятся им клетчатые носки «Скетч», которые соблазнительно раскинуты уличными торговцами на тротуарных обочинах.

Носки называются как попало. «Клетч» или «Скетч», все равно, лишь бы название по звуку напоминало что-то иностранное, заграничное, волнующее душу. Персия, Персия, настоящая Персия.

На окраинах по косым берегам реки спускаются водные станции, с деревянных башен ласточками слетают пловцы, а в центре города Персия – нищий целует поданную ему медную монету.

Может быть, надо объяснять это путем научным или с точки зрения исторической, а может быть, и не надо – ясно видно, что Москва отстает от своих окраин.

На лучшей улице города у подъезда большого дома с лифтом и газом висит белая эмалированная табличка:

В. М. ГЛОБУСЯТНИКОВ

Профессор киноэтики

Что еще за киноэтика такая? Вся киноэтика заключается в том, чтобы режиссер не понуждал актрис к половому сожительству. Этому его может научить любой экземпляр уголовного кодекса. Что за профессор с такой фальшивой специальностью!

Но бедных «персиян» легко обмануть. Они доверчивы, они не мыслят научно. И наверно, у В. М. Глобусятникова есть большая клиентура, много учеников и учениц,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov коим он охотно поясняет туманные этические основы, пути и вехи киноискусства.

Принято почему-то думать, что бредовые идеи рождаются в глухой провинции, в сонных домиках. Но вот письмо, прибывшее в редакцию с центральной улицы.
«Поместите мое пожелание нижеследующее:

Со дня революции у нас, в советской республике, много развелось портфелей у начальствующих лиц, ответственных работников и у остальных, кому вздумается. Некоторые имеют по необходимости, а другие для фасона.

Покупают портфель, не считаясь, что он стоит 25 р. и дороже. Мое мнение: произвести регистрацию всех граждан, которые носят при себе портфели.

Регистрацию можно произвести через милицию. Сделать нумерацию каждого портфеля и прикрепить к нему, и самое главное – обложить налогом каждого, кто носит портфель.

Хотя бы за шесть месяцев 5 рублей.

Все собранные деньги передать в пользу беспризорных детей.

А поэтому я предполагаю, что против никто иметь не будет, а сумма соберется большая.

Тов. редактор, как вы смотрите на это дело?»

Все свое письмо безумноголовый адресат считает делом! Как далеко это от понятий – «энерговооружение, магистраль, куб».

Бедных граждан обманывают смешно и ненаучно. Считается, что гражданам нужно пускать пыль в глаза.

На бульварах простые весы для взвешивания, самые обыкновенные весы на зеленой чугунной стойке с большим циферблатом снабжаются табличкой:

МЕДИЦИНСКИЕ ВЕСЫ

ДЛЯ ЛИЦ, УВАЖАЮЩИХ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ

Черт знает сколько здесь наворочено наивного вранья! И весы какие-то особенные (антисептические? Взвешивание без боли?), и граждане делятся на два ранга: а) уважающих свое драгоценное здоровье и б) не уважающих такового.

Только на восточных базарах еще применяются такие простейшие методы обмороживания потребителей.

По учреждениям, где скрипят перья и на столах валяются никелированные, сверкающие, как палаши, линейки, бродит скромно одетый человек.

Он подходит к столам и молча кладет перед служащими большой разграфленный лист бумаги, озаглавленный «Ведомость сборов на...».

Занятый служака подымает свою загруженную голову, ошалело взглядывает на «Ведомость сборов» и, привыкший к взносам в многочисленные филантропические и добровольные общества, быстро спрашивает:

– Сколько?

– Двадцать копеек, – отвечает скромно одетый человек.

Служака вручает серебряную монету и вновь сгибается над столом. Но его просят расписаться:

– Вот в этой графе.

Служаке некогда. Недовольно бурча, он расписывается. Гражданин с ведомостью переходит к следующему столу. Обойдя всех служащих, он переходит в другое учреждение. И никто даже не подозревает, что скромно одетый гражданин собирает не в пользу МОПРа и не в пользу популярного общества «Друг детей», а в свою собственную пользу. Это нищий. Он узнал все свойства бюрократической машины и

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov отлично понял, что человеку с ведомостью никто не откажет в двугривенном. Разбираться же в ведомости никто не будет.

И, вместо того чтобы как обычный стационарный нищий оглашать угол Тверской криком «братие и сестрие, подайте хотя бы одну картошечку», нищий скромно и вежливо подсовывает доверчивым гражданам-персиянам свою ведомость. Доходы его велики.

Летним вечером в московском переулке тепло и темно, как между ладонями.

В раскрытом окне под светом абрикосового абажура дама раскладывает гадательные карты. На подоконник ложатся короли с дворницкими бородами, валеты с порочными лицами, розовые девятки и тузы.

– Для меня, – шепчет дама.

– Для моего дома.

– Для моего сердца.

– Чего не ожидаю.

– Чем дело кончится.

– Чем сердце успокоится.

И второй раз:

– Для меня, моего дома, моего сердца...

Бедная, глупая «персиянка». Скоро окраина двинется походом на центр, ЦАГИ, НАМИ, НИТИ возьмут всю Москву в плен науки и труда. Не останется больше сказочной иглы для примуса, дурацких носков «Скетч», налогов на портфельдержателей и профессоров шарлатанской этики, не останется всего того, что для сердца невыносимо.

1929

Переулок

Настоящее значение этого слова можно понять только в Москве. Только Москва показывает переулок в его настоящем виде.

Вид этот таков, что всякий благонамеренный и не зараженный сентиментализмом гражданин предается восклицаниям, вкладывая в них модуляции ужаса.

Потом гражданин старается найти название этой щели, по сторонам которой стоят дома.

Потом старается найти милиционера, потому что переулок по своей длине три раза меняет название, три раза направление, а один раз становится поперек самого себя.

Потом гражданин останавливается. Положение его безнадежно. Переулок стал задом ко всему миру, и выхода из него нет.

То, что сначала казалось выходом, оказывается частным владением, оберегаемым собаками с очень злым характером.

Тогда гражданин, если он недавно приехал в Москву, вытаскивает из кармана план города, раскладывает его на мостовой и отчаянным глазом ищет спасения.

Его нет. Из всего, что нарисовано на плане, гражданину нравится только Бульварное кольцо. Оно хотя и не совсем круглое, но понятное. Отсюда пойдешь – сюда придешь.

Зато весь остальной план покрыт морщинами – переулками, и напрасно гражданин хватается за Бульварное кольцо, как за спасательный круг. Оно помочь не может.

Гражданин теряет много времени, лежа на мостовой, которая режет ему живот

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov острыми гребешками своих камней.

Когда тело гражданина начинает препятствовать уличному движению, ломовые извозчики спрыгивают со своих телег и, употребляя выражения, не подлежащие оглашению, перекладывают тело на тротуар.

На тротуаре гражданин может лежать, сколько ему понравится. По переулкам ходят мало, а тело вникающего в план красиво оживляет пустынный пейзаж.

К вечеру тело приподымается, и слышно томное бормотанье:

– Большой Кисловский – это не Малый Кисловский. Малый не Средний. Средний не Нижний. А Нижний?

Но никто не скажет гражданину, что такое Нижний Кисловский. Припадая на обе ноги, гражданин удаляется. Куда он пропадает, понять нельзя. Может быть, его съедает желтое, ночное небо. Или, попав в красный костяк недостроенного семиэтажного дома, он гибнет среди колючего щебня. Этого понять нельзя, и на это ответа нет.

Гражданин-москвич действует более осторожно.

Во-первых – старается переулками не ходить.

Второе – если ходит, то не один, а скопом, уповая при этом на вышние силы.

Третье – если ходит один, то спрашивает советов у мудрых.

Мудр же извозчик, ибо знает все.

Отвечает он немедленно:

– факельный? Четыре рублика, гражданин.

Обладатели четырех рубликов спасены. Лишенные же денег получают только наставление:

– Два раза направо и четырнадцать раз налево. А как придете об это самое место, где сейчас стоите, тогда спросите, потому уже близко.

Белая извозчичья лошадь улыбается и трясет хвостом. Она ни во что не верит.

Она знает, что, сколько днем ни бегай, все равно прибежишь в одно место – в трактир «Кризис», где ее хозяин долго будет пить чай и хрипеть в блюдечко.

Лошадиный пессимизм заражает гражданина москвича, и он быстро бежит домой.

С тем местом, куда шел, он старается снестись по телефону. При отсутствии телефона пишет письмо. Но сам дальше первого извозчика не ходит, потому что осторожен.

Во всем же остальном переулок очарователен. Его тротуары похожи на романтические горные тропинки, а освещен он так, что при литературном подходе к делу в голову немедленно влезает представление о темных, горных ущельях, воспетых Оссианом.

При нелитературном подходе нет ничего легче посчитать себя погребенным вживе и предаваться соответствующим нежным эмоциям.

Населен переулок по большей части старыми дамами в траурных шляпах.

Шляпами и манерами эти дамы напоминают похоронных лошадей, а профили их носят на себе явную печать лучших времен.

Дамы-лошади с легким страхом посматривают на высоченные, худые дома, явно выпирающие своей деловитостью из интимного ансамбля особнячков.

Окно высоченного дома распахивается. Из него выпадает оглушительная фраза:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov – Пойдите в государственный ГУМ, и там за эти деньги вы получите только болячку.

На что мрачный голос отвечает стихами:

Гоп, стоп, стерва,
я тебя не знаю.
Вслед за сим собственник мрачного голоса выскакивает из переулка на пылающую большую улицу.

А дамы с неподходящими профилями остаются в своих Мертвых, Лялиных и Факельных переулках.

Будущее дамских переулков похоже на осеннее утро. Оно черное и серое. На смену дамскому переулку уже шагает широкая злая улица и дом высокий, как радиостанция.

1929

«Рычи – читай!»

Холостой мальчик

Если человек глуп, то это надолго.

Если же человек дурак, то это уж навсегда, на всю жизнь. Тут уж ничего не поможет. Проживет такой человек на земле семьдесят лет, из школьного возраста перейдет в зрелый, будет подвизаться в области государственной службы, состарится, станет благообразным старцем с розовыми ушами и благовонной лысиной и все это время, каждый день своей жизни будет дураком.

Недавно в 25-е отделение московской милиции привели подозреваемого. Этот подозреваемый в преступлении гражданин назвал себя Рапопортом, Давыд Ароновичем, холостым и беспартийным.

Время от времени беспартийный холостяк испуганно посматривал на учнадзирателя, снимавшего с него допрос, и оглашал прокисшее помещение милиции отчаянным ревом. Тогда из носа преступника выбегали на верхнюю губу густые изумрудные сопли. Это не казалось удивительным, потому что преступнику было только 14 лет и он еще состоял на иждивении родителей, проживающих на 3-й Мещанской улице, в доме № 53. Отрок по делу своему показал следующее:

«Виновным себя в мошенничестве признаю. Какого числа не помню, месяца два тому назад я узнал из газет, что есть приемная во ВЦИКе, куда я явился и рекомендовал себя, что состою в газете “Пионерская правда”, для чего стал просить дать бесплатный билет на трамвай, чтобы ездить по городу и собирать материал в газету. Мне в этом поверили со слов и дали на руки отношение с ходатайством выдать билет ездить в трамвае.

Я получил в правлении ГЖД бесплатный проезд на трамвае, сроком на один месяц. После Октябрьских торжеств я явился в ВСНХ, рекомендовал себя деткором “Пионерской правды”, сказал им, что к нам прибыли немецкие пионеры, которым надо показать город. Они мне также поверили со слов и предоставили легковую машину на 9 и 10 октября с. г., на определенные часы. Машину условились подать к дому № 47 на 3-й Мещанской улице, откуда я сел вместе со своим товарищем Шнидко Анатолием.

Стали кататься по городу, подвез неизвестную старуху во Всесвятское, а также на другой день катался с указанным товарищем и посторонних никого не катал. Взяток я ни с кого не брал, лишь был один случай во ВЦИКе – с неизвестного гражданина за то, что пропустил его без очереди на прием, взял три рубля. Вообще я пользовался везде авторитетом, и мне все верили со слов. 2 ноября я явился в Наркомфин, откуда взял машину, чтобы кататься с пионерами, где мне поверили со слов, дали машину, на которой я катал всех мальчиков знакомых без разбора».

Для подтверждения наших суждений о дураках никаких показаний больше и не надо.

Можно подвизаться на поприще государственной службы, можно сидеть в кабинете с пятью сверкающими телефонами и цветными диаграммами на стенах, и все это время, каждый день своей жизни оставаться дураком, которого обморочит любой из холостых, еще состоящих на иждивении родителей мальчиков.

Нарсудья – победитель факиров

Три года гражданин Дубров был нарсудьей на Волыни и судил людей, провинившихся

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov перед законом.

А потом нарсудья вдруг почувствовал в себе колоссальную силу воли и решил поделиться новым своим дарованием с широкими массами населения.

Многое пришлось изменить. Нарсудья стал гипнотизером. Дубров стал Сен-Вербудом.

Сен-Вербуд, победитель факиров, начал разъезжать по городам. Его афиши утверждают, что наркомздрав Семашко обращает внимание невропатологов на эти опыты и выражает свое удивление тому, как Сен-Вербуд мог закрепить свою волю до таких ужасающих размеров.

Во время сеанса он вызвал из публики зрительницу, служащую Козловского ЦРК. В этот вечер она решила скрасить свою серую жизнь гипнозом.

– Высуньте язык! – строго сказал ей победитель факиров.

Гражданка из ЦРК доверчиво показала гипнотизеру язык. Сен-Вербуд не стал медлить и проколол гражданке язык большой иголкой, отчего гражданка до сих пор ходит с распухим фиолетовым языком.

Граждане, если в ваш город приедет Сен-Вербуд – не показывайте ему языка, но и не держите язык за зубами. Бегите прямо в милицию.

Девушка-мужчина

Французский анекдот сообщает о молодом человеке, который до двух часов дня был юношей, а после этого времени становился девушкой. Это будто бы причиняло ему большие неудобства в быту.

У нас нет таких легенд и сказок. Мы верим только голым фактам. Но факты эти бывают иногда легендарными и сказочными.

Советская девушка-мужчина подвизается в селе НовоАлексеевке Октябрьского района, Мариупольского округа. Это – товарищ Чумак, единственный коммунист в селе.

Жизнь его раздирается противоречиями.

До 5 часов дня он торгует водкой в лавке Госспирта. Служебное его рвение изредка подхлестывают цидулки от начальства:

Нами замечено, что во вверенной Вам лавке значительно стал понижаться сбыт товара. Обратите максимум внимания на увеличение сбыта.

Целый день Чумак, согласно директиве, убеждает вверенную ему паству пить как можно больше, а вечером идет читать этой же пастве доклад о вреде пьянства, потому что, кроме наставления из Госспирта, он получает письма еще и по партийной линии:

Уважаемый товарищ. Нами замечено, что в Вашем селе значительно увеличилось потребление водки. Обратите максимум внимания на борьбу с алкоголизмом, этим бичом...

Всё замечено. Не замечено только, что одиночка-Чумак поставлен в неудобное положение девушки-мужчины и что борьба утреннего Чумака с Чумаком вечерним вызывает у ново-алексеевских крестьян весьма иронический смех.

Бяка-музсектор

В люльке лежит полугодовалый ребенок. Пеленки благоухают детским одеколоном. Счастливый отец сюсюкает и показывает рожки. Все обычно и понятно.

Но если вдруг эта же детка откашляется и поведет из люльки речь о стабилизации капитализма в Средней Европе, отец испугается и побежит за доктором.

Таких малюток пока нет, но если добрые дяди из Музсектора Госиздата поработают еще немного, то они появятся.

Музыкальные дяди выпустили в свет «Красные песенки» для детей дошкольного возраста. Петть их надо «одноголосным хором, сопровождая звуками фортепиано».

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Дошкольные малытки в коленкорových слянювках собираются в кружок и поют песенку «Загадка». Музыка и суровый текст С. В. Клячко.

Кто нас первый приютил?
Кто нас больше всех любил?
Чье учение есть свет?
Кто нас спас от многих бед,
Кликнув клич международный:
«Встань, проклятьем заклеименный».
Кто же кликнул этот клич?
До-ро-гой наш вождь Ильич!
Засим детки, не подозревая, что закаленный в боях с капиталом С. В. Клячко
скроил этот замечательный стишок из древней песенки: «Кто вас, детки, крепко
любит? Кто вас, детки, приголубит? Мама дорогая!», исполняют следующий красный
опус под названием: «Песенка без конца»:

Ай! Ай! Ай! Ножкой топ туда-сюда.
Мы в Республике Труда!
Живем, поживаем! –
Снова начинаем:
Ай! Ай! Ай! Ножкой топ туда-сюда.
Мы в Республике Труда!
И так далее. Судя по названию, можно топать без конца.

Гражданин С. В. Клячко! Представьте себе на минуту, что вы не С. В. Клячко, что
вам только три года, что вы еще ребенок, не искушенный в халтуре.

И вот к вам приходит дядя Музсектор и заставляет вас топать ножками туда-сюда.

Вы, конечно, топали бы, выкрикивая при этом непонятные маленьким детям слова о
республике труда. Но можно поручиться, что вам не понравился бы этот Музсектор.
И вы первый сказали бы:

– Музсектор – бяка! и клячко – бяка! и ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ, который
разрешил ему эту халтуру, тоже большая БЯКА!

Канцелярист у кормила
Государственный ученый совет (ГУС) не всегда добр. Вообще говоря, он довольно
суров к детским книгам.

Отзывы гусовских рецензентов (и они решают судьбу книги) пишутся в необыкновенно
капризных, иногда просто непонятных выражениях. Преобладающий стиль –
канцелярский. Речь идет о книжке А. Введенского «Кошка»:

Ярко дана бездомная кошка с ее установкой. Рассказ вызовет самое положительное
отношение к кошке.

Кошку с какой-то установкой сменяют туманные, невнятные рецензии о сказках
«Во-первых и во-вторых» и «Железная дорога»:

Не выпячены в достаточной степени неясности положений... Всё стихотворение
основано на динамике и рассуждениях.

На книжку инженера Ильина «Вездеход» дана рецензия– ребус:

Знаем также, что сейчас, благодаря ежеминутно усложняющимся мировым
конъюнктурам, момент особо острого выяснения классовых задач пролетариата, задач
борьбы – и если перспективы вездеходства могут ко-

го-то утешить, успокоить, подменить собой задачи борьбы, это тоже, конечно,
нежелательно.

После этого нелепого заявления, что книга о прогрессе и перспективах техники
подменяет задачи классовой борьбы, ничуть не удивительна судьба рассказов Эдгара
По. С гениальным писателем расправа была коротка:

Запутанная тяжеловесная фабула. Растянутое изложение. Ненужные отступления.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Тяжелый язык.

Рассказы, что и говорить, дрянцо! «Золотой жук», «Система доктора Деготь», «Очки», «Лягушонок», «Спуск в Мальштрем». Ясно, что «штампа секции на эти рассказы не следует давать ни в коем случае».

О книге «Путешествие в Крым» отзыв написан не только игривый, но и нагловатый:

А мы-то, олухи, и не знали, что так просто поехать в Крым!

Чтобы детская литература не захирела, нужно устроиться так. Не допускать к рецензированию людей:

1. Неумных,
2. Малограмотных.

Кроме того, опубликовать для всеобщего сведения имена авторов изречений о бездомной кошке и Эдгаре По.

И ЧУДАК обращается с просьбой ко всем учреждениям и организациям оказать должное содействие в поимке рецензентов.

Киевская сатирика

И случилось так, что перед репертуарной комиссией предстал для исполнения своего номера работник эстрады, автор-юморист.

На пианино сыграли отыгрыш. Работник эстрады, притопывая ножками и победоносно поглядывая по сторонам, спел свои куплеты, нечто очень глупое и непонятное.

– Что это такое вы пели? – спросила удивленная комиссия.

– Как что? – возопил автор-юморист. – Сатирика! Сатирика. – На кого?

– На наркома.

И работник эстрады приложил ладонь ребром к животу, что значило: «Ну, как вы не понимаете? Ну, на этого наркома... с бородой до пупа!» – На какого наркома?

– На Луначарского! – гордо ответил работник эстрады.

Он считал, что блестяще знает советский быт, и никак не мог понять, почему его номер все-таки забраковали.

Но он не пал духом, не приуныл, не положил зубов на полку, не повесил носа. Недавно перед киевским реперткомом скакал и пел куплеты некий сатирик:

Полпред наш Красин (знает всякий)

фашистам грозен и опасен.

Ему я пожелаю так:

Пусть будет впредь он так же красен.

Когда утих гром музыки, репертком спросил:

– Это по какому же поводу куплеты?

– К одиннадцатой годовщине Октября! – гордо ответил автор-плясун.

Нет, гениальный сатирик не пал духом, хотя уже чувствуется в нем какой-то надлом. После неудачных попыток подвязать окладистую бороду Луначарскому и поздравить умершего два года назад Красина он приготовил новый номер:

Хорошо, коль ты философ,

Плохо, что не всех берет,

Хорошо, что есть холера,

Плохо, если идиот.

Чувствуется в этих стихах какой-то лирический надлом, печальная песнь угнетенного невежества.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov

Брак по расчету

К брачному столу В-ского загса подошла парочка. У невесты в волосах дрожали бумажные розы. Лицо жениха было сизовато-красным. Он заметно пошатывался.

– Уходите, уходите, уходите! – сказал заведующий столом брака. – У нас не кабак. Приходите через неделю.

И неделя прошла.

Перед столом брака появилась та же парочка. Никаких особых перемен в состоянии брачующихся не произошло, если не считать большой красной царапины, появившейся на щеке жениха.

– Пьяных не венчаю, – коротко сказал заведующий.

Через неделю положение не изменилось ни на йоту. Жених по-прежнему был пьян, как стелька. Невеста бодрилась.

– Понимаете ли вы, – воскликнул, обратившись к невесте, заведующий, – что в таком виде регистрировать невозможно! Неужели этот человек никогда не бывает трезвым?

Невеста заплакала. Потом сказала:

– Трезвым он бывает, но тогда он, подлюга, не хочет жениться.

Бумажные розы на голове невесты тихо покачивались.

Скромные люди

В одной из европейских столиц (мы не можем утаить того, что под этой столицей подразумевается Москва) издается ежемесячный журнал. Мы не желаем также скрывать его название. Это «Журнал для всех».

Каждый выпуск этого журнала открывается статьей, посвященной творчеству какого-либо видного писателя нашей страны. Статьи снабжены портретами, автографами писателей, и мы вынуждены сознаться в том, что статьи эти написаны в неумеренно хвалебных выражениях.

По случайному недосмотру или недосмотру редакции эти очерки обычно живописуют членов редакционного совета «Журнала для всех».

В широких и живо заинтересованных кругах читателей опасаются за дальнейшую судьбу издания, так как наличие нерасхваленных членов Редсовета иссякает.

И мы не можем скрыть того, что «Журнал для всех» гигантскими шагами приближается к кризису тем.

Обновленные валеты

Много есть на свете тошнотворных благотворительных затей, вроде филантропических балов с «танцами до утра в пользу узников капитала».

Граждан заботливо извещают о том, что на балу будет буфет с крепкими напитками и буде кто пожелает выпить за здоровье вышеупомянутых узников, то может не беспокоиться.

Есть и буфет, можно и надраться в честь революционеров, томящихся в тюрьмах капиталистического Запада.

Открытки, прибыль с которых должна пойти на усиление средств «Общества спасения на водах», вам предлагает субъект, лоб которого настолько изрыт пивными морщинами, что невозможно поверить в то, что ваш двугривенный дойдет до симпатичного Общества, озабоченного спасением утопающих. Не дойдет до Общества и двугривенные ваших сограждан.

Вернее всего, что пойдут эти деньги на углубление пивных морщин на лбу благотворительного субъекта. Выпьет он на эти деньги.

Как видно, такой же изворотливый, напичканный новыми идеями мужчина пробрался

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov недавно в Госкарточную монополию. Это можно заметить по метаморфозе, происшедшей с картами.

Танцы сами по себе вещь невинная, но танцы в пользу голодающих вызывают отвращение.

Карты сами по себе вещь довольно гнусная, но карты с пришитыми к ним «культурными заданиями» совершенно невыносимы.

Но гос-карт-монополия решила работать «в плане культурного похода». И вместо королей с дворницкими бородами, вместо надменных дам и валетов с блудливыми глазами появились представители национальностей нашего Союза.

Новая колода называется красиво и благозвучно:

«Народности СССР».

Бубнового короля заменяет старый узбек в халате и чалме.

Нет больше валета с веревочными усиками. Вместо него – белорус в бараньей шапке.

Нет также и пиковой дамы. В нашей стране нет места таким дамам. Ныне имеется молодая украинка в расшитой рубашке, молодая украинка пик.

Остальные фигуры подстать. Есть и раскрепощенные женщины Востока (дамы, сбросившие чалму), есть и таджики (короли и валеты, образовавшие колхоз). Представлены почти все нацмены.

Говоря коротко:

– Четыре сбоку, узбека нет!

Как, должно быть, обрадуются нацмены! То-то будет ликование в республиках, когда появятся там обновленные короли. Трудно даже себе представить, как благодарны будут нацмены валетам из Гос-карт-монополии.

Мальчики из полосы отчуждения

Подойдите к любому итальянскому мальчику и спросите его:

– Знаешь ли ты, малютка, кто такие красинцы?

– Конечно, – ответит мальчик, – кто же их в Италии не знает?

– А Чухновского знаешь?

– Пожалуйте! С таким вопросом могли обратиться к мальчику помоложе!

Подойдите затем к французскому, немецкому, английскому и шведскому мальчику, задайте им такие же вопросы, и вы получите такие же основательные и точные ответы.

О наших советских мальчиках и говорить нечего. Советские мальчики у нас, слава богу, газеты читают и на элементарный вопрос о красинцах только плечами пожмут. Дескать, не морочьте голову, не мешайте прорабатывать тезисы к VIII Всесоюзному съезду профсоюзов.

Но есть среди советских мальчиков двое малюток, поведение которых внушает серьезнейшие опасения.

Не так давно граждане города Днепропетровска собрались на вокзале для торжественной встречи героев ледового похода. Но в этот день красинцы не приехали.

Днепропетровцы бросились к прямому проводу. Позвонили в Киев, откуда должны были выехать красинцы.

– Когда выедут красинцы?

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
На этот вопрос начальник станции Киев осторожно ответил:

– Кто такие красинцы и что мне предложено будет сделать, если они появятся?

Позвонили на промежуточную станцию Знаменку.

Знаменский начальник оказался не менее сообразительным малюткой. Он ответил:

– Не могу знать, кто такой Чухновский, а если вы интересуетесь Красиным, то таковой, как мне доподлинно известно, уже скончался.

Под веселыми сводами

Увлекательнейшее чтение представляют собой «Своды тарифов», выпущенные НКПСом. Даже самому разочарованному в жизни гражданину эта книга подарит, как пишут в рекламах, несколько минут веселого, оздоравливающего смеха.

В своде 1928 года значится тариф на перевозку кандалов. Просто и деловито – по столько-то копеек с тонно-километра кандалов.

Какой сюрприз для руководителей ВСНХ! Они ведь и не знают, что наши железные дороги предлагают свои услуги по перевозке кандалов за минимальную цену. Придется, как видно, приступить к постройке кандалных заводов. Не гнить же тарифу без дела!

Свод за 1929 год тонко отделяет лук от цибули. Лук можно перевозить по 12,5 тонны в вагоне, а цибулю – только по 10 тонн. Между тем разница между луком и цибулей такая же, как разница между дамской уборной и «жіночім туалетом» или «п-штовой скринкой» и почтовым ящиком.

Дальнейшая прогулка под веселыми сводами НКПС сулит новые радости.

Крупное удовольствие обещает, например, тариф по перевозке бриллиантов повагонно, в навалку. Одной из лучших страниц можно считать также и ту, на которой помещен тариф по перевозке икон.

Вообще вся книга пропитана бодрым юмором, и ее смело можно выпустить в продажу под иным, более соответствующим названием, а именно:

– Вагон смеха! 1000 новых анекдотов и острот, или что дает тарифовед, когда РКИ дома нет. Вместо рубля – пять копеек!

Такова любовь

«Любовь, что такое любовь?.. Она заставляет короля подметать своей бородой придорожную пыль...» – писал когда-то Гамсун. Однако короли теперь не в моде, поэтому мы предлагаем заметить их нарсудьями. В новой редакции это будет звучать так:

«Любовь, что такое любовь?.. Она заставляет даже нарсудью рассыпаться “божественным глаголом” перед дочерью торговца...»:

Я коммунист, а ты – лишенка.

Какая разница, скажи, –

Скажи, красавица-девчонка,

И путь мне к счастью укажи.

Таковы результаты вдохновения нарсудьи Шуйского района Вологодской губернии Жукова.

Если качество стихов определяется их искренностью, содержательностью и экономностью формы – то нужно признать, что приведенные стихи гениальны.

Они вполне могут заменить практикующиеся у нас во время чистки длиннейшие автобиографии. Они могут быть даже вписаны красными чернилами в послужной список народного судьи-поэта.

Что такое «современная литература»

Казалось бы, понятие «современность» подвижно и текуче, как сама жизнь. Но не так полагает Наркомпрос в лице Главпрофобра, ежегодно издающего «Программу испытаний для поступающих в ВУЗы РСФСР».

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Поступающие должны, например, прочесть следующие пять прозаических произведений:

Серафимович – «Железный поток», Сейфуллина – «Правонарушители», Либединский – «Неделя», В. Иванов – «Бронепоезд», Гладков – «Цемент».

Вот пять корифеев! Напрасны усилия всех прочих попутчиков и пролетписателей – Шолоховых, Фадеевых и Фединых. В бесплодных словесных турнирах пусть ломают бумажные копья налитпостовцы с лэфовцами – пути советской литературы точно проверены, оценка произведена, и на ближайшую пятилетку пересмотра не предвидится.

Упомянутые же пять прозаиков могут не беспокоиться. Они твердо включены в штат «современных классиков».

Клеопатра в Армавире
К чему изучать историю и географию, когда паноптикум в Армавире дает несравненно более полные и верные сведения о народах и знаменитых людях.

Армавирский паноптикум помещается в цирке. Три десятка восковых бюстов и фигур расположены вокруг арены.

Не обошлось и без традиционной Клеопатры с цветком от кулича в золотистых волосах.

Фигуры снабжены весьма поучительными надписями: «Индейцы так добры, что дети из любви к отцу убивают его, чтобы не дать ему умереть от голода и холода».

Что скажут наши дети о такой любви?

Историки из паноптикума сообщают, что в Америке имеются «американские баронеты, как, например, Монтефиори, боровшийся против еврейских погромов в царской России».

Есть еще Ян Гус.

«Ян Гус был голландским художником, сожженным в 1838 году за пропаганду против религии».

Ой ли!

Был ли Гус голландским художником? Был ли он сожжен в 1838 году?

Кто из армавирских деятелей разрешил паноптикуму это унылое, вредное вранье?

Курские соловьи

В Курске вышел сборник стихов некоего Еськова «Сквозь бури и туманы». На обложке – портрет. В книжке два предисловия.

Первое – курского союза крестьянских писателей:

Лицо автора, встающее на фоне его творчества, имеет привлекательный вид...

Второе – какого-то Стрельского:

Скромный биограф с нескрываемой радостью ставит свое имя под именем любимого поэта...

А вот и поэты «любимого поэта» (цитируем по воронежской «Неделе»):

В темной и дикой каюте (?) глумленья
Гордо один выношу я и смело,
Цепи не сдержат порывов решенья...
Все! Не утрачу души я к великому делу!
И еще:

Железной жизнью
Весь я в кровь избит,

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Но пусть!

Я не скажу про то другому
И не смирюсь под бременем борьбы.
Еськов, смиритесь! Смиритесь под бременем борьбы с рифмой, формой и
грамотностью.

Кланяйтесь также «скромному биографу»!

Шагая за плугом
В издательстве ЗИФ вышла книжка Кибальчича – «Поросль». Она посвящена новой
деревне. Кибальчич описывает психологические переживания сознательного
советского пахаря:

..Гребенкин, шагая за плугом, чувствовал, как черноземные перефоны бурлят в его
душе. По черноземным полям, по лугам и равнинам, по высоким холмам и сопкам
звенят перефоны. Выше и выше заливают душу Григория черноземные перефоны.
Хотелось плакать, рыдать.

Волнующая, правдивая сцена явно не доработана. Автор скуп на бытовые
подробности. Идеологическая линия страдает отсутствием достаточной четкости.

Почему, спросим мы, за кооперативным кушаком налегающего на плуг Гребенкина не
торчит политграмма Бердникова и Светлова? Где серп и молот?

Почему вместо неопределенных перефонов в душе середняка за пригорком не звучит
Интернационал? Где кумачовое знамя, бодро режущее на ветру?

Умученный вышеназванными перефонами, Гребенкин умирает. Испуская последний
вдох, он говорит окружающим его мужикам:

Следите за развитием животноводства!.. Развивайте площадь посевов!.. Сейте
чистосортные культуры!..

И умер..

Как говорится, его счастье. Предусмотрительно скончался, не дожидаясь, пока в
ЗИФе выйдет эта книжка. Покойники не обязаны читать! Везет людям!

Вредная чепуха
В книгу Глеба Алексеева «Свет трех окон» вошли 8 рассказов. Все они одинаково
плохи и написаны одним и тем же «черноземным» языком:

- Ты послухай-ка сюды..
- Карасину ни икономно жгешь!
- Не оммани!
- Аюшки!

Во всех рассказах описывается современная деревня, которая отличается от старой
только тем, что автор описывает все деревенские зверства по новой орфографии.

В каждом рассказе мужик, конечно, зверь и, конечно, бьет жену.

Он долбанул кулаком по крепкому ее заду.

Евстигней, подмяв под себя жену, сел верхом на ее плечи, не спеша засучил
рукава, поглядел поверх крыши, вздохнул с сокрушением – и уж тогда нанес первый
удар в лицо, норовя своротить скулу.

И только рассказ «Жертва» автор насытил густой идеологией Комсомола.

Тося, заметив, что деревенские парни целуют девок и пьют похабные частушки, –
начала агитировать ребят, что они являются пережитком отсталого царизма.

Ребята соглашались с Тосей и совместно с ней организуют «красные посиделки». На
этих посиделках Тося зачитывает книжечку, в которой говорится:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

Наша точка зрения на любовь может быть лишь революционно-классовой. Если то или иное половое проявление содействует обособлению человека от класса, уменьшает остроту его научной пытливости, лишает его производственно-творческой работоспособности, необходимой классу, понижает его боевые качества, – то такое половое проявление долой!

Тут парни говорят, что, конечно, с такими взглядами жить легче, и очень жалеют, что не знали этого взгляда раньше из-за царского произвола.

Кончается весь этот бред тем, что Тося забеременела от самого активного парня – Бронзового. И когда у нее родился от него ребенок, то он упрекает ее в мещанстве:

– Родила кутенка и назад обеими ногами в болото...

Солнце вокруг, а ты сама в нору ползешь!

А еще через несколько страниц он просто убивает Кимчика...

Единственное достоинство всей книги Глеба Алексеева то, что она издана только в количестве 3000 экземпляров. Но все-таки 3000 экз. по 142 страницы это – 426 000 страниц вредной чепухи и пошлятины.

Город Киев

Киевский Сорабкооп обнародовал полное мудрости сообщение:

С 1 апреля в магазины Сорабкоопа будут выдавать чай по заборным книжкам 1 категории только тем пайщикам, которые имеют семью. Неженатым чай отпускатся не будет

Среди холостяцких масс сообщение Сорабкоопа вызвало оживленную деятельность. Молодые холостяки, привыкшие к чаю с детских лет, с воинственными криками бегали по Крещатику и, хватая под руки первых попавшихся девушек, волокли их прямо в загс. Что же касается старых опытных холостяков, то, промучившись несколько дней без чая, они перешли к массовому потреблению более крепких напитков.

Город Владимир

Город был взволнован широковещательными афишами о научно-популярной лекции профессора хиромантии Кожеваткина.

Граждан несколько пугало страшное слово – хиромантия, но успокаивало то обстоятельство, что вечер устраивался ГПС в весьма почтенном здании Дворца Труда.

Народу собралось много. Научный характер лекции привлек даже преподавателя школы второй ступени с учениками старших классов.

На эстраде появился молодой человек, который мелодичным голосом сообщил, что он и есть профессор.

– Свою лекцию, – сказал он, – я буду сопровождать туманными картинками.

Зрители наострили уши.

– Известно ли вам, граждане, – воскликнул профессор, – что гадалка предсказала Наполеону неудачу в жизни? Не известно? Так вот-с, прошу убедиться.

И на экране появился портрет Наполеона.

– Портрет гадалки я, знаете ли, потерял во время гастролей в Рио-де-Жанейро, но я думаю, что вы убедитесь в правоте моих слов, ознакомившись с портретом великого полководца.

Или, например, возьмем Пушкина. Даже многим пушкинистам не известно, что насильственную смерть предсказала Александру Сергеевичу его сестра Ольга. А между тем – это факт. Ей-богу. Не верите? Пожалуйста!

На экране появился портрет Пушкина.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

– А теперь, граждане, я определю желающим по линиям рук их индивидуальные особенности. Вот вы там, брюнетик! Идите сюда! Дайте руку! Ну, так и есть! Вы любите купаться.

Брюнетик потупился и сообщил, что купаться не любит и никогда не купается.

– Поз-звольте, – пролепетал профессор, – ведь у вас во Владимире река протекает. Клязьма. И в географии сказано, даже странно как-то...

Лекция окончилась.

Владимирцы шлют пламенный привет своему ГПС и надеются, что впредь во Дворце Труда будут устраиваться не менее популярные и не менее научные вечера.

Величие хаоса

Ялтинцы – народ тихий и пугливый. Таким сделал его мягкий и ласковый крымский климат, а пугливым – землетрясение. Оно еще памятно в умах ялтинцев. Страшные слова – «9 баллов», «толчок», «оседание» и «трещина» до сих пор звучат в ушах.

По ночам, ворочаясь под одеялами, ялтинцы по привычке прислушиваются к отдаленным шумам.

Однажды солнечным зимним утром ялтинские улицы покрылись довольно внушительными афишами:

Единственная лекция прибывшего из Киева физика Ильи Мануиловича Калины

ТАЙНА МИРОЗДАНИЯ,

ИЛИ

НЕИЗБЕЖНЫЙ КОНЕЦ МИРА

Загадка небесных вихрей. Медленное опускание дна Черного моря. Вероятное столкновение Земли с кометой в 1933 году

Земля перед смертью, расплавленная внутренним жаром

Беспорядочные массы газов на месте мировых морей

Величие хаоса и красота мироздания

Видавших виды ялтинцев не смутило «вероятное столкновение Земли с кометой 1933 года». (Ведь не скоро! Через четыре года!) Но зато «медленное оседание дна Черного моря» чрезвычайно их заинтриговало.

Заинтригованные женщины плакали. Заинтригованные мужчины, бледные и мужественные, подыскивали удобные для жилья местечки на набережной. Неприятно поражало уверение физика Калины, что все гадости, связанные с исчезновением гор, воды, воздуха и жизни, явятся только предпоследней фазой в истории Земли. О последней фазе прямо-таки противно было думать.

«Величие хаоса» не успокоило ялтинцев. С хаосом им уже приходилось сталкиваться, и они не находили в нем ничего великого.

Физик Калина собрал большую мзду и, нехорошо улыбаясь, уехал.

– Крепитесь – сказал он ялтинцам на прощание, – любуйтесь пока что красотой мироздания. Не долго уже осталось. Хи-хи...

Рекомендуем физику Калине ближайший маршрут:

1) Наманган в Фергане, 2) Ленинанкан в Армении и 3) Японские острова.

Успех лекций обеспечен.

Флора и фауна города Ельни

Странные люди живут в городе Ельне Смоленской губернии. Странные и недоверчивые.

В четвертой группе местной школы-девятилетки за короткий промежуток времени сменились семь учителей.

Чтобы не засиживались!

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov – Здравствуйте, дорогие дети! – говорит вновь назначенный учитель. – Для первого урока я задам вам по географии реки Африки и Аме...

Но тут на кафедре появляется новый учитель.

– Дети, дети! – говорит он. – Не изучайте рек Африки и Америки. Это потом. А изучайте названия мысов и заливов Австра... – К черту Австралию! – заявляет новый учитель. – Потом Австралию! Сейчас нужна Азия. Ее флора и фауна. Вот что вам нужно, дети!

Седьмой по счету учитель с места в карьер вызывает малышей к черной доске, дабы выявить их знания. Дети путают Африку с Австралией, реки с мысами, флору с фауной.

– Какие тупицы вас учили? – ужасается учитель.

– Учили нас не тупицы, – хнычут дети, – но учителей назначали тупицы.

И размазывают по лицу грязные слезы.

За один год в Ельне сменилось также восемь председателей горисполкома.

Тут в детей превратились все граждане города.

А, – говорит председатель № 1.

Б, – говорит председатель № 2.

В, – говорит председатель № 3.

З, – говорит председатель № 7.

И, – говорит председатель № 8.

Странные, недоверчивые люди населяют город Ельню!

Мусор сорта № 2

Индейцы курят табакус.

Из дневника Христофора Колумба

Что это: головотяпство или вредительство?

Из речи общественного обвинителя т. Взрывавай-Ангелиди

Советские граждане тоже курят табакус. Многие из них, зачастую ответственные работники, прямо-таки обожают это зелье. Даже некоторые товарищи вовлечены в курение.

Необходимо заметить, что по линии табака, как любят выражаться в экономических кругах, дело обстоит сравнительно благополучно.

Но вот совершенно неожиданно было замечено, что линия табака, с которой так недавно все обстояло благополучно, заехала черт знает куда.

Сперва табачные неполадки были замечены некурящими товарищами.

Придя в гости к знакомому, некурящий товарищ тревожно внюхивался в квартирный воздух и вскрикивал:

– У вас пожар!

Испуганный хозяин с воплями принимался отыскивать очаг огня, но, не найдя такового, успокаивал гостя:

– Никакого пожара нет. Вам почудилось. Садитесь, Агафангел Кузьмич. Выкушайте чайку.

– Нет, нет, нет, – верещал гость, – ничего я у вас не стану выкушивать. Я задыхаюсь. У вас пожар!

– Агафангел Кузьмич... – Да никакой не пожар. Может быть, это с моими «Дели»

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov что-нибудь случилось?

– А-а-а! Тем хуже. С человеком, который курит «Дели», я не могу иметь ничего общего. Прощайте навек!

Матерые курильщики с прожженными легкими стали в свою очередь замечать, что папиросы или взрываются во рту, или ежесекундно тухнут, или же совсем не горят, так как у них по шву распорото брюхо.

Нет ничего более издевательского, чем товар, который выпускается сейчас под названием папирос ценою в 29 коп. и меньше за 25 штук.

Давно уже назрела необходимость поговорить по душам.

Весь тот отвратительный хлам, который выдается за папиросы, изготовлен якобы по стандарту. Но мы утверждаем, что никто такого стандарта никогда не устанавливал.

Нет и не может быть стандарта, который предписывал бы изготавливать папиросы поломанные, набитые мусором, сучками и сухой капустой, папиросы, которые тухнут, или вовсе не зажигаются, или выпаливают прямо в лицо курильщика. Нет и не может быть стандарта, который допускал бы, чтобы папиросы были набиты только наполовину, высыпались или были бы упакованы в клозетную бумагу.

Все это просто обман потребителя. Папиросные фабрики, выпускающие на рынок сплошной брак и прикрывающиеся флагом стандарта, делают злое вредительство. Они дискредитируют самое понятие «стандарт».

Слово «стандарт», по милости табачных головоотяпов, становится кличкой дурного по качеству товара. Когда хотят сказать, что это папиросы плохие, о них говорят:

– Это стандартные папиросы. Что хорошего можно ожидать от стандартизации?

В течение дня редакция ЧУДАКА закупила в разных частях города дюжину пачек сигарет «Дели» сорта № 2 – 25 шт. 29 к. треста «Моссельпром».

И во всех этих пачках на каждые 25 шт. приходилось не менее 20 шт. абсолютно негодных папирос, разорванных по шву сверху донизу. Оставшиеся целые единицы – отвратительны. Ужасно набиты. Тухнут. Стреляют. Воняют.

Необходимо заметить, что этими же качествами обладают не только «Дели», но и многие другие названия папирос в ту же далеко не малую цену.

На обороте этих возмутительных пачек красуется надпись:

«Продажа по цене выше обозначенной на этикетке карается по закону».

А мы требуем, чтобы карали по закону за продажу этих папирос даже по цене, обозначенной на этикетке.

Ибо цена им не 29 к., а грош им цена. Остальные 28½ к. отняты у потребителя самым злодейским образом.

1928/30

Благообразный вор

Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, у кого ты украл эту книгу.

Старинная поговорка

Обычно кража сурово наказывается, или, как говорят, законом наказуется.

Закон энергично преследует людей, крадущих деньги, носильное платье, примусы или белье с чердаков. Таких людей закон, как говорится, наказует.

Кроме судебной кары, ворам достается и от общественности. Человеку, имеющему за собой семь приводов, надо прямо сказать, трудно вращаться в обществе. Такого человека общественность клеймит и довольно метко называет уголовным элементом.

Но есть множество людей, самых настоящих воругов, типичных домушников, а между тем ни закон, ни общественность и не пытается обуздать их преступные порывы.

Это книжные воры. Они опаснее всех.

Настоящий вор старается пробраться в квартиру ночью, в отсутствие хозяев. Торопясь и нервничая, он хватается, что попадет под руку, и убегает.

Исследуя свою добычу в безопасном месте, вор падает духом. Ложечки, показавшиеся ему серебряными, оказываются алюминиевыми. Скатерть весьма рваная и рыночной стоимости не имеет. Захваченное впопыхах пальто почти полностью амортизировалось, воротник осыпался, а суконце поиздержалось. От продажи оказавшегося в кармане пальто фотографического портрета какой-то девушки тоже особенных доходов не предвидится.

Кроме того, предстоят преследования по закону, возможно, заключение месяца на три в исправительное заведение.

Таков тяжелый труд профессионального вора.

Книжный вор держится иначе. Он приходит только в тот час, когда уверен, что застанет хозяина дома. Пробирается он в квартиру не ночью, а вечером.

Внешний вид книжного вора весьма благообразен. Он одет с приличествующей своему служебному положению роскошью. На нем шестидесятирублевый костюм и зеленоватые суконные гетры. Он хорошо знаком с хозяином квартиры и крадет не сразу.

Сначала он заводит культурный разговор. Он чувствует себя гостем. Его надо поить чаем. Он не прочь полакомиться дальневосточными сардинками, которые хозяин приберегал себе на завтрак.

В конце концов гость съедает эти сардинки и приступает к тому, за чем пришел.

Не обращая внимания на тревожный блеск в глазах хозяина, он подходит к книжным полкам и развязно говорит:

- Да у вас чудная библиотека.
- Да, – говорит хозяин беспокойным голосом.
- Прекрасные книги, – продолжает вор, – обязательно нужно взять у вас чего-нибудь почитать.
- Да, – говорит хозяин, хотя ему очень хочется сказать «нет».
- Давно мне хочется прочесть что-нибудь интересное.

С этими словами гость снимает с полки три лучших, на его взгляд, книги и бормочет:

- Почитаем, почитаем!

На взгляд хозяина, эти три книги тоже лучшие. Поэтому он испуганно лепечет:

- Видите ли...

Но вор неумолим:

- Через неделю вы их получите назад. Вот я даже в книжечку запишу. Взял у Мирона Нероновича «Записки Пиквикского клуба», потом...

И он действительно заносит в книжечку какие-то каракули. Потом прощается с Мироном Нероновичем и уходит. Книг он, конечно, не отдает никогда.

Настоящий вор покидает ограбленную квартиру поспешно. На улице за ним иногда гонятся милиционеры, и вор, задыхаясь, дает стрекача.

Книжный вор движется медленно и уверенно. За ним никто не погонится. Его никто не остановит на улице, никто не спросит сурово:

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф iflandpetrov
– Ты где взял эти книги? Немедленно неси назад, не то убью.

И это величайшая несправедливость. Людей, выпивающих наш чай, людей, похищающих наши сардинки и уносящих наши книги, надо наказывать. Нужен закон против книжных воров, закон, как говорится, сурово наказующий.

1929/30

Блудный сын возвращается домой
Иногда мне снится, что я сын раввина.

Меня охватывает испуг. Что же мне теперь делать, мне, сыну служителя одного из древнейших религиозных культов?

Как это случилось? Ведь мои предки не все были раввинами. Вот, например, прадед. Он был гробовщиком. Гробовщики считаются кустарями. Не кривя душой, можно поведать комиссии по чистке, что я – правнук кустаря.

– Да, да, – скажут в комиссии, – но это прадед. А отец? Чей вы сын?

Я сын раввина.

– Он уже не раввин, – говорю я жалобно. – Он уже снял...

Что он снял? Рясу? Нет, раввины не снимают рясы. Это священники снимают рясу. Что же он снял? Он что-то снял, он отрекся, он отмежевался от своего бородатого быта, с визгом и ревом он порвал связь с божеством и отказал ему от дома.

Но я не могу точно объяснить, что снял мой отец, и мои объяснения признаются неудовлетворительными. Меня увольняют.

Я иду по фиолетовой снежной улице и шепчу сам себе:

«...И совершенно прав был товарищ Крохкий, когда... Скажи, с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты... Яблочко от яблони недалеко падает...»

Совершенно прав был председатель комиссии товарищ Крохкий. Меня надо изжить. Действительно, давно пора.

Я поеду домой, к отцу, к раввину, который что-то снял. Я потребую от него объяснений. Какой он все-таки нетактичный человек! Ведь сколько есть профессий. Он мог бы стать гробовщиком, как мой прадед, наконец, он мог бы сделаться пролетарием умственного труда, бухгалтером. Разве уж так скверно было бы работать за высокой конторкой, сидеть на вращающемся винтовом табурете? Зачем было лезть в раввины? И как он не понял, что совершенно нетактично рожать сыновей раввина? Я поеду к нему. Будет крупный разговор.

Блудный сын возвращается домой. Блудный сын в толстовке и людоедском галстуке возвращается к отцу. Стуча каблуками, он вбегает по лестнице из вареного мрамора на четвертый этаж. Он меланхолически бормочет:

– Я живу на четвертом этаже, там, где кончается лестница.

Он притворяется. Он не меланхоличен, а взволнован. Сын не видел отца десять лет. Он забыл о предстоящем крупном разговоре и целует отца в усы, пахнущие порошком и селитрой.

Отец тревожно спрашивает:

– Тебе надо умыться? Пройди в ванную.

В ванной темно, как десять лет назад, когда вылетевшие стекла заменили листом фанеры. Ничего в отцовской квартире не изменилось за десять лет.

В темноте я подымаю руку кверху. Там была полка и лежало мыло в эмалированной лоханочке. Рука встречает полочку и находит мыло.

Зажмурив глаза, я могу пройти по всей квартире, не зацепившись, не ударившись о мебель. Память уберезет меня от столкновения со стулом или самоварным столиком.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
Закрыв глаза и лавируя, я могу пройти в столовую, взять налево и сказать:

– Я стою перед комодом. Он покрыт полотняной дорожкой. На нем зеркало, голубой фарфоровый подсвечник и фотография моего брата, которого в училище звали Ямбо. Он был толстым мальчиком, а тогда толстых называли Ямбо. Что же касается самого Ямбо, то это был слон.

И, открыв глаза, я увижу комод, дорожку, подсвечник и фотографию..

Здесь, в квартире, корабельный быт. Мебель словно привинчена к полу, установлена раз и навсегда. Отец стоит рядом, поправляя пороховые усы.

Отчего у него усы пахнут порохом? Он ведь не полководец и не севастопольский герой – он раввин, неэтичный служитель культа и к тому же двуличный, лицемерный человек. Разве он перестал верить в Бога? Да нет же. Пришел, как видно, однажды домой, вздохнул и сказал:

– Меня душат налоги. Семнадцать рублей в месяц за электричество. Это грабеж.

И снял рясу, то есть не рясу, а вроде этого. Простое дело – электричество победило религию.

Но мне-то ведь это не помогло. Я остался сыном раввина. Победа клочетной электрической лампочки над вседержителем нисколько мне не помогла.

Такого отца надо презирать. Но я чувствую, что люблю его. Что из того, что его усы пахнут селитрой! Ветчина тоже пахнет селитрой, и никто, однако ж, не требует, чтобы она водила полки в бой.

У моего отца шестидесятилетние аметистовые веки и шрам на левой щеке, не сдвинувшийся с места корабельный шрам.

Позор, я люблю раввина!

Сердце советского гражданина, гражданина, верящего в строительство социализма, трепещет от любви к раввину, к бывшему орудью культа. Как могло это произойти? Прав был товарищ Крохкий. Яблочко, яблочко, скажи мне, с кем ты знакомо, и я скажу, кто тебя съест.

Ужас, отец мой – яблоня, раввин с лиственной бородой. Мне надо отмежеваться от него, но я не могу. Нет, не будет крупного разговора, я слишком люблю своего отца. И я только спрашиваю:

– Зачем, зачем ты был раввином?

Отец удивлен. Он смотрит на меня с нежной тревогой и говорит:

– Я никогда не был раввином. Тебе это приснилось. Я бухгалтер, я герой труда.

И он грустно трогает рукой свои пороховые усы.

Сон кончается мотоциклетными взрывами и пальбой. Я просыпаюсь радостный и возбужденный.

Как хорошо быть любящим сыном, как приятно любить отца. Если он бухгалтер, если он пролетарий умственного труда, а не раввин.

1930

Княжество Морозова

Великие слова обычно принадлежат так называемым великим людям.

Средние людишки, простые смертные, исторических фраз не произносят.

Например, гордую фразу – «Государство – это я», – сказал Людовик XIV, а не какой-нибудь мелкий французский счетовод.

Также и слова – «Рубикон перейден» – принадлежат не маленькому древнеримскому частнику, а Юлию Цезарю.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Уж если человек изрекает нечто историческое, то не сомневайтесь, не маленький это человек.

Не оскудела гордыми словами и наша бурная эпоха.

«Обещаю уничтожить в ближайшем будущем оспу в СССР».

Слова явно исторические!

И, как всегда, человек, их произнесший, не какая-нибудь мелкая единица, получающая по второму разряду сетки. Средние людишки, простые смертные, не облагаемые даже подоходным налогом, исторических фраз не произносят. Сказал эти слова директор Государственного оспопрививательного института Морозов.

И что самое удивительное, Морозов горделиво отказывается от помощи. Никто ему не нужен в титанической борьбе с оспой, только лишь жена, да верный бухгалтер Киселев, да глубоко своя лаборантка Литвинова.

Вот и всё. Больше никто не нужен для уничтожения страшной эпидемии. Остальные только мешают.

Работал в институте врач Мордвинов, партиец, «врачок Мордвинов», как называл его Морозов. «Врачок» занимался научной работой. Директор затирает ее, говоря, что нечего заниматься пустяками и глупостями. Кроме того, наивный врачок посмел на общих собраниях указать на некоторые хозяйственные художества Морозова и завхоза.

И уже через короткое время понял врачок, что бороться с оспой еще можно, а вот с Морозовым, пожалуй, нельзя. Из-за вечных придирок директора Мордвинову пришлось уйти.

Директор выработал твердый план – «промфинплан». Первым долгом выписал из Воронежа свою жену Миакович и устроил ее лаборанткой, что институту было абсолютно не нужно.

Как легко можно заметить, борьба с оспой началась довольно удачно, хотя обязательно требовала нарушения законов о труде.

Однако вскоре неустрашимый борец с эпидемией открыл в своем удельном княжестве страшный заговор. По уверениям директора, тайное террористическое общество под названием «Самокритика» злоумышляло против него. На общем собрании Морозов разоблачил замыслы этой грязной банды.

«Самокритику в институте затеяла группа шкурников и лентяев, желающих выставить из института некоторых лиц и занять их места; врачи хотят сесть на место директора, а препараты Голубина и Гудже намерены занять должности лаборанток Миакович и Литвиновой и заместить должности препаратов рабочих Капитуловыми».

– Обо всём этом я узнал от кухарки! – закончил свою великолепную речь директор.

Сообщение кухарки решило участь заговорщиков.

Голубина была уволена как склочница и плохая работница, хотя незадолго до этого директор утверждал, что у него все сотрудники проверенные и подобранные как нужно.

Гудже была уволена «по сокращению штатов», хотя место это в штатах осталось.

Кстати, Морозов выгнал и кучера Петрашева.

Кучер действительно черт знает что себе позволил! Проработав подряд 17 часов, отказался везти директора с женой в город. Мало того, отказался просить извинения у директора за свой неучтивый поступок. А так как, кроме всего, Петрашев был еще и представителем в комиссии РКИ по проверке работы аппарата, то жалеть его было нечего – уволили без согласования с профуполномоченным.

А борьба с оспой требовала всё новых и новых жертв.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ifandpetrov

Врач Беленький, работавший в институте, имеет много научных трудов, но у врача Беленького есть крупный недостаток – он еврей.

Поэтому лаборантки Миакович и Литвинова говорят о нем просто и коротко – «жид». А в приказе о переводе Беленького на социальное страхование (он попал под поезд) отчество его «Эммануилович» переделывается самым неприличным, хулиганским образом, на потеху директорским подхалимам. Это тоже необходимо для успешной борьбы с оспой!

Так как Морозов хочет уничтожить оспу в СССР единолично, то не нужна ему и врач Попова, имеющая научные труды. Сначала он оставляет ее без препаратов, а потом бюрократически возлагает на нее ответственность за весеннюю прививочную кампанию на местах. Попова тоже была уволена.

Врачи и научные сотрудники Морозову не нужны. Вот подхалим бухгалтер Киселев – это действительно верный помощник в борьбе с оспой. Этот Киселев устроил в институт свою жену, совершенно не знающую бухгалтерии. Он же заявлял, что непрерывка нужна только шкурникам.

Вдвоем с верным бухгалтером Морозов выступает против оспы!

Этот наглый зажим, это преследование молодых научных сил, все эти безобразия не могли не обратить на себя внимания РКИ.

Мы уже сообщили в свое время о решении МКИ – РКИ.

– Морозова снять с работы и дело о нем передать прокурору, верного Киселева снять и запретить на два года занятие ответственных должностей, ответработника НКЗ Баскакова, замазывавшего морозовские дела, снять и дело о нем передать в партколлегию, Миакович снять, а всех неправильно уволенных восстановить с оплатой прогула.

Но почему же до сих пор это решение осталось на бумаге?

Почему Морозов, Баскаков и верный бухгалтер Киселев продолжают сидеть на своих местах, прививая в институте грубый зажим?

Или борьба с оспой, действительно, требует изгнания из института честных, квалифицированных и полезных сотрудников? Не приведет ли это к тому, что вместо уничтожения оспы в СССР будут уничтожены молодые научные кадры?

И не пора ли по-деловому поставить вопрос о присоединении оспопрививательного института к Бактериологическому в виде оспенного отделения, что может дать и научный, и производственный эффект, а также освободить научных специалистов от хозработы?

1930

Кооп-мальчик для побоев

Еще не так давно при английском королевском дворе существовала самая удивительная в мире штатная должность.

Полное наименование этой должности звучало так:

– Мальчик для побоев.

Обязанности молодого человека, работавшего по этой специальности, были весьма несложны. Хотя и неприятны – он получал побои всякий раз, когда наследный принц не приготовил урока.

Пороть самого принца считалось неудобным. Как-никак – будущий король! Поэтому пороли мальчика, надеясь, как видно, на то, что его жалобные вопли вызовут у принца желание грызть молодыми королевскими зубами гранит начальной арифметики.

Говорят, впрочем, что это средство никогда не помогало, и должность мальчика для побоев была вследствие этого упразднена.

Тем более странно, что ее собираются учредить у нас.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov

Уралоблсоюз потребовал от торговдела своей Ишимской базы сведений по пятидневкам о заброске товаров в б. Ишимский округ. Свое справедливое желание Уралоблсоюз выразил сразу в двух следовавших одна за другой телеграммах.

Торготдел медлить не стал.

На телеграммы полетел телеграфный ответ, а кроме того, спешной почтой регулярно двинулись длинные аккуратные ведомости о поступлении промтоваров.

Казалось бы, всё! Союз потребовал, база удовлетворила!

Однако требования из Уралоблсоюза всё шли и шли. После угрожающего письма приходила угрожающая телеграмма. Телеграмму сменяла совсем уже грозная молния.

«Последний раз предупреждаем непредставление привлечем к ответственности».

Предупреждаем! Привлечем! В торговделе терялись. За что привлечем? Сведения высылаются аккуратнейшим образом, правильно, своевременно! Посылаем вторично. Посылаем по третьему разу!

А Уралоблсоюз все бушевал:

– Давайте сведения!

Наконец ишимцы догадались, в чем дело. Все эти срочнейшие, необходимейшие сведения спокойно кладутся в папки в каком-нибудь из отделов Уралоблсоюза. Об этом ишимцы написали письмо в правление.

В ответ снова прискакала телеграмма с требованием сведений. В Ишиме началась паника.

Впрочем, Уралоблсоюз нашел, как видно, все посланные ему документы, потому что неожиданно разразился милостивым письмом:

«Сообщаем, что сведения, предоставляемые вами, вполне удовлетворяют».

Ффф–у! Наконец-то!

Но оказывается, что это был еще не конец. Вслед за милостивым письмом пришло постановление из Уралоблсоюза с выговором управляющему Ишимской базой Гусеву за непредоставление своевременно сведений, с предложением наложить административное взыскание на неисполнителей. Постановление это должно быть объявлено в «Уральском кооператоре».

Итак, Уральская кооперация ввела должность мальчика для побоев.

За собственную расхлябанность, за незнание того, что делается в собственных отделах Уралоблсоюз решил выпороть Ишимскую базу.

Если постановление будет опубликовано в газете «Уральский кооператор», то мы требуем объявить Уралоблсоюзу выговор в «Кооперативной жизни»:

За неумение наладить работу отделов в связи с ликвидацией округов и за покрывательство своих чиновников и головоотяпов.

1930

1 Речь идет о Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 года в Москве.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

иски провинциала. Фельетоны, рассказы, очерки (Вечные спутники). Илья Арнольдович Ильф ilfandpetrov
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!